СВЕТЛЯЧОК

1 класс

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Универсальная хрестоматия составлена в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта нового поколения и может быть использована со всеми основными учебниками по литературному чтению, рекомендованными Министерством образования и науки РФ.

Книга включает в себя произведения устного народного творчества, сказки русских и зарубежных писателей, стихотворения и прозу отечественных классиков. Кроме того, в хрестоматии имеются краткие биографические сведения и интересные факты из жизни любимых детских писателей.

- Универсальная хрестоматия: 1 класс
  - Устное народное творчество
    - Загадки
    - Небылицы
    - Потешки
    - Пословицы и поговорки
    - Скороговорки
    - Считалки
    - Докучные сказки
    - Русские народные сказки
      - Волк и коза
      - Лиса и кувшин
      - Лиса и козёл
      - Пузырь, соломинка и лапоть
      - Лисичка-сестричка и волк
      - Теремок
      - Привередница
      - Терёшечка
      - Кот и лиса
      - Лиса-исповедница
      - Никита Кожемяка
      - Журавль и цапля
      - Петушок – золотой гребешок
      - Морозко
  - Русская литература XIX века
    - Проза
      - Владимир Иванович Даль (1801–1872)
        -
        - Девочка Снегурочка
        - Старик-годовик

- Лев Николаевич Толстой (1828–1910)
  -
  - Косточка (Быль)
  - Старый дед и внучек
  - Птичка
  - Зайцы и лягушки
  - Отец и сыновья
  - Булька
  - Три калача и одна баранка
- Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870)
  -
  - Четыре желания
  - Ветер и солнце
  - Учёный медведь
  - Худо тому, кто добра не делает никому
  - Гусь и журавль
  - Орёл и кошка
- Поэзия
  - Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844)
    -
    - «Весна, весна! как воздух чист!…»
  - Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848–1930)
    -
    - «Всё зазеленело…»
    - Привет
    - Родине
  - Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)
    -
    - Жаворонок
    - Птичка
    - Котик и козлик
  - Иван Андреевич Крылов (1769–1844)
    -
    - Лебедь, Щука и Рак
    - Стрекоза и Муравей
    - Мартышка и Очки
  - Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)
    -
    - Колыбельная песня

- Весна (Посвящается Коле Трескину)
- Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)
  -
  - Дедушка Мазай и зайцы
  - «В зимние сумерки нянины сказки…» (отрывок из поэмы «Саша»)
  - «Не ветер бушует над бором…» (отрывок из поэмы «Мороз, Красный нос»)
- Иван Саввич Никитин (1824–1861)
  -
  - Вечер ясен и тих…
- Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893)
  -
  - Сельская песня (отрывок)
  - Мой садик
  - Весна
  - Осень
- Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)
  -
  - Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди
  - Сказка о рыбаке и рыбке
  - «У лукоморья дуб зелёный…» (отрывок из поэмы «Руслан и Людмила»)
  - «Зима!.. Крестьянин, торжествуя…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)
  - «Уж небо осенью дышало…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)
- Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)
  -
  - Весенние воды
  - «Зима недаром злится…»
  - «Чародейкою Зимою…»
- Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892)
  -
  - «Кот поёт, глаза прищуря…»
  - «Мама! глянь-ка из окошка…»
  - «Чудная картина…»

- «Ласточки пропали…»
- «Прошла весна, – темнеет лес…»
- «Печальная берёза…»

- Русская литература XX века
  - Проза
    - Нина Михайловна Артюхова (1901–1990)
      -
      - Подружки
      - Трусиха
      - Саша-дразнилка
    - Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991)
      -
      - Человеки
      - Красные уши
      - Петрушка
    - Аркадий Петрович Гайдар (1904–1941)
      -
      - Совесть
    - Виктор Владимирович Голявкин (1929–2001)
      -
      - Болтуны
      - Яандреев
      - Я пуговицу себе сам пришил!
      - Про единицу и двойку
    - Максим Горький (1868–1936)
      -
      - Воробьишко
    - Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972)
      -
      - Друг детства
      - …Бы
      - Англичанин Павля
    - Владимир Карпович Железников (род. в 1925 г.)
      -
      - История с азбукой
    - Борис Степанович Житков (1882–1938)
      -
      - Храбрый утёнок
      - На льдине
      - Пожар в море
      - Светофор
    - Валентина Александровна Осеева (1902–

1969)
-
- Всё вместе
- Почему?
- Синие листья
- Сыновья
- Печенье

- Л. Пантелеев (1908–1987)
  -
  - Карусели
  - Буква «Ты»
  - АУ
- Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968)
  -
  - Кот-ворюга
- Евгений Андреевич Пермяк (1902–1982)
  -
  - Про нос и язык
  - Для чего руки нужны
  - Пичугин мост
- Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954)
  -
  - Берестяная трубочка
  - Ёж
  - Ребята и утята
  - Лисичкин хлеб
- Георгий Алексеевич Скребицкий (1903–1964)
  -
  - Передышка
- Николай Иванович Сладков (1920–1996)
  -
  - Всему своё время
  - Почему год круглый
  - Хитрющий зайчишка
  - Свиристели

- Поэзия
  - Яков Лазаревич Аким (1923–2013)
    -
    - Жадина
    - Неумейка
    - Митины каникулы

- В школу
- «Я маленьким был…»

- Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)
  -
  - К зиме
  - Осень
- Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998)
  -
  - Перед первым сентября
  - Первое сентября
  - В школу
  - Читалочка
  - Петушки
  - Где право, где лево
  - Заяц-барабанщик
- Александр Александрович Блок (1880–1921)
  -
  - Ветхая избушка
  - Ворона
  - Зайчик
  - На лугу
  - Снег да снег
- Юрий Владимирский (1909–1931)
  -
  - Чудаки
  - Ниночкины покупки
- Сергей Александрович Есенин (1895–1925)
  -
  - «Поёт зима – аукает…»
  - Берёза
  - Черёмуха
  - «Заметает пурга…»
- Юрий Иосифович Коринец (1923–1989)
  -
  - Лапки
  - Как я искал свой день
  - Таинственный дом
- Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)
  -
  - История Власа – лентяя и лоботряса

(в сокращении)
- Что такое хорошо и что такое плохо?
- Эмма Эфраимовна Мошковская (1926–1981)
  -
  - Решительное решение
  - «Не надо больше ссориться…»
  - «Можно всему-всему научиться…»
  - Весенняя арифметика
  - Какие бывают подарки
- Ирина Михайловна Пивоварова (1939–1986)
  -
  - Ученик
  - Школьное окно
  - Вежливый ослик
- Нина Саконвская (1896–1951)
  -
  - Мы с мамой
- Андрей Алексеевич Усачёв (род. в 1958 г.)
  -
  - Стая и стадо
  - Шуршащая песня
  - Часы
- Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)
  -
  - Скучные игры
  - Так
- Саша Чёрный (1880–1932)
  -
  - Храбрецы
  - Волк
  - Живая азбука
- Корней Иванович Чуковский (1882–1969)
  -
  - Федорино горе
  - Путаница
  - Радость
  - Барабек (Английская песенка)

○ Зарубежные сказки
- Ганс Христиан Андерсен (1805–1875)
  -
  - Стойкий оловянный солдатик
  - Принцесса на горошине

        - Дюймовочка
    - Шарль Перро (1628–1703)
        -
        - Кот в сапогах
        - Красная шапочка
    - Джоэль Чандлер Харрис (1845–1908)
        -
        - Сказка про лошадь Братца Кролика
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41

Универсальная хрестоматия: 1 класс

Устное народное творчество

Загадки

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает.

Книга

* * *

Чёрный Ивашка,
Деревянная рубашка,
Где носом ведёт,
Там заметку кладёт.

Карандаш

* * *

Железный нос
В землю врос,
Роет, копает,
Землю разрыхляет.

Лопата

* * *

Сидит дед,В
о сто шуб одет.
Кто его раздевает,
Тот слёзы проливает.

Лук

* * *

Среди двора стоит копна:
Спереди вилы, сзади метла.

Корова

* * *

Кланяется, кланяется,
Придёт домой – растянется.

Топор

* * *

Маленька,
Светленька,
Да весь мир одевает.

Игла

* * *

Летит орлица
По синему небу.
Крылья распластала,
Солнышко застлала.

Туча

* * *

Сам алый, сахарный;
Кафтан зелёный, бархатный.

Арбуз

Небылицы

У Иванова двора
Загорелася вода.
Всем селом пожар тушили,
А огонь не загасили.
Пришёл дедушка Фома,
Расседая борода.
Он народ погнал в овин[1],
Затушил пожар один.
Как Фома тушил пожар,
Он об этом не сказал.
Только слышно стороной:
Затушил он бородой!

* * *

Между небом и землёй
Поросёнок рылся
И нечаянно хвостом
К небу прицепился.

* * *

Из-за леса, из-за гор
Едет дедушка Егор.
Он на сивой[2] на телеге,
На скрипучем на коне,
Топорищем подпоясан,
Ремень за пояс заткнут,
Сапоги нараспашку,
На босу ногу зипун[3].

* * *

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.

Выхватил телегу
Он из-под кнута
И давай дубасить
Ею ворота.
Крыши испугались,
Сели на ворон,
Лошадь погоняет
Мужика кнутом.

Потешки

КОШКА И КУРОЧКА

Кошка на окошке
Рубашку шьёт,
Курочка в сапожках
Избёнку метёт.

МЫШИ

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Вот проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

ПЕТУШОК

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь?
Ване спать не даёшь?

Пословицы и поговорки

О РОДИНЕ

Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалей.

* * *

Родина – мать, умей за неё постоять.

* * *

Где смелость, там и победа.

О ДРУЖБЕ

Нет друга – ищи, а нашёл – береги.

* * *

Все за одного, один за всех.

ОБ УМЕНИИ И ТРУДОЛЮБИИ

Делу время, а потехе час.

* * *

Учение – путь к умению.

* * *

Терпение и труд всё перетрут.

* * *

Семь раз отмерь, а один отрежь.

* * *

Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.

* * *

Не учи безделью, а учи рукоделью.

* * *

Труд человека кормит, а лень портит.

О ЛЕНИ И НЕРАДИВОСТИ

Поспешишь – людей насмешишь.

* * *

Под лежачий камень и вода не течёт.

* * *

Не спеши языком, торопись делом.

* * *

Делаешь наспех – сделаешь на смех.

* * *

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

* * *

Любишь кататься – люби и саночки возить.

* * *

На работу он сзади последних,
а на еду – впереди первых.

Скороговорки

На дворе трава, на траве дрова.
Не руби дрова на траве двора.

* * *

От топота копыт пыль по полю летит.

* * *

Проворонила ворона воронёнка.

* * *

Бежит лиса по шесточку,
Лизни, лиса, песочку!

* * *

Ехал грека через реку,
Видит грека – в реке рак,
Сунул грека руку в реку,
Рак за руку греку цап.

* * *

У перепела и перепёлки пять перепелят.

* * *

Шли сорок мышей, несли сорок грошей;
Две мыши поплоше несли по два гроша.

Считалки

Ай, чу-чу, чу-чу, чу-чу,
Я горошек молочу,
Я горошек молочу
На Ивановом току.
Ко мне курочка бежит,
Конопаточка спешит.
Ой, бежит она, спешит,
Ничего не говорит.
А из курочки перо
Полетело далеко,
Ой, далёко, далеко,
На Иваново село.

* * *

Конь ретивый[4],
Долгогривый,
Скачет полем,
Скачет нивой,
Кто коня
Того поймает,
С нами в салочки
Играет.

* * *

Начинается считалка:
На берёзу села галка,
Две вороны, воробей,
Три сороки, соловей.

* * *

Ой ты, зоренька-заря,
Заря вечерняя.

А кто зореньку найдёт,
Тот и вон пойдёт.

* * *

Конь ретивый
С длинной гривой
Скачет по полям
Тут и там.
Где проскачет он —
Выходи вон.

* * *

Палочка идёт,
Кого первого найдёт,
Тот за палочкой пойдёт.

Докучные сказки

Стоит град пуст,
А во граде куст.
Под кустом сидит старец,
У него в руках косой заяц.
У зайца во рту сало.
Не начать ли сначала?

* * *

Во борочке журавль да кулик.
На лужочке старушка и старик.
Накосили стожок сенца
И поставили у крыльца.
Не сказать ли сказку опять с конца?
Во борочке…

Русские народные сказки

Волк и коза

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдёт – козлятки запрут избушку и сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоёт:

Козлятушки, детятушки!
Отопритеся, отворитеся!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут дверь и впустят мать. Она их покормит и опять уйдёт в бор, а козлята запрутся крепко-накрепко.

Волк всё это подслушал, выждал время, и только коза в бор, он подошёл к избушке и закричал толстым голосом:

Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритеся, отворитеся,
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытцы водицы!

А козлятки отвечают:

– Слышим, слышим – не матушкин это голосок! Наша матушка поёт тонким голосом и не так причитает.

Волк ушёл и спрятался. Вот приходит коза и стучится.

Козлятушки, детятушки!
Отопритеся, отворитеся!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,

Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к нам бирюк (волк) и хотел их поесть.

Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала:

– Коли придёт кто к избушечке и станет проситься толстым голосом и не переберёт всего, что я вам причитываю, – того ни за что не впускать в двери.

Только ушла коза, волк прибежал к избушке, постучался и начал причитывать тоненьким голосом:

Козлятушки, детятушки!
Отопритеся, отворитеся!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шёлковую,
Пила воду студёную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка по копытечку,
Из копытечка во сыру землю!

Козлята отперли дверь, волк вбежал в избу и всех поел, только один козлёночек схоронился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала – никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что всё отворено; в избу – а там всё пусто; заглянула в печь и нашла одного детища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

– Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злому волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиною сделал.

Услыхал это волк, входит в избушку и говорит козе:

– Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешишь? Неужели таки я сделаю это. Пойдём в лес, погуляем.

– Нет, кум, не до гулянья.

– Пойдём! – уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашицу недавно варили, и оставалось в ней ещё довольно-таки огня.

Коза и говорит волку:

– Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через яму?

Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от

огня лопнуло, и козлята оттуда да прыг к матери!

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Лиса и кувшин

Вышла баба на поле жать[5] и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда – головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

– Ну, кувшин, пошутил, да и будет – отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать – поиграл, да и полно!

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

– Погоди же ты, проклятый, не отстаёшь честью, так я тебя – утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

Лиса и козёл

Бежала лиса, на ворон зазевалась – попала в колодец.

Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить тоже. Сидит лиса, горюет. Идёт козёл, умная голова; идёт, бородищей трясёт, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

– Что ты там, лисонька, поделываешь?

– Отдыхаю, голубчик, – отвечает лиса. – Там наверху жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой – сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется.

– Хороша ли вода-то? – спрашивает козёл.

– Отличная! – отвечает лиса. – Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь; здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козёл, чуть лисы не задавил, а она ему:

– Эх, бородатый дурень! И прыгнуть-то не умел – всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козёл с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Пузырь, соломинка и лапоть

Жили-были пузырь, соломина и лапоть[6]; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывём!» – «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдём по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошёл по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул.

Лисичка-сестричка и волк

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

– Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везёт домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошёл к лисичке, а она не ворохнётся, лежит себе как мёртвая.

– Вот будет подарок жене! – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошёл впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

– Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привёз я тебе на шубу!

– Где?

– Там на возу – и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы – и начала ругать мужа:

– Ах ты, такой-сякой! Ты ещё вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мёртвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе.

Приходит к ней серый волк:

– Здравствуй, сестрица!

– Здравствуй, братец!

– Дай мне рыбки!

– Налови сам да и кушай.

– Я не умею.

– Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала́, и велика́! Ловись, рыбка, и мала́, и велика́! Ловись, рыбка, и мала́, и велика́!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди

подольше, а то не наловишь.

Волк и пошёл на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

Ловись, рыбка, и мала́, и велика́!
Ловись, рыбка, и мала́, и велика́!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

Ясни, ясни, на небе звёзды,
Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

– Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?

– То я тебе помогаю.

А сама, плутовка, поминутно твердит:

Мёрзни, мёрзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило – и не вытащишь!» – думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

– Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом[7], кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

– Так-то учишь? Меня всего исколотили!

– Эх, братец! – говорит лисичка-сестричка. – У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

– И то правда, – говорит волк, – где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он её и повёз.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

Битый небитого везёт,
Битый небитого везёт!

– Что ты, сестрица, говоришь?
– Я, братец, говорю: «Битый битого везёт».
– Так, сестрица, так!

Теремок

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норушка и спрашивает:
– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
Никто не отзывается.
Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове.
Пришла лягушка-квакушка:
– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
– Я, мышка-норушка; а ты кто?
– А я лягушка-квакушка.
– Ступай ко мне жить.
Вошла лягушка, и стали себе вдвоём жить.
Прибежал заяц:
– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
– Я, мышка-норушка, да лягушка-квакушка; а ты кто?
– А я на горе увёртыш.
– Ступай к нам.
Стали они втроём жить.
Прибежала лисица:
– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
– Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш; а ты кто?
– А я везде поскокиш.
– Иди к нам.
Стали четверо жить.
Пришёл волк:
– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?
– Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде поскокиш; а ты кто?
– А я из-за кустов хватыш.
– Иди к нам.
Стали пятеро жить.
Вот приходит к ним медведь:

– Терем-теремок! Кто в тереме живёт?

– Мышка-норушка, лягушка-квакушка, на горе увёртыш, везде поскокиш, из-за кустов хватыш.

– А я всех вас давишь!

Сел на голову и раздавил всех.

Привередница

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое – дочка Малашечка да сынок Ивашечка. Малашечке было годков десяток или поболе, а Ивашечке всего пошёл третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

– Мы-де тебе и того дадим, и другого добудем!

А уж как Малашечка испривереднилась, так такой другой не то что на селе, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, – на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечёт мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит:

– Кисел, давай медку!

Нечего делать, зачерпнёт мать на ложку мёду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без мёду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

– А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов калёных, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. – Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала, а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйдем на улицу!» А их изба была крайняя к лесу.

Подруги заманили её в лес с ребёнком – она села и стала брату веночки плесть. Подруги поманили её в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам – та не знает, другая не видела. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать: бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

– Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

– Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

– Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

– Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! – сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, – села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

– Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

– Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка – может статься, тогда и скажу!

– Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много – и то ем по выбору!

Покачала на неё яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

– Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно!»

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

– Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

– А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

– Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

– Эх, – погрозилась на неё река, – не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколоться, вот и вздумала с ним заговорить:

– Ёжик, ёжик, не видал ли ты моего братца?

А ёжик ей в ответ:

– Видел я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребёнка в красной рубашечке.

– Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! – завопила девочка-привередница. – Ёжик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал ёж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Яга Баба, в избушке на курьих ножках; в прислугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

– Ёжик ты мой рябенький, ёжик игольчатый! Доведи меня до

избушки на курьих ножках!

– Ладно, – сказал он и повёл Малашечку в самую чашу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьётся, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягодки на солнышке дозревают.

«Вот бы поесть!» – думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привёл ёе к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворенную дверь и видит – в углу на лавке Баба Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки да вон из избы!

А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял всё стадо гусиное, а сам полетел к Бабе Яге докладывать. А Баба Яга – костяная нога так спит, что с неё пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж гусь ей в то ухо и в другое кричит – не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

– Баба Яга – костяная нога! У нас дома неладно что-то сделалось, Ивашечку Малашечка домой несёт!

Тут Баба Яга как расходилась:

– Ах вы трутни, дармоеды, из чего я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкою перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

– Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

– Девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

– Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну, теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла её зелёным тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой да с тем и полетели домой.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой

перекликаются, а Малашечка, заслыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит её:

– Матушка зелёная яблонька! Схорони, укрой меня от беды неминучей, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

– А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дичок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

– Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в серёдочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню – нет никого! Полетели ещё туда, сюда да с тем к Бабе Яге и вернулись.

Как завидела она их порожнем, закричала, затопала, завопила на весь лес:

– Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки ощиплю, на ветер пущу, самих живьём проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

– Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси всё ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали – еле плетётся.

Вот видит она – в поле та печь стоит, что её ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

– Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы Яги!

– То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «варёного не ем, печёного не хочу, а жареного и на дух не надо!»

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперёд-де таково не буду!

– Ну, посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

– Такого-то хлебца я отроду не видала – словно пряник-коврижка!

А печка, смеючись, говорит:

– Голодному и ржаной хлеб за пряник идёт, а сытому и

коврижка вяземская не сладка! Ну, полезай теперь в устье[8], – сказала печь, – да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси всё ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

– Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не нашед Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьём съест. Здесь остаться также не можно: она велит их всех перестрелять.

– Разве вот что, братья, – сказал передовой вожак, – вернёмся домой, в тёплые земли – туда Бабе Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью всё село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ребята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всём отцу с матерью повинилась, про всё рассказала и обещала вперёд слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

Терёшечка

Худое житьё было старику со старухою! Век они прожили, а детей не нажили; смолоду ещё перебивались так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат и плачут. Вот сделали они колодочку, завернули её в пелёночку, положили в люлечку, стали качать да прибаюкивать – и вместо колодочки стал расти в пелёночках сынок Терёшечка, настоящая ягодка! Мальчик рос-подрастал, в разум приходил. Отец ему сделал челночок[9]. Терёшечка поехал рыбу ловить; а мать ему и молочко и творожок стала носить. Придёт, бывало, на берег и зовёт: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». Терёшечка далеко услышит её голосок, подъедет к бережку, высыпет рыбку, напьётся-наестся и опять поедет ловить.

Один раз мать говорила ему: «Сыночек, милочка! Будь осторожен, тебя караулит ведьма Чувилиха; не попадись ей в когти». Сказала и пошла. А Чувилиха пришла к бережку и зовёт страшным голосом: «Терёшечка, мой сыночек! Плыви, плыви к бережочку; я, мать, пришла, молока принесла». А Терёшечка

распознал и говорит: «Дальше, дальше, мой челночок! Это не родимой матушки голосок, а злой ведьмы Чувилихи». Чувилиха услышала, побежала, доку[10] сыскала и добыла себе голосок, как у Терёшечкиной матери. Пришла мать, стала звать сына тоненьким голоском: «Терёшечка, мой сыночек, плыви, плыви к бережочку». Терёшечка услышал и говорит: «Ближе, ближе, мой челночок! Это родимой матушки голосок». Мать его накормила, напоила и опять за рыбкой пустила.

Пришла ведьма Чувилиха, запела выученным голоском, точь-в-точь родимая матушка. Терёшечка обознался, подъехал: она его схватила да в куль[11] и помчала. Примчала в избушку на курьих ножках, велела дочери его изжарить; а сама, поднявши лытки[12], пошла опять на раздобытки. Терёшечка был мужичок не дурачок, в обиду девке не дался, вместо себя посадил её жариться в печь, а сам взобрался на высокий дуб.

Прибежала Чувилиха, вскочила в избу, напилась-наелась, вышла на двор, катается-валяется и приговаривает: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!» А он ей с дуба кричит: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Услышала она, подняла голову, раскинула глаза на все стороны – нет никого! Опять затянула: «Покатаюсь я, поваляюсь я, Терёшечкиного мяса наевшись!» А он отвечает: «Покатайся, поваляйся, ведьма, своей дочери мяса наевшись!» Испугалась она, глянула и увидела его на высоком дубу. Вскочила, бросилась к кузнецу: «Кузнец, кузнец! Скуй мне топорок». Сковал кузнец топорок и говорит: «Не руби же ты остриём, а руби обухом». Послушалась, стучала-стучала, рубила-рубила, ничего не сделала. Припала к дереву, впилась в него зубами, дерево затрещало.

По небу летят гуси-лебеди; Терёшечка видит беду, видит гусей-лебедей, взмолился им, стал их упрашивать:

Гуси-лебеди, возьмите меня,
Посадите меня на крылышки,
Донесите меня к отцу, к матери;
Там вас накормят-напоят.

А гуси-лебеди отвечают: «Га-га! Вон летит другое стадо, поголоднее нас, оно тебя возьмёт, донесёт». А ведьма грызёт, только щепки летят, а дуб трещит да шатается. Летит другое стадо. Терёшечка опять кричит: «Гуси-лебеди! Возьмите меня, посадите меня на крылышки, донесите меня к отцу, к матери; там вас накормят-напоят». – «Га-га! – отвечают гуси. – За нами летит защипанный гусенёк, он тебя возьмёт, донесёт». Гусенёк не летит,

а дерево трещит да шатается. Ведьма погрызёт-погрызёт, взглянет на Терёшечку – оближется и опять примется за дело; вот-вот к ней свалится!

По счастью, летит защипанный гусенёк, крылышками махает, а Терёшечка-то его просит, ублажает: «Гусь-лебедь ты мой, возьми меня, посади меня на крылышки, донеси меня к отцу, к матери; там тебя накормят-напоят и чистой водицей обмоют». Сжалился защипанный гусенёк, подставил Терёшечке крылышки, встрепенулся и полетел вместе с ним. Подлетели к окошечку родимого батюшки, сели на травке. А старушка напекла блинов, созвала гостей, поминает Терёшечку и говорит: «Это тебе, гостёк, это тебе, старичок, а это мне блинок!» А Терёшечка под окном отзывается: «А мне?» – «Погляди-ка, старичок, кто там просит блинок?» Старик вышел, увидел Терёшечку, обхватил его, привёл к матери – пошло обниманье! А защипанного гусенька откормили, отпоили, на волю пустили, и стал он с тех пор широко крыльями махать, впереди всех летать да Терёшечку вспоминать.

Кот и лиса

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шкодливый[13], что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понёс в лес. Принёс и бросил его в лесу: пускай пропадает! Кот ходил-ходил и набрёл на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полёживает себе, а захочет есть – пойдёт по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошёл кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала». Поклонилась коту и спрашивает: «Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашёл и как тебя по имени величать?» А кот вскинул шерсть свою и говорит: «Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром[14], а зовут меня Котофей Иванович». – «Ах, Котофей Иванович, – говорит лиса, – не знала про тебя, не ведала; ну, пойдём же ко мне в гости». Кот пошёл к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выспрашивает: «Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?» – «Холост», – говорит кот. «И я, лисица, – девица, возьми меня замуж». Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать: «Где

ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали». – «Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». – «За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?» – «Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена». – «Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?» – «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!» Волк побежал за бараном.

Идёт лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать. «Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена». – «За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?» – «А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, – за него и вышла». – «Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?» – «У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нём, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принесть. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придётся!» Медведь потащился за быком.

Принёс волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит – и медведь лезет с быком. «Здравствуй, брат Михайло Иваныч!» – «Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?» – «Нет, брат, давно дожидаю». – «Ступай, зови». – «Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня». – «Нет, брат Левон, и я не пойду». Вдруг откуда не взялся – бежит заяц. Медведь как крикнет на него: «Поди-ка сюда, косой чёрт!» Заяц испугался, прибежал. «Ну что, косой пострел, знаешь, где живёт лисица?» – «Знаю, Михайло Иванович!» – «Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком».

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит: «Я полезу на сосну». – «А мне что же делать? Я куда денусь? – спрашивает волк. – Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю». Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьём, а сам влез на сосну, на самую таки макушку, и поглядывает: не идёт ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе: «Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с

мужем, хотят поклониться вам быком да бараном». – «Ступай, косой! Сейчас будем».

Вот идёт кот с лисою. Медведь увидал их и говорит волку: «Ну, брат Левон Иваныч, идёт лиса с мужем; какой же он маленький!» Пришёл кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нём взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!» А медведь говорит: «Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберётся!» Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услыхал, что лист шевелится, подумал, что это – мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну, – думает медведь, – увидал меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печёнки отбил; вскочил – да бежать! А лисица вслед кричит: «Вот он вам задаст! Погодите!» С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

Лиса-исповедница

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во всё горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихо-радке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес – разгуляться, а лисица уж давно его стережёт; спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдёт. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здороваться: «Здравствуй, Петенька!» – «Зачем её лукавый занёс?» – думает петух. А лиса приступает со своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу – на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в

лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару[15]! Ты у меня за всё ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю тёмную ночь приходила и хотела попользоваться одним курёнком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» – «Ах, лиса! – говорит петух. – Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею[16], и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдёт про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

Никита Кожемяка

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмёт девку да и съест её. Пришёл черёд идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил её к себе в берлогу, а есть её не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит брёвнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ ещё принесёт. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живёт в городе Киеве Кожемяка – тот и его сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошёл просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришёл сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись – и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошёл супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку: авось на их слёзы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шёл он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слёзы глядя. Взял триста пуд пеньки, насмолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошёл на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу

размечу!» – сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминучую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой». – «Хорошо, – сказал Кожемяка, – надо межу проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в неё змея, да и стал от Киева межу пропахивать; Никита провёл борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, – говорит змей, – теперь мы всю землю разделили!» – «Землю разделили, – проговорил Никита, – давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Взъехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом её пашут, а борозды не трогают, а кто не знает, от чего эта борозда, – называет её валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошёл опять кожи мять.

Журавль и цапля

Летала сова – весёлая голова; вот она летала-летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела… Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному и задумал он жениться. «Дай пойду посватаюсь к цапле!»

Пошёл журавль – тяп, тяп! Семь вёрст болото месил; приходит и говорит: «Дома ли цапля?» – «Дома». – «Выдь за меня замуж». – «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль как не солоно похлебал, ушёл домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» – «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» – Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму её замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня». – «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошёл журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не

хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

Петушок – золотой гребешок

Жили-были кот, дрозд да петушок – золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят – строго наказывают:

– Мы пойдём далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придёт лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы…
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услыхали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

– Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше пойдём, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,

Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса – опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают…

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

Несёт меня лиса
За тёмные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы…
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услыхали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит… Догнали лису – кот дерёт, дрозд клюёт – и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

– Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы ещё дальше уйдём, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса – тут как тут: села под окошечко и поёт:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит помалкивает. А лиса – опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,

Петухам не дают…

Петушок всё помалкивает. А лиса – опять:

Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают…

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за тёмные леса, за быстрые реки, за высокие горы…

Сколько петушок ни кричал, ни звал – кот и дрозд не услышали его. А когда вернулись домой – петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит… Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы[17] и давай натренькивать:

Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки…
Ещё дома ли Лисафья-кума,
Во своём ли тёплом гнёздышке?

Лисица слушала, слушала и думает: «Дай-ка посмотрю – кто это так хорошо на гуслях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд её схватили – и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

Морозко

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за всё её гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает – ничем не угодит, всё не так, всё худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи кажный день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймётся, всё будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со

двора согнать: «Вези, вези, старик, её куда хочешь, чтобы мои глаза её не видали, чтобы мои уши об ней не слыхали; да не вози к родным в тёплую хату, а во чисто́ поле на трескун-мороз!» Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повёз бездомную во чисто́ поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бедненькая, трясётся и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» – «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз хотел её тукнуть и заморозить; но полюбились ему её умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит. Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает: «Девушка, девушка, я Мороз красный нос!» – «Добро пожаловать, Мороз; знать, бог тебя принёс по мою душу грешную». Мороз пришёл совсем не по душу, он принёс красной девушке сундук высокий да тяжёлый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая весёленькая, такая хорошенькая! Опять пришёл Мороз красный нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов. «Ступай, муж, вези хоронить свою дочь». Старик поехал. А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не берут!» – «Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!» Собачка съела блин да опять: «Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не берут!» Старуха и блины давала и била её, а собачка всё своё: «Старикову дочь в злате, в се́ребре везут, а старухину женихи не возьмут!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несут сундук, высокий, тяжёлый, идёт падчерица – панья паньей сияет! Мачеха глянула – и руки врозь! «Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место». Повёз старик на то же поле, посадил на то же место. Пришёл и Мороз красный нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил её и убил. «Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!» А собачка под столом: «Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а

старухиной в мешке косточки везут!» – «Не ври! На́ пирог, скажи: старухину в злате, в се́ребре везут!» Растворились ворота, старуха выбежала встреть дочь, да вместо её обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Русская литература XIX века

Проза

Владимир Иванович Даль (1801–1872)

Русский ученый и писатель, автор «Толкового словаря живого великорусского языка», Владимир Иванович Даль родился в 1801 году в местечке Лугань. Его отец был родом из Дании – отсюда и столь необычная для русского человека фамилия. В юности, во время учебного плавания, Даль посетил Данию, о чём спустя много лет вспоминал: «Когда я плыл к берегам Дании, меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков, моё отечество. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков».

Всю жизнь, помимо работы над словарём, Даль собирал русский фольклор, писал очерки о русской жизни. Писатель много путешествовал по стране, поэтому прекрасно знал русский быт.

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снегу комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

– А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

– Что ж будешь делать – нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики – пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну – глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

– Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

– Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

– Иди, – говорит, – куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать – никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! Ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

– О чём, девица, о чём, красная?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

– Слезай, – сказал медведь, – я тебя домой доведу!

– Нет, медведь, – отвечала девочка Снегурочка, – я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Медведь ушёл. Бежит серый волк:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Слезай, – сказал волк, – я доведу тебя до дому!

– Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя – ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

– Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

– Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

– Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

– Нет, лиса, льстивы слова, я боюся тебя – ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь… Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

– Гам, гам, гам! – залаяла собака в лесу. А девочка Снегурочка закричала:

– Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь – девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услыхала лиса собачий лай, так махнула пушняком своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала[18], всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,

Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платьице рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Старик-годовик

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз – и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз – и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз – полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз – и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая – чёрная. Махнёт птица раз – станет светлым-светло, махнёт другой – станет темным-темно.

Что за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая – чёрная?

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

Лев Николаевич Толстой родился 9 сентября 1828 года в усадьбе Ясная Поляна. Предок писателя по отцовской линии был сподвижником Петра I и одним из первых в России получил графский титул. По матери Толстой был родственником А.С. Пушкина. В отличие от Пушкина Толстой получил домашнее образование и воспитание. В 16 лет будущий писатель поступил в

Казанский университет на философский факультет, позже перешёл на юридический. Однако, не окончив курса, Толстой ушёл из университета и поселился в Ясной Поляне, которая досталась ему в наследство от отца.

Следующие несколько лет Толстой пытался найти своё призвание: пытался переустроить быт крестьян, держал экзамены на степень кандидата права, позже поехал добровольцем на Кавказ.

В 1859 году Толстой открыл в Ясной Поляне школу для крестьянских детей, где сам вёл занятия. Затем помог открыть ещё около 20 школ в окрестных деревнях. Толстой специально ездил в Европу смотреть школы, перенимать опыт. В год отмены крепостного права писатель вступил в должность мирового посредника и активно защищал права крестьян.

Косточка (Быль)

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице[19], он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» Все сказали: «Нет». Ваня покраснел как рак и сказал тоже: «Нет, я не ел».

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я косточку бросил за окошко». И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Старый дед и внучек

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке[20]. Старик только вздохнул и

ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят – сынишка их на полу дощечками играет – что-то слаживает.

Отец и спросил:

– Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

– Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Птичка

Был Серёжа именинник, и много ему разных подарили подарков: и волчки, и кони, и картинки. Но дороже всех подарков подарил дядя Серёже сетку, чтобы птиц ловить.

Сетка сделана так, что на рамке приделана дощечка, и сетка откинута. Насыпать семя на дощечку и выставить на двор. Прилетит птичка, сядет на дощечку, дощечка подвернётся, и сетка сама захлопнется.

Обрадовался Серёжа, прибежал к матери показать сетку. Мать говорит:

– Не хороша игрушка. На что тебе птички? Зачем ты их мучить будешь?

– Я их в клетки посажу. Они будут петь, и я их буду кормить!

Достал Серёжа семя, насыпал на дощечку и выставил сетку в сад. И всё стоял, ждал, что птички прилетят. Но птицы его боялись и не летели на сетку.

Пошёл Серёжа обедать и сетку оставил. Поглядел после обеда, сетка захлопнулась, и под сеткой бьётся птичка. Серёжа обрадовался, поймал птичку и понёс домой.

– Мама! Посмотрите, я птичку поймал, это, верно, соловей! И как у него сердце бьётся.

Мать сказала:

– Это чиж. Смотри же, не мучай его, а лучше пусти.

– Нет, я его кормить и поить буду.

Посадил Серёжа чижа в клетку, и два дня сыпал ему семя, и ставил воду, и чистил клетку. На третий день он забыл про чижа и не переменил ему воды. Мать ему и говорит:

– Вот видишь, ты забыл про свою птичку, лучше пусти её.

– Нет, я не забуду, я сейчас поставлю воды и вычищу клетку.

Засунул Серёжа руку в клетку, стал чистить, а чижик испугался, бьётся об клетку. Серёжа вычистил клетку и пошёл за

водой.

Мать увидала, что он забыл закрыть клетку, и кричит ему:

– Серёжа, закрой клетку, а то вылетит и убьётся твоя птичка!

Не успела она сказать, чижик нашёл дверцу, обрадовался, распустил крылышки и полетел через горницу к окошку, да не видал стекла, ударился о стекло и упал на подоконник.

Прибежал Серёжа, взял птичку, понёс её в клетку. Чижик был ещё жив, но лежал на груди, распустивши крылышки, и тяжело дышал. Серёжа смотрел, смотрел и начал плакать:

– Мама! Что мне теперь делать?

– Теперь ничего не сделаешь.

Серёжа целый день не отходил от клетки и всё смотрел на чижика, а чижик всё так же лежал на грудке и тяжело и скоро дышал. Когда Серёжа пошёл спать, чижик ещё был жив. Серёжа долго не мог заснуть; всякий раз, как он закрывал глаза, ему представлялся чижик, как он лежит и дышит.

Утром, когда Серёжа подошёл к клетке, он увидел, что чиж уже лежит на спинке, поджал лапки и закостенел.

С тех пор Серёжа никогда не ловил птиц.

Зайцы и лягушки

Сошлись раз зайцы и стали плакаться на свою жизнь:

– И от людей, и от собак, и от орлов, и от прочих зверей погибаем. Уж лучше раз умереть, чем в страхе жить и мучиться. Давайте утопимся!

И поскакали зайцы на озеро топиться. Лягушки услыхали зайцев и забултыхали в воду. Один заяц говорит:

– Стойте, ребята! Подождём топиться; вот лягушачье житьё, видно, ещё хуже нашего: они и нас боятся.

Отец и сыновья

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

– Сломайте!

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке.

Отец и говорит:

– Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь – вас всякий легко погубит.

Булька

У меня была мордашка. Её звали Булька. Она была вся чёрная, только кончики передних лап были белые.

У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней, и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большие, чёрные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу. Он был похож на арапа. Булька был смирный и не кусался, но он был очень силён и цепок. Когда он, бывало, уцепится за что-нибудь, то стиснет зубами и повиснет, как тряпка, и его, как клещука, нельзя никак оторвать.

Один раз его пускали на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка. Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взял его щенком и сам выкормил. Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть. На первой станции я хотел уже садиться на другую перекладную[21], как вдруг увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее. Это был Булька в своём медном ошейнике. Он летел во весь дух к станции. Он бросился ко мне, лизнул мою руку и растянулся в тени под телегой.

Язык его высунулся на целую ладонь. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь. Он торопился, не поспевал дышать, бока его так и прыгали. Он поворачивался с боку на бок и постукивал хвостом о землю.

Я узнал потом, что он после меня пробил раму и выскочил из окна и прямо по моему следу поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

Три калача и одна баранка

Одному мужику хотелось есть. Он купил калач и съел – ему всё ещё хотелось есть. Купил другой калач и съел – ему всё ещё хотелось есть. Он купил третий калач и съел – ему всё ещё хотелось есть. Потом он купил баранок и, когда съел одну, стал сыт.

Тогда мужик ударил себя по голове и сказал:

– Экой я дурак! Что ж я напрасно съел столько калачей. Мне бы надо сначала съесть одну баранку.

Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870)

Знаменитый русский педагог Константин Ушинский родился в 1824 году в Туле, позже вся семья переехала в небольшой уездный город Новгород-Северский. Всё детство Ушинского прошло там – в небольшом имении на берегу реки Десны.

В 1862 году Ушинского направили на пять лет за границу для лечения и изучения школьного дела. За время своего путешествия педагог посетил Швейцарию, Германию, Францию, Бельгию и Италию, где он изучал учебные заведения – женские школы, детские сады, приюты и школы, особенно в Германии и Швейцарии. В то время эти страны считались самыми передовыми в части новаций в педагогике. За границей Ушинский пишет и издаёт учебную книгу «Родное слово» и книгу «Детский мир», фактически первые массовые и общедоступные российские учебники для начального обучения детей.

Четыре желания

Митя накатался на саночках с ледяной горы и на коньках по замёрзшей реке, прибежал домой румяный, весёлый и говорит отцу:

– Уж как весело зимой! Я бы хотел, чтобы всё зима была.

– Запиши твоё желание в мою карманную книжку, – сказал отец.

Митя записал.

Пришла весна. Митя вволю набегался за пёстрыми бабочками по зелёному лугу, нарвал цветов, прибежал к отцу и говорит:

– Что за прелесть эта весна! Я бы желал, чтобы всё весна была.

Отец опять вынул книжку и приказал Мите записать своё желание.

Настало лето. Митя с отцом отправились на сенокос. Весь длинный день веселился мальчик: ловил рыбу, набрал ягод, кувыркался в душистом сене, а вечером сказал отцу:

– Вот уж сегодня я повеселился вволю! Я бы желал, чтобы лету конца не было.

И это желание Мити было записано в ту же книжку.

Наступила осень. В саду собирали плоды – румяные яблоки и жёлтые груши. Митя был в восторге и говорил отцу:

– Осень лучше всех времён года!

Тогда отец вынул свою записную книжку и показал мальчику, что он то же самое говорил и о весне, и о зиме, и о лете.

Ветер и солнце

Однажды Солнце и сердитый северный Ветер затеяли спор о том, кто из них сильнее. Долго спорили они и, наконец, решились померяться силами над путешественником, который в это самое время ехал верхом по большой дороге.

– Посмотри, – сказал Ветер, – как я налечу на него: мигом сорву с него плащ.

Сказал – и начал дуть, что было мочи. Но чем более старался Ветер, тем крепче закутывался путешественник в свой плащ: он ворчал на непогоду, но ехал всё дальше и дальше. Ветер сердился, свирепел, осыпал бедного путника дождём и снегом; проклиная Ветер, путешественник надел свой плащ в рукава и подвязался поясом. Тут уж Ветер и сам убедился, что ему плаща не сдёрнуть.

Солнце, видя бессилие своего соперника, улыбнулось, выглянуло из-за облаков, обогрело, осушило землю, а вместе с тем и бедного полузамёрзшего путешественника. Почувствовав теплоту солнечных лучей, он приободрился, благословил Солнце, сам снял свой плащ, свернул его и привязал к седлу.

– Видишь ли, – сказало тогда кроткое Солнце сердитому Ветру, – лаской и добротой можно сделать гораздо более, чем гневом.

Учёный медведь

– Дети! Дети! – кричала няня. – Идите медведя смотреть.

Выбежали дети на крыльцо, а там уже много народу собралось. Нижегородский мужик, с большим колом в руках, держит на цепи медведя, а мальчик приготовился в барабан бить.

– А ну-ка, Миша, – говорит нижегородец, дёргая медведя цепью, – встань, подымись, с боку на бок перевались, честным господам поклонись и молодкам покажись.

Заревел медведь, нехотя поднялся на задние лапы, с ноги на ногу переваливается, направо, налево раскланивается.

– А ну-ка, Мишенька, – продолжает нижегородец, – покажи, как малые ребятишки горох воруют: где сухо – на брюхе, а мокренько – на коленочках.

И пополз Мишка: на брюхо припадает, лапой загребает, будто горох дёргает.

– А ну-ка, Мишенька, покажи, как бабы на работу идут.

Идёт медведь, нейдёт; назад оглядывается, лапой за ухом скребёт. Несколько раз медведь показывал досаду, ревел, не хотел вставать; но железное кольцо цепи, продетое в губу, и кол в руках

хозяина заставляли бедного зверя повиноваться.

Когда медведь переделал все свои штуки, нижегородец сказал:

– А ну-ка, Миша, теперича с ноги на ногу перевались, честным господам поклонись, да не ленись – да пониже поклонись! Потешь господ и за шапку берись: хлеб положат, так съешь, а деньги, так ко мне вернись.

И пошёл медведь, с шапкой в передних лапах, обходить зрителей. Дети положили гривенник; но им было жаль бедного Миши: из губы, продетой кольцом, сочилась кровь…

Худо тому, кто добра не делает никому

«Гришенька! Одолжи мне на минутку карандаш».

А Гришенька в ответ: «Носи свой, мой мне самому нужен».

«Гриша! Помоги мне уложить книги в сумку».

А Гриша в ответ: «Книги твои, сам их и укладывай».

Любили ли Гришу товарищи?

Гусь и журавль

Плавает гусь по пруду и громко разговаривает сам с собою: «Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по земле, и плаваю-то по воде, и летаю по воздуху: нет другой такой птицы на свете! Я всем птицам царь!»

Послушал гуся журавль и говорит ему: «Прямо ты, гусь, глупая птица! Ну, можешь ли ты плавать, как щука, бегать, как олень, или летать, как орёл?

Лучше знать что-нибудь одно, да хорошо, чем всё, да плохо».

Орёл и кошка

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грело, и маленькая семья была очень счастлива. Вдруг, откуда ни возьмись – огромный степной орёл: как молния, спустился он с вышины и схватил одного котёнка. Но не успел ещё орёл подняться, как мать вцепилась уже в него. Хищник бросил котёнка и схватился со старой кошкой. Закипела битва насмерть.

Могучие крылья, крепкий клюв, сильные лапы с длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: он рвал кожу кошки и выклевал ей один глаз. Но кошка не потеряла мужества, крепко вцепилась в орла когтями и перекусила ему

правое крыло.

Теперь уже победа стала клониться на сторону кошки; но орёл всё ещё был очень силён, а кошка уже устала; однако же она собрала свои последние силы, сделала ловкий прыжок и повалила орла на землю. В ту же минуту откусила она ему голову и, забыв свои собственные раны, принялась облизывать своего израненного котёнка.

Поэзия

Евгений Абрамович Баратынский (1800–1844)

Евгений Абрамович Баратынский родился в 1800 году в селе Мара Тамбовской губернии в небогатой дворянской семье. В 1812 году будущий поэт поступил в Петербургский пажеский корпус, однако через четыре года был из него исключён за совсем небезобидные мальчишеские проделки. Наказание было строгим – кроме исключения Баратынского навсегда лишили права поступать на какую-либо службу помимо солдатской. В 1819 году он был зачислен рядовым в Петербургский лейб-гвардии егерский полк.

В течение семи лет Баратынский служит в армии (пять из них в Финляндии). Несмотря на просьбы друзей, в офицеры его произвели только в 1825 году, когда он и смог выйти в отставку. После этого поэт живёт то в Москве, то в своих имениях. Много пишет и печатается – помимо отдельных публикаций выходят и два сборника его произведений.

«Весна, весна! как воздух чист!…»

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьём она ручей
И с птичкой птичка! С ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радует её
И солнце, и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нём
Забвенье мысли пьёт,
Кого далёко от неё
Он, дивный, унесёт!

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848–1930)

Родился Спиридон Дрожжин в 1848 году в семье крепостных крестьян в д. Низовка Тверской губернии. В школе учился две неполных зимы, потом мать отправила его на заработки в Санкт-Петербург, где он работал «мальчиком на побегушках» и «половым» в гостиницах и трактирах, продавцом в табачной лавочке и книжном магазине.

Следующие годы жизни Дрожжина прошли в скитаниях по России, он сменил множество профессий. В 16 лет Дрожжин написал своё первое стихотворение, в 1867 году начал вести дневник и вёл его до конца жизни.

«Всё зазеленело…»

Всё зазеленело…
Солнышко блестит,
Жаворонка песня
Льётся и звенит.
Бродят дождевые
В небе облака,
И о берег тихо
Плещется река.

Весело с лошадкой
Пахарь молодой
Выезжает в поле,
Ходит бороздой.
А над ним всё выше
Солнышко встаёт,
Жаворонок песню

Привет

Привет тебе, мой край родной,
С твоими тёмными лесами,
С твоей великою рекой
И неоглядными полями!
Привет тебе, народ родимый,
Герой труда неутомимый
Среди зимы и в летний зной!
Привет тебе, мой край родной!

* * *

Пройдёт зима холодная,
Настанут дни весенние,
Теплом растопит солнышко,
Как воск, снега пушистые.
Листами изумрудными
Леса зазеленеются,
И вместе с травкой бархатной
Взойдут цветы душистые.

Родине

Как не гордиться мне тобой,
О, родина моя!
Когда над Волгою родной
Стою, недвижим, я,
Когда молитвенно свой взор
Бросаю в небеса,
На твой чарующий простор,
На тёмные леса.

Как хороша ты в тёплый день
На празднике весны,
Среди приветных деревень
Родимой стороны!
Как бодро дышится, когда
На поле весь народ
Среди свободного труда
Все силы отдаёт!
Каким восторгом мою грудь
Ты наполняешь мне,
Когда хочу я отдохнуть
С тобой наедине!..
Я в каждом шелесте листов
Твой голос узнаю,
Хожу среди своих лугов,
Мечтаю и пою.
Во всей в тебе и мощь видна,
И сила с красотой,
Недаром ты и названа
Великой и святой.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Жуковский Василий Андреевич родился 29 января 1783 года в Тульской губернии. Из тульского пансиона был отчислен за неуспеваемость. Но в 1797 году 14-летний Жуковский поступил в московский благородный университетский пансион, который окончил с серебряной медалью.

В 1812 году Жуковский вступил в московское ополчение и участвовал в боях. В конце 1812 года Жуковский получает награду за Бородино – боевой орден Святой Анны 2-й степени. В это же время он публикует поэму «Певец во стане русских воинов», которая прославила имя Жуковского по всей России больше, чем все его предыдущие труды. Царская семья высоко оценила произведение и в 1815 году пригласила поэта сначала на должность чтеца, а затем – учителя русского языка к невесте будущего императора Николая I. В июле 1824 года Жуковский назначается воспитателем 6-летнего наследника российского престола, великого князя Александра Николаевича. Жуковский был прекрасным преподавателем и воспитателем.

* * *

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,

Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Жаворонок

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны;
Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь божий мир здесь вижу я.
И славит бога песнь моя!

Птичка

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнёздышко вьёшь ты;
Там и поёшь ты
Песню свою.

Котик и козлик

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик
Помадит свой ротик;
А козлик седою
Трясёт бородою.

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

Иван Андреевич Крылов родился 13 февраля 1769 года в Москве в семье бедного армейского капитана. По долгу службы семья часто меняла место своего жительства. Вскоре после рождения сына семья переехала в Оренбург. А когда отец вышел в отставку, семья поселилась в Твери. Грамоте выучился дома, французским языком занимался в семействе состоятельных соседей. Отец очень рано умер. Мать с двумя маленькими детьми осталась без средств к существованию. Крылову с десяти лет приходится работать – его определяют переписчиком казённых бумаг. Став постарше, он любит бродить по торговым площадям, любит кулачные бои, народные забавы. Народная речь, пересыпанная прибаутками, ему особенно нравится, легко и надолго запоминается.

Первые произведения Крылова проходят не замеченными большой публикой. Однако в 1801 году в Петербурге впервые была поставлена на сцене пьеса Крылова «Пирог», которая имела успех. В это же время появляются первые переводы басен Лафонтена. В 1809 году вышел в свет первый сборник басен Крылова, принесший ему известность. Язык его басен был таким ярким и остроумным, что многие строки стали поговорками.

Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;

Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас —
Песни, резвость всякий час,
Так что голову вскружило». —
«А, так ты…» – «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:
Так пойди же, попляши!»

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.
К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Аполлон Николаевич Майков (1821–1897)

Родился 23 мая 1821 года в Москве в семье, происходившей из старинного дворянского рода. Его отец был известным художником. Детские годы прошли в московском доме и подмосковном имении, которые часто посещали художники и литераторы. Писать стихи Аполлон Майков начал с пятнадцати лет, но в выборе призвания долго колебался между живописью и поэзией.

В 1834 году семья переселяется в Петербург. Майков учится на юридическом факультете Петербургского университета, но не оставляет и литературных занятий. Его первый поэтический сборник вышел в 1842 году и имел большой успех.

Колыбельная песня

Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой;

Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трёх ночей,
Мчится к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звёзды воевал?
Али волны всё гонял?»
«Не гонял я волн морских,
Звёзд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!»

Весна (Посвящается Коле Трескину)

Уходи, зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горней вышины!
Старой спорить ли, тщедушной,
С ней – царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!
А что шума, что гуденья,
Тёплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!
У неё не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь – и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..
Да найдут и по оврагам!
Вон – уж пчёл рои шумят,
И летит победным флагом
Пёстрых бабочек отряд!

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877)

Некрасов родился на Украине. Мальчику не было и трёх лет, когда его отец перевёз семью в деревню Грешнево Ярославской губернии. В 10 лет Некрасов поступил в ярославскую гимназию, где дошёл до 5-го класса. Учился он плохо, занятия большей частью прогуливал вместе со старшим братом Андреем. Отец

всегда мечтал о военной карьере для сына, и 16-летний Некрасов отправился в Петербург для определения в дворянский полк.

Однако в Петербурге встреча с гимназическим товарищем и знакомство с другими студентами возбудили в юном Некрасове такую жажду учиться, что он отказывается от военной службы и начинает готовиться к вступительному экзамену в Петербургский университет. Отец отказывается помогать сыну. Некрасов учится на филологическом факультете, терпит страшную нужду, не каждый день имеет возможность обедать, но лишения не сломили его упорство в стремлении получить образование.

Дедушка Мазай и зайцы

I

В августе, около Малых Вежей
С старым Мазаем я бил дупелей[22].

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нём,
А разразилась жестоким дождём!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые
С силой стремительной… Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,
Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом её убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зелёных садах;
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной[23] дорогой ходить ему – скука!

За сорок вёрст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочём.

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». – «А леший?» – «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь – никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину,
Вечером пеночка нежно поёт,
Словно как в бочку пустую удод
Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точёны, рисованы очи.

Ночью… ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо, как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,
Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит…»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять[24].
Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка – заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врёшь – упадёшь!» – добродушно кричит.
Знает он много рассказав забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом – тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит – и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.
«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
«Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружьё положу,
Над уголёчками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!»

«Вот так охотник!» – Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал…

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями её не ловили,
Кабы силками её не давили;
Зайцы вот тоже, – их жалко до слёз!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! ещё мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал – их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет, —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нём собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними осталось
Меньше аршина[25] земли в ширину,
Меньше сажени[26] в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,

Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, – ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! – сказал я. – Не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя[27], плывём в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его – тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я её, дуру, накрыл зипуном[28] —
Сильно дрожала… Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нём.
«Взял бы я вас – да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок…
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! Любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и «с Богом!» сказал…

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур, зимой
Не попадайся!
Прицелюсь – бух!

И ляжешь… ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал – и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись.
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул – и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:
«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом:
Шкура плохая – линяет косой…»

«В зимние сумерки нянины сказки…» (отрывок из поэмы «Саша»)

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки – и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка.
Снег отряхает, смеётся, голубка!

Не до ворчанья и няне седой,
Любит она её смех молодой…

«Не ветер бушует над бором…» (отрывок из поэмы «Мороз, Красный нос»)

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи —

Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идёт – по деревьям шагает,
Трещит по замёрзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Иван Саввич Никитин (1824–1861)

Родился 21 октября 1824 года в Воронеже в мещанской семье. Учился в духовном училище и семинарии, где у него пробудился интерес к литературе, в это же время начал писать первые стихи. Отец, вначале довольно состоятельный торговец, рассчитывал послать сына в университет, но дела его расстроились, и Никитин вынужден был помогать отцу.

В 1844 году отец Никитина купил постоялый двор и поселился там с сыном. Однако пьянство и буйный характер отца привели семью к разорению, вынудившему Никитина стать содержателем постоялого двора.

Иван Никитин занимался самообразованием, изучая французский и немецкий языки, а также произведения русских и зарубежных писателей (Шекспир, Гюго, Гёте, Шиллер, Гейне и др.).

Вечер ясен и тих…

Вечер ясен и тих;
Спят в тумане поля;
В голубых небесах
Ярко пышет заря.

Золотых облаков

Разноцветный узор
Накрывает леса,
Как волшебный ковёр;

Вот пахнул ветерок,
Зашептал в тростнике;
Вот и месяц взошёл
И глядится в реке.

Что за чудная ночь!
Что за тени и блеск!
Как душе говорит
Волн задумчивый плеск!

Может быть, в этот час
Сонмы светлых духов
Гимны неба поют
Богу дивных миров.

Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893)

Родился 22 ноября 1825 года в Костроме в обедневшей дворянской семье, принадлежавшей к старинному роду. Детские годы прошли в Нижнем Новгороде, где служил отец. До тринадцати лет мальчик учился дома и получил хорошее образование, овладев тремя языками. В 1844 году в «Современнике» появились первые стихотворения.

В 1849-м по доносу поэт был арестован и провёл восемь месяцев в Петропавловской крепости, после был приговорён к смертной казни, однако по указу Николая I сначала был приговорён к каторге, лишению «всех прав состояния», а затем переведён рядовым в Уральск.

Лишь в 1859 году после женитьбы и длительных хлопот Плещееву удалось вернуться в столицу и получить возвращение прав потомственного дворянства. Он обосновывается в Москве и полностью посвящает себя литературе, много занимается переводами.

Сельская песня (отрывок)

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною

В сени к нам летит.

С нею солнце краше
И весна милей…
Прощебечь с дороги
Нам привет скорей.

Дам тебе я зёрен,
А ты песню спой,
Что из стран далёких
Принесла с собой…

Мой садик

Как мой садик свеж и зелен!
Распустилась в нём сирень;
От черёмухи душистой
И от лип кудрявых тень…

Правда, нет в нём бледных лилий,
Горделивых георгин,
И лишь пёстрые головки
Возвышает мак один,

Да подсолнечник у входа,
Словно верный часовой,
Сторожит себе дорожку,
Всю поросшую травой…

Но люблю я садик скромный:
Он душе моей милей
Городских садов унылых,
С тенью правильных аллей.

И весь день, в траве высокой
Лёжа, слушать бы я рад,
Как заботливые пчёлы
Вкруг черёмухи жужжат.

Весна

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною…
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждёт чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят.
«Весна!» – читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад,
Чья жизнь – лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят – кто больше всех
Природы любит обновленье!

Осень

Осень наступила,
Высохли цветы,
И глядят уныло
Голые кусты.

Вянет и желтеет
Травка на лугах,
Только зеленеет
Озимь на полях.

Туча небо кроет,
Солнце не блестит,
Ветер в поле воет,
Дождик моросит…

Зашумели воды

Быстрого ручья,
Птички улетели
В тёплые края.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин родился в 1799 году в Москве, в Немецкой слободе. Отец, Сергей Львович, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать, Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал, была внучкой Абрама Петровича Ганнибала – «арапа Петра Великого».

Воспитанный французскими гувернерами, из домашнего обучения вынес только прекрасное знание французского и любовь к чтению. Любовь к родному языку ему привили бабушка, Мария Алексеевна Ганнибал, превосходно говорившая и писавшая по-русски (явление редкое в дворянских семьях того времени), и няня Арина Родионовна. В 1811 году Пушкин поступил в только что открытый Царскосельский лицей – привилегированное учебное заведение, предназначенное для подготовки по специальной программе высших государственных чиновников из детей дворянского сословия. Здесь Пушкин впервые почувствовал себя Поэтом: талант его был признан товарищами по лицею.

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещёный мир
Приготовила б я пир».
«Кабы я была царица, —
Говорит её сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна».
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Только вымолвить успела,

Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, – будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха».

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьётся долго и жестоко,
Наступает срок родин;

Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребёнком
Как орлица над орлёнком;
Шлёт с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести её хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку».

Как услышал царь-отец,
Что донёс ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царёва возвращенья
Для законного решенья».
Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привёз гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
«Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод».
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,

Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звёзды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идёт,
Бочка по морю плывёт.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьётся в ней царица;
И растёт ребёнок там
Не по дням, а по часам.
День прошёл, царица вопит…
А дитя волну торопит:
«Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!»
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
«Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?» – молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.
Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зелёный над холмом.
Сын подумал: добрый ужин

Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой лёгкой завострил
И пошёл на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон…
Видно, на́ море не тихо;
Смотрит – видит дело лихо:
Бьётся лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вкруг мутит и хлещет…
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый навострил…
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывёт,
Злого коршуна клюёт,
Гибель близкую торопит,
Бьёт крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
«Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе – всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.

Ввек тебя я не забуду:
Ты найдёшь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись».

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натощак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грёзы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет? —
Говорит он, – вижу я:
Лебедь тешится моя».
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарёкся: князь Гвидон.
Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову

Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их он кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана…»
Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.

Князь печально отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца».
Лебедь князю: «Вот в чём горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблём?
Будь же, князь, ты комаром».
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала

И обрызгала его
С головы до ног всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль – и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единый;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,

А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: «Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
«Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит, —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут».
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тётке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..» А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:

«Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поёт,
Да орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут».
Князю лебедь отвечает:
«Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу».
С ободрённою душой
Князь пошёл себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под ёлкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызёт орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладёт
И с присвисточкой поёт
При честном при всём народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
«Ну, спасибо, – молвил он, —
Ай да лебедь – дай ей боже,
Что и мне, веселье то же».
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счёт орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.
Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,

Мимо города большого:
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далёк:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана…»
Говорит им князь тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлёт царю-де свой поклон».
Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь – а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит…
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль – и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовёт их в гости,

И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо,
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живёт ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поёт,
Да орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счёт орехам весть;
Отдаёт ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;

А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу».
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
«Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызёт,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится…
Зажужжал он и как раз
Тётке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
«Ай!» – и тут же окривела;
Все кричат: «Лови, лови,
Да дави её, дави…
Вот ужо! постой немножко,
Погоди…» А князь в окошко,

Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенесть я в мой удел».
«А какое ж это диво?» —
«Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор».
Князю лебедь отвечает:
«Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай».

Князь пошёл, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалося вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,

Идут витязи четами,
И, блистая сединами,
Дядька впереди идёт
И ко граду их ведёт.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
«Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли».
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Их и кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте?
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далёк,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».
Говорит им князь тогда:

«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлёт-де свой царю поклон».

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит…
Так и тянет и уносит…
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корму – и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовёт их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?

И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идёт там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон».
Царь Салтан дивится чуду.
«Коли жив я только буду,
Чудный остров навещу
И у князя погощу».
Повариха и ткачиха
Ни гугу – но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
«Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идёт молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днём свет божий затмевает,

Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво».
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
«Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави…
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..» А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь – поверх текучих вод
Лебедь белая плывёт.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?» —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
«Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу».

– А кого же на примете
Ты имеешь? – «Да на свете,
Говорят, царевна есть,

Что не можно глаз отвесть.
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает—
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?»
Князь со страхом ждёт ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнёшь,
Да за пояс не заткнёшь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всём об этом
Поразмыслить ты путём,
Не раскаяться б потом».
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всём
Передумал он путём;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: «Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта – я».
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,

Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведёт её скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
«Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе,
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви».
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слёзы льёт и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».
Князь недолго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовёт их в гости,
Он их кормит, и поит,
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведёте
И куда теперь плывёте?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далёк:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана».

Князь им вымолвил тогда:
«Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон».
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовёт их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своём венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
«Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?»
Корабельщики в ответ:
«Мы объехали весь свет;
За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растёт перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нём живёт ручная,

Да чудесница какая!
Белка песенки поёт
Да орешки всё грызёт;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра – чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там ещё другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснётся в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя жёнка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днём свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался».

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —

Нынче ж еду!» – Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам Окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда».
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идёт Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повёл царя,
Ничего не говоря.
Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под ёлкою высокой
Белка песенку поёт,
Золотой орех грызёт,

Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале – торопливо
Смотрят – что ж? княгиня – диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведёт.
Царь глядит – и узнаёт…
В нём взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Как!» – и дух в нём занялся…
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодицу,
И садятся все за стол;
И весёлый пир пошёл.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всём они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трёх домой.
День прошёл – царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мёд, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

Сказка о рыбаке и рыбке

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришёл невод с одною тиной.

Он в другой раз закинул невод,
Пришёл невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой, – золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошёл он к синему морю;
Видит, – море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,

Не даёт старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу».

Вот пошёл он к синему морю,
(Помутилося синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,

Так и быть: изба вам уж будет».
Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светёлкой,
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми воротами.
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает.
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошёл старик к синему морю;

(Не спокойно синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупрун[29] таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,

Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море.)
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты.
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, – испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.

Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула

И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,

А пред нею разбитое корыто.

«У лукоморья дуб зелёный…» (отрывок из поэмы «Руслан и Людмила»)

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;

Идёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух… там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный

Свои мне сказки говорил.

«Зима!.. Крестьянин, торжествуя…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке[30]
В тулупе, в красном кушаке[31].
Вот бегает дворовый мальчик,

В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж отморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно.

«Уж небо осенью дышало…» (отрывок из романа «Евгений Онегин»)

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливый караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873)

Фёдор Иванович Тютчев родился 23 ноября 1803 года в усадьбе Овстуг Орловской губернии, происходил из старинного дворянского рода. Детские годы прошли в Овстуге, юношеские – связаны с Москвой.

В 1819 году поступил на словесное отделение Московского университета и сразу принял живое участие в его литературной жизни. Окончив университет в 1821-м со степенью кандидата словесных наук, в начале 1822 года Тютчев поступил на службу в Государственную коллегию иностранных дел. Через несколько месяцев был назначен чиновником при Русской дипломатической миссии в Мюнхене. На чужбине Тютчев провёл двадцать два года, из них двадцать – в Мюнхене. Здесь он женился, здесь познакомился с философом Шеллингом и подружился с Г. Гейне, став первым переводчиком его стихов на русский язык.

Весенние воды

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —

Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут, и гласят…

Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт,
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!

Весна идёт, весна идёт,
И тихих, тёплых майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней!..»

«Зима недаром злится…»

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит…

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,В
прекрасное дитя…

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

«Чародейкою Зимою…»

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой…

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892)

Афанасий Афанасьевич Фет родился в селе Новоселки Орловской губернии. Его отцом был богатый помещик А. Шеншин, мать – Каролина Шарлотта Фет, приехавшая из Германии. Родители не состояли в браке. Мальчик был записан сыном Шеншина. Но в возрасте 14 лет мальчик был признан незаконнорожденным и лишён всех дворянских привилегий. Отныне он должен был носить фамилию Фет. Это событие, превратившее сына богатого русского помещика в безродного иностранца, оказало глубокое влияние на всю последующую жизнь Фета. Вернуть утраченное положение стало навязчивой идеей.

Первые стихотворения Фет написал, будучи студентом историко-филологического отделения философского факультета Московского университета. Ради достижения своей цели – вернуть дворянское звание – в 1845 году он покинул Москву и поступил на военную службу в один из провинциальных полков на юге. Продолжал писать стихи. В 1850 году в журнале «Современник», хозяином которого стал Некрасов, публикуются стихотворения Фета, которые вызывают восхищение критиков всех направлений.

«Кот поёт, глаза прищуря…»

Кот поёт, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

«Мама! глянь-ка из окошка…»

Мама! глянь-ка из окошка – З
нать, вчера недаром кошка
Умывала нос:
Грязи нет, весь двор одело,
Посветлело, побелело —
Видно, есть мороз.

Неколючий, светло-синий
По ветвям развешен иней —
Погляди хоть ты!
Словно кто-то тороватый[32]
Свежей, белой, пухлой ватой
Все убрал кусты.

Уж теперь не будет спору:
За салазки[33] да и в гору
Весело бежать!
Правда, мама? Не откажешь,
А сама, наверно, скажешь:
«Ну, скорей гулять!»

«Чудная картина…»

Чудная картина,

Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

«Ласточки пропали…»

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь – поневоле
Тяжело – хоть плачь!
Смотришь – через поле
Перекати-поле[34]
Прыгает, как мяч.

«Прошла весна, – темнеет лес…»

Прошла весна, – темнеет лес,
Скудней ручьи, грустнее ивы,
И солнце с высоты небес
Томит безветренные нивы.

На плуг знакомый налегли
Все, кем владеет труд упорный,
Опять сухую грудь земли
Взрезает конь и вол покорный;

Но в свежем тайнике куста
Один певец проснулся вешний,
И так же песнь его чиста
И дышит полночью нездешней.

Как сладко труженик смущён,
Весны заслыша зов единый,
Как улыбнулся он сквозь сон
Под яркий посвист соловьиный.

«Печальная берёза…»

Печальная берёза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят, —
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

Русская литература XX века

Проза

Нина Михайловна Артюхова (1901–1990)

Нина Артюхова родилась в 1901 году в Москве, в семье известного книжного издателя М.В. Сабашникова. С детства она всегда мечтала писать, одновременно с этим девушка увлекалась химией и астрономией, поэтому и поступила в МГУ на агрохимическое отделение физико-математического факультета.

Все произведения Нины Михайловны учат детей добру, справедливости, честности и верности своему слову. В них есть особая мягкая и дружелюбная назидательность, которая советует, но не поучает насильно. Среди героев Артюховой много хороших людей, поэтому читатель, ставя себя на их место, видит мир их глазами, укрепляя таким образом своё собственное светлое начало. Ведь человек от природы устроен так, что ему необходимо кого-нибудь любить!

Подружки

Галя Серебрякова и Маруся Ильина встретились, как всегда, у ворот и вместе пошли в школу. Синее безоблачное небо над широкой улицей. В садах и в скверах – осеннее золото листьев. Девочки шли, крепко держась за руки; поэтому Маруся Ильина несла портфель в левой руке, а Галя Серебрякова – в правой. А портфели были твёрдые, блестящие, с необмятыми краями – казалось, что их долго и старательно утюжили мамы вместе с коричневыми платьями, белыми воротничками и чёрными фартуками девочек.

Галя Серебрякова громко читала вывески и надписи, которые попадались навстречу:

– «Бу-лоч-ная»… «Стой-те»… «Ки-но»… «Мо-ло-ко»… «Ре-монт о-бу-ви»…

Прошуршал по серому асфальту голубой блестящий троллейбус. Быстро промчался, а всё-таки Галя успела прочесть:

– «Са-до-во-е-Б-коль-цо».

– Как ты хорошо читаешь! – сказала Маруся.

Галя ответила с гордостью:

– Я ещё в прошлом году научилась!

Маруся вздохнула:

– А я не умею такое трудное…

Все классы в школе были одинаковые, но самым лучшим,

разумеется, был первый «А». Все учительницы в школе были разные. Самой лучшей, разумеется, была Ольга Андреевна.

Вот она вошла в класс, весёлая, молодая, приветливая, и сразу захотелось ответить ей как можно лучше.

Ольга Андреевна заглянула в журнал и сказала:

– Читай, Ильина.

Маруся покраснела, раскрыла букварь и начала читать, старательно, по буквам выговаривая каждое слово.

На пятой строчке запнулась и покраснела ещё больше.

Галя подняла руку. Тёмные глаза стали совсем круглыми, как будто выпрыгнуть хотели, и умоляли учительницу: «Меня, меня спросите!»

Ольга Андреевна улыбнулась:

– Серебрякова, дальше читай.

Захлёбываясь от удовольствия, Галя прочла всю страницу, от начала до конца, даже то, что ещё не было задано сегодня.

Ольга Андреевна опять улыбнулась и сказала:

– Хорошо.

Галя села за парту и радостно подумала: «Пятёрку поставит!»

На следующем уроке девочки писали.

Ольга Андреевна ходила по рядам и заглядывала в тетради.

– Ольга Андреевна, – сказала Галя, – вот у неё здесь ошибка. – Она ткнула пальцем в Марусину тетрадь. – Нужно «о», а она написала «а».

Ольга Андреевна посмотрела на Галю, но почему-то не улыбнулась на этот раз.

– Конечно, «о», – сказала она. – Поправь, Маруся.

Маруся стала поправлять и от волнения посадила на трудном слове большую расплывчатую кляксу.

Последним был урок арифметики.

Ольга Андреевна вызвала Марусю решать задачу.

Тонкие Марусины пальцы, постукивая мелом, нерешительно продвигались по чёрной доске. Маруся написала знак равенства и задумалась.

– Девять! – крикнула Галя.

Светлана Николаева с передней парты обернулась. Лицо у неё было сердитое. Может быть, ей обидно стало, что не она первая решила задачу? Ведь по арифметике Светлана сильнее всех в классе.

Ольга Андреевна сказала строго:

– Молчи, Серебрякова.

Маруся стояла, не поднимая глаз, и беззвучно шевелила губами. Потом вздохнула тяжело и написала: «9».

Медленно вернулась за свою парту и села рядом с Галей.

Урок кончился. Девочки закрывали учебники и тетради. Женя Волкова сказала соседке:

– Нюра, у тебя сейчас заколка выскочит.

Нюра Иванова только недавно стала отпускать косу. А волосы у неё были прямые и жёсткие. Заколки и ленточки подбирали за ней всем классом.

Про неё говорили, что, если бы она в лесу заблудилась, как мальчик с пальчик, дорогу домой найти было бы очень легко.

Нюра нагнулась поднять заколку и громко сказала:

– Не люблю, когда выскакивают. – И в упор посмотрела на Галю.

Галя так и не поняла, про кого сказала Нюра. Про заколку?

– И я не люблю, когда выскакивают, – подтвердил Юра Смирнов.

Но ведь он-то никогда не терял заколок!

– Я тоже не люблю, – сказала Светлана Николаева. А у Светланы длинные косы и ни одной заколки в волосах.

Галя Серебрякова и Маруся Ильина возвращались домой из школы.

Галя несла портфель в правой руке, и Маруся тоже в правой. Обе левые руки были свободны – девочки шли не за руку, а каждая сама по себе.

Маруся шла грустная, не поднимая глаз. Гале тоже было невесело.

Золотые буквы горели над дверями магазинов – Галя не обращала на них внимания. Проезжали мимо нарядные голубые троллейбусы – Галя не читала номера и надписи.

Девочки молча вошли во двор и повернули – одна направо, другая налево.

Мама спросила Галю:

– Ну, как дела?

– Пятёрка по чтению, – мрачно ответила Галя.

Утром мама расчёсывала короткие курчавые Галины волосы и завязывала бант потуже, а Галя терпела и морщилась.

– Собирайся, Галя, – сказала мама. – Вон подружка твоя уже тебя поджидает.

Галя бросилась к окну.

У ворот мелькнули светлые косички и знакомое серенькое пальто в клетку. Нет, Маруся не ждала. Она поспешно вышла на улицу, даже не взглянув на Галины окна.

Галя сбежала с лестницы.

Не догнать! Маруся уже на углу стоит, собирается улицу

переходить.

Галя знала по себе, что переходить улицу одной страшновато: уж очень она широкая. Сегодня, впрочем, Галя беспокоилась не за себя, а за Марусю. Улица такая большая, а Маруся такая маленькая, да ещё торопится.

Когда Галя вошла в класс, Маруся уже сидела за партой и разбирала свои тетрадки.

– Здравствуй, – сказала Галя.

Галя сказала: «Здравствуй», а Маруся ясно услышала: «Не сердись».

– Здравствуй, – не поднимая глаз, ответила Маруся.

А Галя в этом «здравствуй» услышала совсем другие слова: «Обидела ты меня».

В самом начале урока Ольга Андреевна спросила:

– Ну-ка, девочки, кто сегодня выучил хорошо и может прочесть до конца всю страницу?

Галина рука сама взлетела над партой и сама сейчас же опустилась. Галя увидела, что Маруся тоже поднимает руку, правда, совсем ещё невысоко, робко и нерешительно. Из всех рук в классе Ольга Андреевна выбрала именно эту, самую медленную руку. Маруся читала гораздо лучше, чем вчера, прямо, должно быть, наизусть выучила. Только она слишком торопилась, как будто боялась, что её перебьют, не дадут договорить. От этой спешки перепутала строчки в самом конце – вместо одного слова прочла другое – и остановилась, смущённая.

Гале так хотелось поправить, что она обеими ладонями зажала себе рот. Удержалась всё-таки.

Ольга Андреевна улыбнулась чуть-чуть и сказала:

– Не спеши, Маруся, подумай и скажешь правильно.

Маруся подумала и очень хорошо, с выражением даже, прочитала последние две строчки.

– Молодец! – похвалила Ольга Андреевна.

А Галя зашептала:

– Пятёрку тебе поставила, пятёрку, я видела!

Девочки возвращались домой, крепко держась за руки.

Это был удивительный день. Совсем не жалко и не грустно было смотреть, как облетают осенние листья.

Осень – это конец года, но ведь для девочек эта осень была только началом.

Маруся и Галя шли медленно и останавливались около каждой вывески.

Сначала Маруся называла буквы, потом Галя говорила всё слово целиком.

А когда дошли до угла и остановились у перехода, Маруся

посмотрела на загоревшиеся маленькие зелёные буквы, пошевелила губами… И вдруг прочитала, громко и радостно, не по буквам уже, а сразу всё слово:

– «Иди-те!»

Трусиха

Галя была трусиха. Она боялась мышей, лягушек, быков, пауков, гусениц. Её так и звали – «трусиха».

Один раз ребята играли на улице, на большой куче песка. Мальчики строили крепость, а Валя и её младший братишка Андрюша варили обед для кукол. Валю в войну играть не принимали – ведь она была трусиха, а Андрюшка для войны не годился, потому что умел ходить только на четвереньках.

Вдруг со стороны колхозного сарая послышались крики:

– Лохмач с цепи сорвался!.. К нам бежит!..

Все обернулись.

– Лохмач! Лохмач!.. Берегись, ребята!..

Ребята бросились врассыпную. Валя вбежала в сад и захлопнула за собой калитку.

На куче песка остался только маленький Андрюшка: на четвереньках ведь не уйдёшь далеко. Он лежал в песочной крепости и ревел от страха, а грозный враг шёл на приступ.

Валя взвизгнула, выбежала из калитки, схватила в одну руку совок, в другую – кукольную сковородку и, заслоняя собой Андрюшу, стала у ворот крепости.

Огромный злющий пёс нёсся через лужайку прямо на неё. Он казался коротким и очень широким. Он не лаял, а как-то всхрапывал при каждом прыжке. Вот уже совсем близко его оскаленная, клыкастая пасть. Валя бросила в него сковородку, потом совок и крикнула изо всех сил:

– Пошёл вон!

– Фьють! Фьють, Лохмач! Сюда! – Это сторож бежал через улицу наперерез Лохмачу, Вале на выручку.

Услышав знакомый голос, Лохмач остановился и вильнул хвостом. Сторож взял его за ошейник и увёл обратно к сараю.

На улице стало тихо. Ребята медленно выползали из своих убежищ: один спускался с забора, другой вылезал из канавы… Все подошли к песочной крепости. Андрюша сидел и уже улыбался, вытирая глаза грязными кулачонками.

Зато Валя плакала навзрыд.

– Ты что? – спросили ребята. – Лохмач тебя укусил?

– Нет, – отвечала она. – Он не укусил… Просто я очень испугалась…

Саша-дразнилка

Саша очень любил дразнить свою сестрёнку. Ляля обижалась и плакала.

– О чём ты плачешь, Лялечка? – спрашивал папа.

– Меня Саша дразнит!

– Ну и пусть дразнит. А ты не дразнись.

Было очень трудно не дразниться, но один раз Ляля попробовала, и вот что из этого вышло.

Ребята сидели за столом и завтракали.

– Вот я сейчас поем, – начал Саша, – и твою куклу за ноги к люстре подвешу.

– Ну что ж, – засмеялась Ляля, – это будет очень весело!

Саша даже поперхнулся от удивления.

– У тебя насморк, – сказал он, подумав. – Тебя завтра в кино не возьмут.

– А мне завтра не хочется. Я пойду послезавтра.

– Все вы, девчонки, – дрожащим голосом проговорил Саша, – все вы ужасные трусихи и плаксы.

– Мне самой мальчики больше нравятся, – спокойно ответила Ляля.

Саша посмотрел кругом и крикнул:

– У меня апельсин больше, чем у тебя!

– Ешь на здоровье, – сказала Ляля, – поправляйся.

Тут Саша не выдержал и заплакал.

– О чём ты плачешь, Сашенька? – спросила мама, входя в комнату.

– Меня Лялька обижает! – ответил Саша, всхлипывая. – Я её дразню, а она не дразнится!

Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991)

Русский поэт и прозаик Сергей Алексеевич Баруздин родился 22 июля 1926 года в Москве. В 1938 году опубликовал первые рассказы в детском журнале «Пионер». Принимал участие в Великой Отечественной войне. С 1966 года – главный редактор журнала «Дружба народов». Награждён орденом «Знак Почёта» и медалями.

Человеки

Мать собралась топить печь.

– А ну-ка, Человеки, быстро за дровами! – сказал отец. – И

лучинки не забудьте прихватить. Для растопки.

– Знаем! Сами стругали! – сказали Человеки.

Сорвались Человеки с места, побежали в сарай.

Когда у вас четыре руки и четыре ноги, любое дело быстро делается. Минуты не прошло, как Человеки в избу вернулись, две охапки дров принесли и лучину.

– Вот и хорошо, – сказала мать. – Скоро, Человеки, ужинать будем.

Пока то да сё, сели Человеки радио слушать. А ведь у них не только четыре руки и четыре ноги. Ещё четыре уха.

И ещё два курносых носа, четыре серых глаза, два рта, а на двух круглых, как подсолнухи в поле, мордахах много-много веснушек. Только веснушек никто у них не считал…

В общем, всё у Человеков было поровну, и лет – всего четырнадцать: по семь на брата!

Всё, да не всё!

Фамилия у Человеков одна: Прохоровы. Её никак поровну не разделишь.

– Человеки! – звал их отец.

И мать звала их:

– Человеки!

Но всё-таки дома как-то разбирались, кто из них кто. Кто – Ваня, а кто – Саня. Зато в деревне никто не разбирался.

– Как жизнь, Ваня? – спросят.

– Жизнь ничего! Только я не Ваня, а Саня, – отвечает Саня.

– Здравствуй, Саня! Как дела идут? – поинтересуются.

– Дела идут! Но я Ваня, а не Саня, – скажет Ваня.

Надоело людям путаться, впросак попадать. Стали говорить проще:

– Привет!

– Как жизнь, ребятки?

– Что нового, подрастающее поколение?

– Здравия желаю, Вани-Сани!

Красные уши

Пошли Человеки играть в футбол.

Ваня – команда. И Саня – команда. Каждый – и вратарь, и защитник, и нападающий, и даже судья.

Два часа играли. Голов забили видимо-невидимо.

Но вот мяч полетел к соседке Дарье Павловне. Прямо в окно.

Зазвенело, вылетело стекло. За ним и Дарья Павловна выбежала на улицу:

– Кто из вас окно разбил?

Молчали Человеки.

– Это не я! Это он! – наконец сказал Ваня.

Тут уже Саня не выдержал:

– Вовсе и не я, а он!

– Кто из вас он, а кто не он, не поймёшь! – бушевала Дарья Павловна. – И надо ж такими одинаковыми уродиться!

А Человекам только этого и надо было. Побежали они домой. Вечером пришёл с работы отец:

– Кто из вас окно разбил у Дарьи Павловны?

И откуда только он узнал?!

Человеки заскучали.

– Так кто? – повторил отец. Показал на Ваню: – Вижу, ты!

– Почему я? – возмутился Ваня.

– Потому что у тебя уши покраснели, – сказал отец.

– У него тоже красные, – не согласился Ваня. – Посмотри, папа, внимательно.

А у Сани, и верно, тоже уши покраснели.

– Ну ладно, Человеки, – сказал отец. – Спорить не буду! Наказывать тоже! А вот стекло взамен разбитого пошли-ка вставлять вместе!

Ничего не поделаешь. Пошли.

Отец стекло Дарье Павловне вставил, а Человеки замазкой стекло замазали. Получилось! Не хуже старого, разбитого!

Дарья Павловна хлопотала вокруг и всё радовалась:

– Вот уж спасибо вам, родные! Не оставили в беде – выручили! Премного вам благодарна!

Петрушка

– Вы сегодня петрушку на огороде не рвали? – спросила мать.

– Петрушку?

Удивились Человеки. Морковь они не раз рвали. Это верно. Вкусна свежая морковка! Лук зелёный рвали. С солью да чёрным хлебом – одно объедение! А петрушка? Она только для супа годится, а так кто её есть станет!

– Не рвали, – сказали Человеки.

На следующий день опять про петрушку разговор зашёл.

– Вы петрушку на огороде и сегодня не рвали? – спросила мать.

– Не рвали.

И так три дня подряд. Наконец отец не выдержал.

– Пойду, – говорит, – проверю, кто нашей петрушкой балуется.

Взял карманный фонарик, пошёл на огород. Долго отца не

было. Мать успела Человеков в постель загнать, в комнате прибрать, печь вычистить.

– А папа чего не идёт? – робко спросили Человеки из своего закутка.

– И верно, долго чего-то, – согласилась мать. Только сказала, как отец входит.

– Что это? – вскрикнула мать.

– Что? Что это у тебя? – Человеки с постели повскакали.

– Вот она, ваша петрушка!

В одной руке отец держал за уши большую серовато-бурую зайчиху, в другой – крохотного зайчонка.

– Беда, – сказал отец. – Зайчиха-то слепая. Видно, и на огород забрела сослепу, родила сынишку, а уйти назад не смогла…

– А сынишка? – завопили Человеки.

– Этот зрячий, – сказал отец. – Боевой парень, хоть и три дня ему от роду, не больше. Еле поймал!

Пустил отец зайчиху и зайчишку на пол.

Зайчиха фыркнула носом, посмотрела незрячими глазами и, оттолкнувшись задними ногами, побрела под стол. Ударилась носом в ножку – и в сторону, к печке. У печки замерла – дрожит.

А зайчишка посмотрел на необычную обстановку, перепугался и быстро-быстро под лавку забился. Сидит – тоже дрожит.

– Никак не пойму, – сказала мать, – при чём тут петрушка? Ну, капусту они ели бы – понимаю, морковь…

– Петрушка – самое их любимое лакомство! – объяснил отец. – Может, из-за этой петрушки они и попались.

С этого дня так и поселились новые жильцы в доме Прохоровых. Слепая зайчиха охотно ела, пила, даже по комнате изредка передвигалась, но всего пугалась и к зайчонку не подходила. И он не подходил к матери.

Зато, когда появлялись Человеки, зайчонок сам бежал к ним, охотно давался в руки, барабанил передними лапами и издавал какие-то звуки, вроде хриплого ворчанья.

– Ешь, ешь! – говорили Человеки и совали ему в рот молочную бутылку с соской на конце. – Ешь, Петрушка! Лопай, Петрушечка!

Петрушка и по сей день живёт у Человеков. Петрушка, кажется, доволен. Человеки тоже до-вольны.

Аркадий Петрович Гайдар (1904–1941)

Аркадий Гайдар (настоящая фамилия – Голиков) родился в 1904 году в городе Льгове Курской губернии. Его отец был

учителем, а мама приходилась дальней родственницей М.Ю. Лермонтову. Детские годы будущего писателя прошли в Арзамасе.

В годы Гражданской войны с 14 лет служил в Красной Армии. В 15 лет командовал взводом, а в 16 лет – ротой, после окончания Высшей стрелковой школы в 1921 году стал командиром полка. В декабре 1924-го Гайдар ушёл из армии по болезни (после ранения и контузии). Начал писать. С этого времени он стал известным как детский писатель, прославляющий боевое товарищество, дружбу и честность.

Совесть

Нина Карнаухова не приготовила урока по алгебре и решила не идти в школу.

Но, чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на неё добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложенной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чём дело, и решила над ним подшутить.

– Несчастный прогульщик! – строго сказала она. – И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

– Нет! – удивлённо ответил малыш. – Я просто шёл на урок. Но тут в лесу ходит большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что поднять их перед малышом теперь было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над её головой весёлые птицы. И очень тяжело было на её сердце, которое грызла беспощадная совесть.

Виктор Владимирович Голявкин (1929–2001)

Виктор Голявкин родился в 1929 году в Баку в семье

преподавателей музыки. В доме всегда звучало фортепьяно, и сыновей – Виктора и двух его младших братьев – учили музыке. Но наперекор родителям, мечтавшим видеть сына музыкантом, Голявкин выбрал живопись. Всё началось с того, как однажды Виктор нарисовал карикатуры на гостей, которые приходили музицировать к его родителям. Тогда отец подарил сыну книгу о живописи и художниках. С тех пор будущий писатель рисовал постоянно, а также прочитывал от корки до корки все книги по искусству, какие только удавалось найти.

Одновременно Голявкин начинает писать – он создаёт короткие рассказы, которые категорически не вписываются в официальную эстетику. В результате сначала в журналах «Костёр» и «Мурзилка» стали печатать его детские рассказы.

Болтуны

Сеня и его сосед по парте не заметили, как вошёл учитель. Сеня нарисовал на ладони себя и показал соседу.

– Это я, – сказал он. – Похоже?

– Нисколько, – ответил Юра, – у тебя не такие уши.

– А какие же у меня уши?

– Как у осла.

– А у тебя нос, как у бегемота.

– А у тебя голова, как еловая шишка.

– А у тебя голова, как ведро.

– А у тебя во рту зуба нет…

– А ты рыжий.

– А ты селёдка.

– А ты вуалехвост.

– А что это такое?

– Вуалехвост – и всё.

– А ты первердер…

– Это ещё что значит?

– Значит, что ты первердер.

– А ты дырбыртыр.

– А ты выртырвыр.

– А ты рррррррр…

– А ты зззззззз…

– А ты… – сказал Юра и увидел рядом учителя.

– Хотел бы я знать, – спросил учитель, – кто же всё-таки вы такие?

Яандреев

Всё из-за фамилии происходит. Я по алфавиту первый в журнале – чуть что, сразу вызывают. Поэтому и учусь хуже всех. Вот у Вовки Якулова все пятёрки. С его фамилией это нетрудно – он по списку в самом конце. Жди, пока его вызовут! А с моей фамилией пропадёшь. Стал я думать, что мне предпринять. За обедом думаю, перед сном думаю – никак ничего не могу придумать. Я даже в шкаф залез думать, чтобы мне не мешали. Вот в шкафу-то я это и придумал.

Прихожу в класс, заявляю ребятам:

– Я теперь не Андреев. Я теперь Яандреев.

– Мы давно знаем, что ты Андреев.

– Да нет, – говорю, – не Андреев, а Яандреев, на «Я» начинается – Яандреев.

– Ничего не понятно. Какой же ты Яандреев, когда ты просто Андреев? Таких фамилий вообще не бывает.

– У кого, – говорю, – не бывает, а у кого и бывает. Это позвольте мне знать.

– Удивительно, – говорит Вовка, – почему ты вдруг Яандреевым стал!

– Ещё увидите, – говорю.

Подхожу к Александре Петровне:

– У меня, знаете, дело такое: я теперь Яандреевым стал. Нельзя ли в журнале меня изменить? Чтобы я на «Я» начинался.

– Что за фокусы? – говорит Александра Петровна.

– Это совсем не фокусы. Просто мне это очень важно. Я тогда сразу отличником буду.

– Ах, вот оно что! Тогда можно. Иди, Яандреев, урок отвечать.

Я пуговицу себе сам пришил!

Я пуговицу себе сам пришил. Правда, я её криво пришил, но ведь я её сам пришил! А меня мама просит убрать со стола, как будто бы я не помог своей маме, – ведь пуговицу я сам пришил! А вчера вдруг дежурным назначили в классе. Очень мне нужно дежурным быть! Я ведь пуговицу себе сам пришил, а они кричат: «На других не надейся!» Я ни на кого не надеюсь. Я всё сам делаю – пуговицу себе сам пришил…

Про единицу и двойку

Сегодня Вовка пришёл из школы злющий. Ни с кем говорить не хочет. Я сразу понял, в чём дело. Двойку, наверное, получил. Каждый вечер он во дворе играет, а тут вдруг дома сидит.

Наверное, мама его не пустила. Уже один раз так было. Он тогда единицу принёс. И зачем люди двойки хватают? Да ещё единицы. Как будто нельзя обойтись без них. Несознательные, как говорит мой папа. Я непременно сознательным буду. Ведь от двоек всем горе – и папе, и маме… Может быть, в школе учиться трудно? Вон как Вовка страдает от этого. Сидит дома, во двор его не пускают. Тяжело, значит, в школе учиться. Вдруг и мне будет трудно учиться? Мама будет меня ругать, ставить носом в угол, не пускать во двор поиграть с ребятами. Что это будет за жизнь? Нужно с Вовкой поговорить. Узнать у него всё про школу. А то потом будет поздно. Я сам начну ходить в школу. Лучше уж всё сейчас узнать. Может быть, взять и уехать? Куда-нибудь на край света.

Вечером я спросил у папы, почему это Вовка двойки хватает.

– Он попросту лодырь, – ответил папа. – Он несознательный. Государство его бесплатно учит. На него педагоги тратят время. Для него школы построены. А он знай себе двойки приносит…

Так вон какой Вовка! Он лодырь. Я даже себе представить не мог, как это можно! Ведь для него даже школу построили. Этого я не мог понять. Для меня если б школу построили… да я бы… я бы всё время учился. Из школы бы просто не выходил.

Я встретил Вовку на другой день. Он шёл из школы.

– Пять получил! – крикнул Вовка радостно.

– Врёшь ты всё, – сказал я.

– Это я-то вру?!

– Потому, что ты лодырь!

– Ты что это?! – удивился Вовка.

– Лодырь ты. Так мой папа сказал.

– Я тебе покажу, какой я лодырь!

Вовка стукнул меня изо всей силы в нос, потом толкнул меня, и я упал в лужу.

– Получил? – крикнул он. – Ещё получишь!

– И ты получишь!

– Смотрите какой! Ещё в школу не ходит!

– А ты лодырь!

К нам подошёл дядя Витя. Дядя Витя лётчик. Мы его все очень любим. Он нас на самолёте катал.

– Мир, – сказал дядя Витя, – немедля!

Я совсем не хотел мириться. Во-первых, нос у меня болел ужасно, а во-вторых, раз Вовка лодырь… Но дядя Витя заставил. Пришлось помириться.

Дядя Витя повёл нас на улицу и купил по мороженому.

Мы молча съели мороженое.

Вовка сказал:

– У меня деньги есть. Купим ещё?

Мы купили стаканчик мороженого и пополам съели.

– Хочешь ещё? – спросил я.

– Хочу, – сказал Вовка.

Я побежал домой, взял у мамы денег, и мы купили ещё стаканчик.

Мы опять стали с Вовкой друзьями. Как будто бы и не ссорились. Оказалось, он вовсе не лодырь. Двойку он получил случайно. Это вполне может быть со всеми.

Вот как было дело: он решал задачу. Хотел точку поставить, и вдруг клякса – бац! Он хотел её промокашкой снять, а она расползлась. Не Вовка же виноват – всё проклятая клякса. Если бы не клякса, он пять получил бы.

И единицу он получил случайно. Вот как дело было: он в окно посмотрел на какую-то птицу и забыл, что он в классе. И стал разговаривать с этой птицей. В это время его к доске вызвали, чтобы он повторил, что сейчас объяснили. А он ничего не смог повторить. Птица всё виновата. А Вовка тут ни при чём. Это каждому ясно.

Максим Горький (1868–1936)

Русский писатель Максим Горький (настоящие имя и фамилия Алексей Максимович Пешков) родился в 1868 году в семье столяра-краснодеревщика и мещанки. Детство писателя прошло в доме деда. Он обучал внука по церковным книгам, а бабушка пела народные песни и рассказывала сказки.

Всё образование Горького – это ремесленное училище, в остальном жажду знаний он утолял самостоятельно, будучи практически во всём «самоучкой». Тяжёлая работа и ранние лишения преподали будущему писателю хорошее знание жизни и заронили мечту о переустройстве мира. Эту мечту он пытался воплотить в течение всей своей жизни – и своими поступками, и в своих произведениях.

Воробьишко

У воробьёв совсем так же, как у людей: взрослые воробьи и воробьихи – пичужки скучные и обо всём говорят, как в книжках написано, а молодёжь – живёт своим умом.

Жил-был желторотый воробей, звали его Пудик, а жил он над окошком бани, за верхним наличником, в тёплом гнезде из пакли, моховинок и других мягких материалов. Летать он ещё не пробовал, но уже крыльями махал и всё выглядывал из гнезда:

хотелось поскорее узнать – что такое божий мир и годится ли он для него?

– Что, что? – спрашивала его воробьиха-мама.

Он потряхивал крыльями и, глядя на землю, чирикал:

– Чересчур черна, чересчур!

Прилетал папаша, приносил букашек Пудику и хвастался:

– Чив ли я?

Мама-воробьиха одобряла его:

– Чив, чив!

А Пудик глотал букашек и думал: «Чем чванятся – червяка с ножками дали – чудо!»

И всё высовывался из гнезда, всё разглядывал.

– Чадо, чадо, – беспокоилась мать, – смотри – чебурахнешься!

– Чем, чем? – спрашивал Пудик.

– Да не чем, а упадёшь на землю, кошка – чик! и слопает! – объяснял отец, улетая на охоту.

Так всё и шло, а крылья расти не торопились.

Подул однажды ветер – Пудик спрашивает:

– Что, что?

– Ветер дунет на тебя – чирик! – и сбросит на землю – кошке! – объяснила мать.

Это не понравилось Пудику, он и сказал:

– А зачем деревья качаются? Пусть перестанут, тогда ветра не будет…

Пробовала мать объяснить ему, что это не так, но он не поверил – он любил объяснять всё по-своему.

Идет мимо бани мужик, машет руками.

– Чисто крылья ему оборвала кошка, – сказал Пудик, – одни косточки остались!

– Это человек, они все бескрылые! – сказала воробьиха.

– Почему?

– У них такой чин, чтобы жить без крыльев, они всегда на ногах прыгают, чу?

– Зачем?

– Будь-ка у них крылья, так они бы и ловили нас, как мы с папой мошек…

– Чушь! – сказал Пудик. – Чушь, чепуха! Все должны иметь крылья. Чать, на земле хуже, чем в воздухе!.. Когда я вырасту большой, я сделаю, чтобы все летали.

Пудик не верил маме; он ещё не знал, что если маме не верить, это плохо кончится.

Он сидел на самом краю гнезда и во всё горло распевал стихи собственного сочинения:

Эх, бескрылый человек,
У тебя две ножки,
Хоть и очень ты велик,
Едят тебя мошки!
А я маленький совсем,
Зато сам мошек ем.

Пел, пел да и вывалился из гнезда, а воробьиха за ним, а кошка – рыжая, зелёные глаза – тут как тут.

Испугался Пудик, растопырил крылья, качается на серенькиx ногах и чирикает:

– Честь имею, имею честь…

А воробьиха отталкивает его в сторону, перья у неё дыбом встали – страшная, храбрая, клюв раскрыла – в глаз кошке целит.

– Прочь, прочь! Лети, Пудик, лети на окно, лети…

Страх приподнял с земли воробьишку, он подпрыгнул, замахал крыльями – раз, раз и – на окне!

Тут и мама подлетела – без хвоста, но в большой радости, села рядом с ним, клюнула его в затылок и говорит:

– Что, что?

– Ну что ж! – сказал Пудик. – Всему сразу не научишься!

А кошка сидит на земле, счищая с лапы воробьихины перья, смотрит на них – рыжая, зелёные глаза – и сожалительно мяукает:

– Мяа-аконький такой воробушек, словно мы-ышка… мя-увы…

И всё кончилось благополучно, если забыть о том, что мама осталась без хвоста…

Виктор Юзефович Драгунский (1913–1972)

Замечательный детский писатель Виктор Драгунский родился в 1913 году в Нью-Йорке. Незадолго до Первой мировой войны семья вернулась на родину и обосновалась в Гомеле, где и прошло детство Драгунского. Ему рано пришлось повзрослеть и начать зарабатывать на жизнь. По окончании школы он поступил учеником токаря на завод, однако очень быстро его уволили за трудовую провинность. После этого Драгунский устроился учеником шорника на фабрику. Одновременно он поступил в «Литературно-театральные мастерские» под руководством А. Дикого учиться театральному мастерству. С этого момента начинается творческая жизнь – Драгунский играет в театре, некоторое время работает клоуном в цирке и одновременно пишет свои первые юмористические рас-сказы.

Друг детства

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на этом свете. Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далёкие звёзды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далёкий Сингапур, и купить там забавную обезьянку. А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

– Го-о-тов!

Или у меня разгорался аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полоски для мчащихся машин. А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на утлом челноке, питаясь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбину и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я всё это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксёром, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то! А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжёлую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжёлый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так нагляделся на всё на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксёрскую грушу!

– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксёром и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей десять или пятьдесят.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится.

И он оделся и пошёл на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погодика одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетёную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колёс и на верёвочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нашлёпкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много ещё разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здоровущего плюшевого Мишку.

Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тётя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Ещё лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут её позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – жёлтый стеклянный, а другой большой белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот, а обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдаётся…

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду

таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные твёрденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеётся разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара…

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слёзы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чём, мама? Со мной ничего… Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксёром.

…Бы

Один раз я сидел, сидел и ни с того ни с сего вдруг такое надумал, что даже сам удивился. Я надумал, что вот как хорошо было бы, если бы всё вокруг на свете было устроено наоборот. Ну вот, например, чтобы дети были во всех делах главные и взрослые должны были бы их во всём, во всём слушаться. В общем, чтобы взрослые были как дети, а дети как взрослые. Вот это было бы замечательно, очень было бы интересно.

Во-первых, я представляю себе, как бы маме «понравилась» такая история, что я хожу и командую ею как хочу, да и папе небось тоже бы «понравилось», а о бабушке и говорить нечего. Что и говорить, я всё бы им припомнил! Например, вот мама сидела бы за обедом, а я бы ей сказал:

«Ты почему это завела моду без хлеба есть? Вот ещё новости! Ты погляди на себя в зеркало, на кого ты похожа? Вылитый Кощей! Ешь сейчас же, тебе говорят! – И она бы стала есть, опустив голову, а я бы только подавал команду: – Быстрее! Не держи за щекой! Опять задумалась? Всё решаешь мировые проблемы? Жуй как следует! И не раскачивайся на стуле!»

И тут вошёл бы папа после работы, и не успел бы он даже раздеться, а я бы уже закричал:

«Ага, явился! Вечно тебя надо ждать! Мой руки сейчас же! Как

следует, как следует мой, нечего грязь размазывать. После тебя на полотенце страшно смотреть. Щёткой три и не жалей мыла. Ну-ка, покажи ногти! Это ужас, а не ногти. Это просто когти! Где ножницы? Не дёргайся! Ни с каким мясом я не режу, а стригу очень осторожно. Не хлюпай носом, ты не девчонка… Вот так. Теперь садись к столу».

Он бы сел и потихоньку сказал маме:

«Ну как поживаешь?»

А она бы сказала тоже тихонько:

«Ничего, спасибо!»

А я бы немедленно:

«Разговорчики за столом! Когда я ем, то глух и нем! Запомните это на всю жизнь. Золотое правило! Папа! Положи сейчас же газету, наказание ты моё!»

И они сидели бы у меня как шёлковые, а уж когда бы пришла бабушка, я бы прищурился, всплеснул руками и заголосил:

«Папа! Мама! Полюбуйтесь-ка на нашу бабуленьку! Каков вид! Грудь распахнута, шапка на затылке! Щёки красные, вся шея мокрая! Хороша, нечего сказать. Признавайся, опять в хоккей гоняла! А это что за грязная палка? Ты зачем её в дом приволокла? Что? Это клюшка! Убери её сейчас же с моих глаз – на чёрный ход!»

Тут я бы прошёлся по комнате и сказал бы им всем троим:

«После обеда все садитесь за уроки, а я в кино пойду!»

Конечно, они бы сейчас же заныли и захныкали:

«И мы с тобой! И мы тоже хотим в кино!»

А я бы им:

«Нечего, нечего! Вчера ходили на день рождения, в воскресенье я вас в цирк водил! Ишь! Понравилось развлекаться каждый день. Дома сидите! Нате вам вот тридцать копеек на мороженое, и всё!»

Тогда бы бабушка взмолилась:

«Возьми хоть меня-то! Ведь каждый ребёнок может провести с собой одного взрослого бесплатно!»

Но я бы увильнул, я сказал бы:

«А на эту картину людям после семидесяти лет вход воспрещён. Сиди дома, гулёна!»

И я бы прошёлся мимо них, нарочно громко постукивая каблуками, как будто я не замечаю, что у них у всех глаза мокрые, и я бы стал одеваться, и долго вертелся бы перед зеркалом, и напевал бы, и они от этого ещё хуже бы мучились, а я бы приоткрыл дверь на лестницу и сказал бы…

Но я не успел придумать, что бы я сказал, потому что в это время вошла мама, самая настоящая, живая, и сказала:

– Ты ещё сидишь. Ешь сейчас же, посмотри, на кого ты похож? Вылитый Кощей!

Англичанин Павля

– Завтра первое сентября, – сказала мама. – И вот наступила осень, и ты пойдёшь уже во второй класс. Ох, как летит время!..

– И по этому случаю, – подхватил папа, – мы сейчас «зарежем» арбуз!

И он взял ножик и взрезал арбуз. Когда он резал, был слышен такой полный, приятный, зелёный треск, что у меня прямо спина похолодела от предчувствия, как я буду есть этот арбуз. И я уже раскрыл рот, чтобы вцепиться в розовый арбузный ломоть, но тут дверь распахнулась, и в комнату вошёл Павля. Мы все страшно обрадовались, потому что он давно уже не был у нас и мы по нём соскучились.

– Ого, кто пришёл! – сказал папа. – Сам Павля. Сам Павля-Бородавля!

– Садись с нами, Павлик, арбуз есть, – сказала мама, – Дениска, подвинься.

Я сказал:

– Привет! – и дал ему место рядом с собой.

– Привет! – сказал он и сел.

И мы начали есть и долго ели и молчали. Нам неохота было разговаривать.

А о чём тут разговаривать, когда во рту такая вкуснотища!

И когда Павле дали третий кусок, он сказал:

– Ах, люблю я арбуз. Даже очень. Мне бабушка никогда не даёт его вволю поесть.

– А почему? – спросила мама.

– Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня.

– Правда, – сказал папа. – Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше. К вечеру его действие кончается, и можно спокойно спать. Ешь давай, не бойся.

– Я не боюсь, – сказал Павля.

И мы все опять занялись делом и опять долго молчали. И когда мама стала убирать корки, папа сказал:

– А ты чего, Павля, так давно не был у нас?

– Да, – сказал я. – Где ты пропадал? Что ты делал?

И тут Павля напыжился, покраснел, поглядел по сторонам и вдруг небрежно так обронил, словно нехотя:

– Что делал, что делал?.. Английский изучал, вот что делал.

Я прямо опешил. Я сразу понял, что я всё лето зря

прочепушил. С ежами возился, в лапту играл, пустяками занимался. А вот Павля, он времени не терял, нет, шалишь, он работал над собой, он повышал свой уровень образования.

Он изучал английский язык и теперь небось сможет переписываться с английскими пионерами и читать английские книжки!

Я сразу почувствовал, что умираю от зависти, а тут ещё мама добавила:

– Вот, Дениска, учись. Это тебе не лапта!

– Молодец, – сказал папа. – Уважаю!

Павля прямо засиял.

– К нам в гости приехал студент, Сева. Так вот он со мной каждый день занимается. Вот уже целых два месяца. Прямо замучил совсем.

– А что, трудный английский язык? – спросил я.

– С ума сойти, – вздохнул Павля.

– Ещё бы не трудный, – вмешался папа. – Там у них сам чёрт ногу сломит. Уж очень сложное правописание. Пишется Ливерпуль, а произносится Манчестер.

– Ну да! – сказал я. – Верно, Павля?

– Прямо беда, – сказал Павля. – Я совсем измучился от этих занятий, похудел на двести граммов.

– Так что ж ты не пользуешься своими знаниями, Павлик? – сказала мама. – Ты почему, когда вошёл, не сказал нам по-английски «здрасте»?

– Я «здрасте» ещё не проходил, – сказал Павля.

– Ну вот ты арбуз поел, почему не сказал «спасибо»?

– Я сказал, – сказал Павля.

– Ну да, по-русски-то ты сказал, а по-английски?

– Мы до «спасибо» ещё не дошли, – сказал Павля. – Очень трудное пропо-ви-сание.

Тогда я сказал:

– Павля, а научи-ка меня, как по-английски «раз, два, три».

– Я этого ещё не изучил, – сказал Павля.

– А что же ты изучил? – закричал я. – За два месяца ты всё-таки хоть что-нибудь-то изучил?

– Я изучил, как по-английски «Петя», – сказал Павля.

– Ну, как?

– «Пит»! – торжествующе объявил Павля. – По-английски «Петя» будет «Пит». – Он радостно засмеялся и добавил: – Вот завтра приду в класс и скажу Петьке Горбушкину: «Пит, а Пит, дай ластик!» Небось рот разинет, ничего не поймёт. Вот потеха-то будет! Верно, Денис?

– Верно, – сказал я. – Ну, а что ты ещё знаешь по-английски?

– Пока всё, – сказал Павля.

Владимир Карпович Железников (род. в 1925 г.)

Владимир Карпович Железников родился 26 октября 1925 года в семье пограничника, и из-за этого всё детство семья часто переезжала с места на место: мелькали города России, Белоруссии, Прибалтики… Приехав в 1945 году в Москву, он остался здесь навсегда. Сам Владимир Карпович собирался стать военным, учился в артиллерийском училище, в юридическом институте. Но в 1957 году окончил Литературный институт имени М. Горького и стал писателем.

История с азбукой

После уроков я зашёл в первый класс. Я бы не стал к ним заходить, но соседка поручила присмотреть за её сыном. Всё-таки первое сентября, первый школьный день.

Заскочил, а в классе уже пусто. Все ушли. Ну, хотел повернуться и идти. И вдруг вижу: на последней парте сидит какая-то кнопка, из-за парты её почти не видно. Это была девочка, а совсем не мальчик, которого я искал. Как полагалось первоклашкам, она была в белом переднике и с белыми бантами ровно в десять раз больше её головы.

Странно, что она сидела одна. Все ушли домой, и, может быть, уже едят там бульоны и молочные кисели, и рассказывают родителям чудеса про школу, а эта сидит и неизвестно чего ждёт.

– Девочка, – говорю, – почему не идёшь домой? – Никакого внимания. – Может быть, потеряла что-нибудь?

Молчит и сидит, как статуя, не шелохнётся. Что делать, не знаю. Уйти вроде неудобно.

Подошёл к доске, придумываю, как расшевелить эту «статую», а сам потихоньку рисую на доске мелом. Нарисовал первоклашку, который пришёл из школы и обедает. Потом его отца, мать и двух бабушек. Он жуёт, уплетает за обе щеки, а они ему смотрят в рот. Получилась забавная картинка.

– А мы с тобой, – говорю, – голодные. Не пора ли и нам домой?

– Нет, – отвечает. – Я домой не пойду.

– Что же, ночевать здесь будешь?

– Не знаю.

Голос у неё жалобный, тоненький. Комариный писк, а не голос. Я оглянулся на свою картину, и в животе у меня заурчало. Есть захотелось. Ну её, эту ненормальную. Вышел из класса и

пошёл. Но тут меня совесть заела, и я вернулся.

– Ты, – говорю, – если не скажешь, зачем здесь сидишь, я сейчас вызову школьного врача. А он – раз-два! – «Скорая помощь», сирена – и ты в больнице.

Решил напугать её. Я этого врача сам боюсь. Вечно он: «Дыши, не дыши» – и градусник суёт под мышку. Холодный, как сосулька.

– Ну и хорошо. Поеду в больницу.

Честное слово, она была ненормальная.

– Можешь ты сказать, – закричал я, – что у тебя случилось?!

– Меня брат ждёт. Вон во дворе сидит.

Я выглянул во двор. Действительно, там на скамейке сидел маленький мальчик.

– Ну и что же?

– А то, что я ему обещала сегодня все буквы выучить.

– Сильна ты обещать! – сказал я. – В один день всю азбуку! Может быть, ты тогда школу закончишь в один год? Сильна врать!

– Я не врала, я просто не знала.

Вижу, сейчас она заплачет. Глаза опустила и головой как-то непонятно вертит.

– Буквы учат целый год. Это непростое дело.

– У нас папа с мамой уехали далеко, а Серёжа, мой брат, сильно скучает. Он просил бабушку, чтобы она написала им от него письмо, а у неё всё нет свободного времени. А я ему сказала: вот пойду в школу, выучу буквы, и напишем маме и папе письмо. А он мальчикам во дворе рассказал. А мы сегодня весь день палки писали.

Сейчас она должна была заплакать.

– Палки, – говорю, – это хорошо, это замечательно! Из палок можно сложить буквы. – Я подошёл к доске и написал букву «А». Печатную. – Это буква «А». Она из трёх палок. Буква-шалашик.

Вот уж никогда не думал, что буду учителем. Но надо было отвлечь её, чтобы не заплакала.

– А теперь, – говорю, – пойдём к твоему брату, и я всё ему объясню.

Мы вышли во двор и направились к её брату. Шли, как маленькие, за руки. Она сунула мне свою ладошку в руку. Мягкая у неё ладошка и тёплая, пальцы подушечками.

Вот, думаю, если кто-нибудь из ребят увидит – засмеют. Но не бросишь же её руку – человек ведь…

А этот печальный рыцарь Серёжа сидит и болтает ногами. Делает вид, что нас не видит.

– Слушай, – говорю, – старина. Как бы тебе это объяснить? Ну, в общем, чтобы выучить всю азбуку, нужно учиться целый год.

Это не такое лёгкое дело.

– Значит, не выучила? – он вызывающе посмотрел на сестру. – Нечего было обещать.

– Мы писали палки весь день, – с отчаянием сказала девочка. – А из палок складываются буквы.

Но он не стал её слушать. Сполз со скамейки, низко опустил голову и поплёлся утиной похо-дочкой.

Меня он просто не замечал. И мне надоело. Вечно я впутывался в чужие дела.

– Я выучила букву «А». Она пишется шалашиком! – крикнула девочка в спину брату.

Но он даже не оглянулся. Тогда я догнал его.

– Слушай, – говорю, – ну чем она виновата? Наука – сложное дело. Пойдёшь в школу, сам узнаешь. Думаешь, Гагарин или Титов в один день всю азбуку одолели? Тоже ой-ой как попотели! А у тебя и руки опустились.

– Я весь день на память письмо маме сочинял, – сказал он.

У него было такое печальное лицо, и я подумал, что зря родители не взяли его, раз он так скучает. Собрались ехать в Сибирь, бери и детей с собой. Они не испугаются далёких расстояний или злых морозов.

– Боже мой, какая трагедия, – говорю. – Я сегодня приду к вам после обеда и всё изображу на бумаге под твою диктовку в лучшем виде.

– Вот хорошо! – сказала девочка. – Мы живём в этом доме, за железной изгородью. Правда, Серёжа, хорошо?

– Ладно, – ответил Серёжа. – Я буду ждать.

Я видел, как они вошли во двор и их фигурки замелькали между железными прутьями забора и кустами зелени. И тут я услышал громкий, ехидный такой мальчишеский голос.

– Серёжка, ну что, выучила твоя сестра все буквы?

Я видел, что Серёжа остановился, а сестра его вбежала в подъезд.

– Выучить азбуку, знаешь, сколько надо учиться? – сказал Серёжа. – Надо учиться целый год.

– Значит, плакали ваши письма, – сказал мальчишка. – И плакала ваша Сибирь.

– Ничего не плакала, – ответил Серёжа. – У меня есть друг, он уже давно учится не в первом классе; он сегодня придёт к нам и напишет письмо.

– Всё ты врёшь, – сказал мальчишка. – Ох и силён ты заливать! Ну, как зовут твоего друга, как?

Наступило молчание.

Ещё минута, и должен был раздаться победный,

торжествующий возглас ехидного мальчишки, но я не позволил этому случиться. Нет, это было не в моём характере.

Я влез на каменный фундамент забора и просунул голову между прутьями.

– Между прочим, его зовут Юркой, – крикнул я. – Есть такое всемирно известное имя.

У этого мальчишки от неожиданности открылся рот, как у гончей, когда она упускает зайца. А Серёжка ничего не сказал. Он был не из тех, кто бил лежачих.

А я спрыгнул на землю и пошёл домой.

Не знаю почему, но настроение у меня было хорошее. Весело на душе, и всё. Отличное было настроение. Даже петь хотелось.

Борис Степанович Житков (1882–1938)

Борис Житков – русский и советский писатель, прозаик, педагог, путешественник и исследователь. Автор популярных приключенческих рассказов и повестей, произведений о животных.

Родился в семье преподавателя математики и пианистки. Он был младшим из четверых детей. Детство будущего писателя прошло в Одессе, там же он получил начальное домашнее образование и окончил гимназию. Причем гимназистом Житков был весьма необычным: его увлечения не знали границ. Он дотошно подходил ко всему, чем занимался – будь то фотография, игра на скрипке или спорт. Во время обучения будущий писатель подружился с Корнеем Чуковским.

Храбрый утёнок

Каждое утро хозяйка выносила утятам полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, вдруг прилетала большая стрекоза и начинала кружить над ними. Она очень страшно стрекотала. Перепуганные утята убегали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекусает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала.

После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять.

Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила:

– Должно быть, наши утята заболели. Что-то они ничего не едят.

Она не знала, что утята каждый вечер голодные ложились

спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, утёнок Алёша, и утята рассказали ему про стрекозу. Он стал смеяться.

– Ну и храбрецы! – сказал он. – Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

– Ты хвастаешь, – сказали утята. – Завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с едой и ушла.

– Ну, смотрите, – сказал смелый Алёша, – сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он сказал это, как вдруг зажужжала стрекоза. Прямо сверху она полетела на тарелку. Утята хотели убежать, но Алёша не испугался.

Не успела стрекоза сесть на тарелку, как Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу за то, что он спас их от стрекозы.

На льдине

Зимой море замёрзло. Рыбаки всем колхозом собрались на лёд ловить рыбу.

Взяли сети и поехали на санях по льду. Поехал и рыбак Андрей, а с ним его сынишка Володя. Выехали далеко-далеко. И куда кругом ни глянь, всё лёд и лёд: это так замёрзло море. Андрей с товарищами заехал дальше всех. Наделали во льду дырок и сквозь них стали запускать сети. День был солнечный, всем было весело. Володя помогал выпутывать рыбу из сетей и очень радовался, что много ловилось. Уже большие кучи мороженой рыбы лежали на льду. Володин папа сказал:

– Довольно, пора по домам.

Но все стали просить, чтоб остаться ночевать и с утра снова ловить.

Вечером поели, завернулись поплотней в тулупы и легли спать в санях. Володя прижался к отцу, чтоб было теплей, и крепко заснул.

Вдруг ночью отец вскочил и закричал:

– Товарищи, вставайте! Смотрите, ветер какой! Не было бы беды!

Все вскочили, забегали.

– Почему нас качает? – закричал Володя.

А отец крикнул:

– Беда! Нас оторвало и несёт на льдине в море.

Все рыбаки бегали по льдине и кричали:

– Оторвало, оторвало!

А кто-то крикнул:

– Пропали!

Володя заплакал. Днём ветер стал ещё сильней, волны заплёскивали на льдину, а кругом было только море. Володин папа связал из двух шестов мачту, привязал на конце красную рубаху и поставил, как флаг. Все глядели, не видать ли где парохода. От страха никто не хотел ни есть ни пить. А Володя лежал в санях и смотрел в небо: не глянет ли солнышко. И вдруг в прогалине между туч Володя увидел самолёт и закричал:

– Самолёт! Самолёт!

Все стали кричать и махать шапками. С самолёта упал мешок. В нём была еда и записка: «Держитесь! Помощь идёт!» Через час пришёл пароход и перегрузил к себе людей, сани, лошадей и рыбу. Это начальник порта узнал, что на льдине унесло восьмерых рыбаков. Он послал им на помощь пароход и самолёт. Лётчик нашёл рыбаков и по радио сказал капитану парохода, куда идти.

Пожар в море

Один пароход шёл в море с грузом угля. Ещё дня три надо было пароходу идти до места. Вдруг к капитану прибежал механик из машинного отделения и сказал:

– Нам попался очень плохой уголь, он сам загорелся у нас в трюме.

– Так заливайте его водой! – сказал капитан.

– Поздно! – ответил помощник капитана. – Очень разгорелось. Это всё равно что лить воду на горячую плиту. Будет столько пару, как в паровом котле.

Капитан сказал:

– Тогда закупорьте помещение, где горит уголь, так плотно, чтобы было как в закупоренной бутылке. И огонь потухнет.

– Постараюсь! – сказал помощник капитана и побежал распорядиться.

А капитан повернул пароход прямо к берегу – в ближайший порт. Он дал в этот порт телеграмму по радио: «У меня загорелся уголь. Полным ходом иду к вам». А оттуда ответили: «Держитесь, сколько можете. Помощь идёт».

Все на пароходе знали, что у них загорелся уголь, и старались, кто как мог, закупорить этот уголь так, чтоб к нему не

прошёл воздух. Но уже нагрелась стенка, которая отделяла уголь. Все уже знали, что вот сейчас огонь вырвется наружу и будет страшный пожар.

А с моря пришли по радио телеграммы с трёх спасательных пароходов, что они спешат на помощь полным ходом.

Помощник капитана влез на мачту, чтобы с высоты скорей увидеть, где пароходы. Пароходов долго не было видно, и матросы уже думали, что придётся спустить шлюпки и уехать с парохода.

Вдруг вырвалось из трюма пламя и поднялся такой пожар, что к шлюпкам нельзя было пройти. Все в ужасе закричали. Не испугался только помощник капитана, который стоял на мачте.

Он показывал вдаль рукой. И все увидали, что там, вдали, к ним спешат три парохода. Люди обрадовались, бросились тушить пожар сами, как могли. А спасательные пароходы как подошли, так столько пожарных машин пустили в ход, что скоро потушили весь пожар.

Потом увели пароход в порт, а в порту его починили, и через месяц он пошёл дальше.

Светофор

Потом мы остановились, и все другие автомобили остановились, и трамвай остановился. Я закричал:

– Почему?

Мама тоже сказала:

– Почему все стали? Что случилось?

И встала в автомобиле. И глядит.

А шофёр говорит:

– Вон видите красный фонарик? Светофор?

Мама говорит:

– Где, где?

А шофёр пальцем показывает.

И наверху на проволоке, над улицей, мы с мамой увидали фонарик: он горел красным светом.

Мама говорит:

– И долго мы стоять будем?

А шофёр говорит:

– Нет. Сейчас вот проедут, кому через нашу улицу надо переезжать, и поедем.

И все смотрели на красный фонарик. И вдруг он загорелся жёлтым светом.

А потом зелёным.

И шофёр сказал:

– Теперь можно: зелёный огонь.

Мы поехали. А сбоку через нашу улицу шла другая улица. И там все автомобили стояли, и никто на нас не наезжал. Они ждали, чтобы мы про-ехали.

А потом ещё раз на улице горел красный фонарик, а я уж знал и закричал:

– Дядя, стойте! Красный огонь!

Шофёр остановил, оглянулся и говорит:

– А ты – молодчина.

Потом мы опять остановились, а огонька вовсе никакого не было. А только я увидал: очень высокий милиционер в белой шапке и в белой курточке поднял руку вверх и так держит.

Потом он рукой махнул, чтобы мы ехали.

Он как руку поднимет, так все станут: автомобили, трамваи и бочки всякие. И лошади тоже. Только люди могут ходить.

Милиционер – самый главный на улице. А потом мы приехали к дому.

Валентина Александровна Осеева (1902–1969)

Валентина Осеева родилась в Киеве в семье инженера. Окончив среднюю школу, будущая писательница поступила на актёрский факультет Киевского института им. Н.В. Лысенко. Однако актрисой она не стала, детской мечте не суждено было сбыться – семья сначала переезжает в Москву, а затем в Солнечногорск.

Мать будущей писательницы занималась организацией колоний для обездоленных детей. Вслед за ней в трудовую коммуну для беспризорников однажды пришла и юная Валентина. Тогда, в 21 год, Осеева поняла, что её настоящее призвание – дети. Шестнадцать лет – с 1924-го по 1940 год – она занималась воспитанием ребят, оставшихся без родителей.

Всё вместе

В первом классе Наташе сразу полюбилась девочка с весёлыми голубыми глазками.

– Давай будем дружить, – сказала Наташа.

– Давай! – кивнула головой девочка. – Будем вместе баловаться!

Наташа удивилась:

– Разве если дружить, так надо вместе баловаться?

– Конечно. Те, которые дружат, всегда вместе балуются, им вместе и попадает за это! – засмеялась Оля.

– Хорошо, – нерешительно сказала Наташа и вдруг улыбнулась. – А потом их вместе и хвалят за что-нибудь, да?

– Ну, это редко! – сморщила носик Оля. – Это смотря какую подружку себе найдёшь!

Почему?

Мы были одни в столовой – я и Бум. Я болтал под столом ногами, а Бум легонько покусывал меня за голые пятки. Мне было щекотно и весело. Над столом висела большая папина карточка, – мы с мамой только недавно отдавали её увеличивать. На этой карточке у папы было такое весёлое доброе лицо. Но когда, балуясь с Бумом, я, держась за край стола, стал раскачиваться на стуле, мне показалось, что папа качает головой…

– Смотри, Бум… – шёпотом сказал я и, сильно качнувшись, схватился за край скатерти.

Стол выскользнул из моих рук. Послышался звон…

Сердце у меня замерло. Я тихонько сполз со стула и опустил глаза. На полу валялись розовые черепки, золотой ободок блестел на солнце. Бум вылез из-под стола, осторожно обнюхал черепки и сел, склонив набок голову и подняв вверх одно ухо.

Из кухни послышались быстрые шаги.

– Что это? Кто это? – Мама опустилась на колени и закрыла лицо руками. – Папина чашка… папина чашка… – горько повторяла она. Потом подняла глаза и с упрёком спросила: – Это ты?

Бледно-розовые черепки блестели на её ладони. Колени у меня дрожали, язык заплетался:

– Это… это… Бум!

– Бум? – Мама поднялась с колен и медленно переспросила: – Это Бум?

Я кивнул головой. Бум, услышав свое имя, задвигал ушами и завилял хвостом. Мама смотрела то на меня, то на него.

– Как же он разбил?

Уши мои горели. Я развёл руками:

– Он немножечко подпрыгнул… и лапами…

Лицо у мамы потемнело. Она взяла Бума за ошейник и пошла с ним к двери. Я с испугом смотрел ей вслед. Бум с лаем выскочил во двор.

– Он будет жить в будке, – сказала мама и, присев к столу, о чём-то задумалась. Её пальцы медленно сгребали в кучку крошки хлеба, раскатывали их шариками, а глаза смотрели куда-то поверх стола в одну точку.

Я стоял, не смея подойти к ней. Бум заскрёбся у двери.

– Не пускай! – быстро сказала мама и, взяв меня за руку, притянула к себе. Прижавшись губами к моему лбу, она всё так же о чём-то думала, потом тихо спросила: – Ты очень испугался?

Конечно, я очень испугался: ведь с тех пор, как папа умер, мы с мамой так берегли каждую его вещь. Из этой чашки папа всегда пил чай…

– Ты очень испугался? – повторила мама.

Я кивнул головой и крепко обнял её за шею.

– Если ты… нечаянно, – медленно начала она.

Но я перебил её, торопясь и заикаясь:

– Это не я… Это Бум… Он подпрыгнул… Он немножечко подпрыгнул… Прости его!

Лицо у мамы стало розовым, даже шея и уши её порозовели. Она встала:

– Бум не придёт больше в комнату, он будет жить в будке.

Я молчал. Над столом из фотографической карточки смотрел на меня папа…

* * *

Бум лежал на крыльце, положив на лапы умную морду, глаза его не отрываясь смотрели на запертую дверь, уши ловили каждый звук, долетающий из дома. На голоса он откликался тихим визгом, стучал по крыльцу хвостом… Потом снова клал голову на лапы и шумно вздыхал.

Время шло, и с каждым часом на сердце у меня становилось всё тяжелее. Я боялся, что скоро стемнеет, в доме погасят огни, закроют все двери, и Бум останется один на всю ночь… Ему будет холодно и страшно. Мурашки пробегали у меня по спине. Если б чашка не была папиной… и если б сам папа был жив… Ничего бы не случилось… Мама никогда не наказывала меня за что-нибудь нечаянное… И я боялся не наказания – я с радостью перенёс бы самое худшее наказание. Но мама так берегла всё папино! И потом, я не сознался сразу, я обманул её, и теперь с каждым часом моя вина становилась всё больше…

Я вышел на крыльцо и сел рядом с Бумом. Прижавшись головой к его мягкой шерсти, я случайно поднял глаза и увидел маму. Она стояла у раскрытого окна и смотрела на нас. Тогда, боясь, чтобы она не прочитала на моём лице все мои мысли, я погрозил Буму пальцем и громко сказал:

– Не надо было разбивать чашку.

После ужина небо вдруг потемнело, откуда-то выплыли тучи и остановились над нашим домом.

Мама сказала:

– Будет дождь.

Я попросил:

– Пусти Бума…

– Нет.

– Хоть в кухню… мамочка!

Она покачала головой. Я замолчал, стараясь скрыть слёзы и перебирая под столом бахрому скатерти.

– Иди спать, – со вздохом сказала мама.

Я разделся и лёг, уткнувшись головой в подушку. Мама вышла. Через приоткрытую дверь из её комнаты проникала ко мне жёлтая полоска света. За окном было черно. Ветер качал деревья. Всё самое страшное, тоскливое и пугающее собралось для меня за этим ночным окном. И в этой тьме сквозь шум ветра я различал голос Бума. Один раз, подбежав к моему окну, он отрывисто залаял. Я приподнялся на локте и слушал. Бум… Бум… Ведь он тоже папин. Вместе с ним мы в последний раз провожали папу на корабль. И когда папа уехал, Бум не хотел ничего есть и мама со слезами уговаривала его. Она обещала ему, что папа вернётся. Но папа не вернулся…

То ближе, то дальше слышался расстроенный лай. Бум бегал от двери к окнам, он звал, просил, скрёбся лапами и жалобно взвизгивал. Из-под маминой двери всё ещё просачивалась узенькая полоска света. Я кусал ногти, утыкался лицом в подушку и не мог ни на что решиться. И вдруг в моё окно с силой ударил ветер, крупные капли дождя забарабанили по стеклу. Я вскочил. Босиком, в одной рубашке я бросился к двери и широко распахнул её:

– Мама!

Она спала, сидя за столом и положив голову на согнутый локоть. Обеими руками я приподнял её лицо, смятый мокрый платочек лежал под её щекой.

– Мама!

Она открыла глаза, обняла меня тёплыми руками. Тоскливый собачий лай донёсся до нас сквозь шум дождя.

– Мама! Мама! Это я разбил чашку. Это я, я! Пусти Бума…

Лицо её дрогнуло, она схватила меня за руку, и мы побежали к двери. В темноте я натыкался на стулья и громко всхлипывал. Бум холодным шершавым языком осушил мои слёзы, от него пахло дождём и мокрой шерстью. Мы с мамой вытирали его сухим полотенцем, а он поднимал вверх все четыре лапы и в буйном восторге катался по полу. Потом он затих, улёгся на своё место и не мигая смотрел на нас. Он думал: «Почему меня выгнали во двор, почему впустили и обласкали сейчас?»

Мама долго не спала. Она тоже думала: «Почему мой сын не сказал мне правду сразу, а разбудил меня ночью?»

И я тоже думал, лежа в своей кровати: «Почему мама нисколько не бранила меня, почему она даже обрадовалась, что чашку разбил я, а не Бум?»

В эту ночь мы долго не спали, и у каждого из нас троих было своё «почему».

Синие листья

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

– Дай мне зелёный карандаш.

А Катя и говорит:

– Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

– Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

– Мама-то позволила, а брата я не спросила.

– Ну что ж, спроси ещё у брата, – говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

– Ну что, позволил брат? – спрашивает Лена.

– Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

– Я осторожненько, – говорит Лена.

– Смотри, – говорит Катя, – не чини, не нажимай крепко, в рот не бери. Да не рисуй много.

– Мне, – говорит Лена, – только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

– Это много, – говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней:

– Ну, что ж ты? Бери!

– Не надо, – отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

– Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

– Карандаша зелёного нет.

– А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела как рак и говорит:

– Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

– Надо так давать, чтобы можно было взять.

Сыновья

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старенький старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

– Мой сынок ловок да силён, никто с ним не сладит.

– А мой поёт, как соловей. Ни у кого голоса такого нет, – говорит другая.

А третья молчит.

– Что же ты про своего сына не скажешь? – спрашивают её соседки.

– Что ж сказать? – говорит женщина. – Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок – за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

Вдруг навстречу три мальчика выбегают.

Один через голову кувыркается, колесом ходит – любуются им женщины.

Другой песню поёт, соловьём заливается – заслушались его женщины.

А третий к матери подбежал, взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают женщины старичка:

– Ну что? Каковы наши сыновья?

– А где же они? – отвечает старик. – Я только одного сына вижу!

Печенье

Мама высыпала на тарелку печенье. Бабушка весело зазвенела чашками. Все уселись за стол. Вова придвинул тарелку к себе.

– Дели по одному, – строго сказал Миша.

Мальчики выгребли всё печенье на стол и разложили его на две кучки.

– Ровно? – спросил Вова.

Миша смерил глазами кучки.

– Ровно. Бабушка, налей нам чаю!

Бабушка подала обоим чай. За столом было тихо. Кучки печенья быстро уменьшались.

– Рассыпчатые! Сладкие! – говорил Миша.

– Угу! – отзывался с набитым ртом Вова.

Мама и бабушка молчали. Когда всё печенье было съедено,

Вова глубоко вздохнул, похлопал себя по животу и вылез из-за стола.

Миша доел последний кусочек и посмотрел на маму – она мешала ложечкой неначатый чай. Он посмотрел на бабушку – она жевала корочку чёрного хлеба…

Л. Пантелеев (1908–1987)

Л. Пантелеев (настоящее имя Алексей Иванович Еремеев) родился в Санкт-Петербурге в семье казачьего офицера. В восемь лет юного Алёшу отдали во 2-е Петроградское реальное училище, которое он, как и все остальные учебные заведения, в которые поступал, не закончил. Каждый раз ему мешала его неугомонная авантюрная натура, она не позволяла ему надолго задерживаться на одном месте. Лишь литературному творчеству Пантелеев не изменял никогда. Первые свои «серьёзные» произведения он написал в 8–9 лет.

Карусели

Один раз мы с Машей сидели у меня в комнате и занимались каждый своим делом. Она готовила уроки, а я писал рассказ. И вот написал я две или три странички, устал немножко, потянулся и несколько раз зевнул. И Маша мне сказала:

– Ой, папа! Ты же не так делаешь!..

Я, конечно, удивился:

– То есть что я не так делаю? Зеваю не так?

– Нет, зеваешь ты правильно, а вот потягиваешься не так.

– Как это не так?

– Да. Вот именно, не так.

И она мне показала. Это, наверно, вы все знаете. Это все школьники и дошколята знают. Во время занятий воспитательница объявляет маленькую передышку, ребята встают и хором читают такие стихи:

Ветер дует нам в лицо
Закачалось деревцо.
– Ветер, тише, тише, тише!
Деревцо растёт всё вы-ы-ыше!

И при этом все руками показывают, как ветер дует в лицо, как дерево качается и как оно потом растёт всё выше и выше, до самого неба.

Мне это, сказать по правде, понравилось. И с тех пор всякий раз, когда нам с Машей приходилось работать вместе, мы каждые полчаса проделывали с ней это упражнение – качались, вытягивались и дули себе в лицо. Но потом нам надоело играть в одно и то же. И мы придумали немножко похожую, но другую игру. Попробуйте, может быть, кое-кому из вас тоже понравится?

Станьте лицом к своему соседу. Хлопайте один другого крест-накрест ладонь в ладонь. И громко все вместе читайте:

Карусели, карусели!
Мы с тобою в лодку сели
И по-е-ха-ли!

А когда поехали, показывайте, как это было, – работайте вёслами.

А дальше вот так:

Карусели, карусели!
Мы с тобой на лошадь сели
И по-е-ха-ли!

Теперь скачите верхом. Гоп! Гоп! Подстёгивайте лошадку, только не сильно, не больно.

Если не устали – поехали дальше:

Карусели, карусели!
Мы с тобой в машину сели
И по-е-ха-ли!

Крутите баранку. Здорово несётся наша «Волга». Можно даже, пожалуй, бибикнуть:

Би-би-и-и-и!
Би-и-и-и!

А карусель наша всё крутится и вертится, всё шибче и шибче. Куда же ещё? Ага! Придумали!

Карусели, Карусели!
В самолёт
С тобой мы сели
И по-е-ха-ли!

Руки в стороны! Самолёт готов. Полетели!.. Ура-а!..

Самолёт хорошо, а ракета лучше.

А ну:

Карусели, карусели!
Мы с тобой в ракету сели
И по-е-ха-ли!!!

Руки над головой. Кончики пальцев соедините вместе. Присели! К запуску приготовиться! Зззиг! Полетели! Только не пробейте потолок, а то и в самом деле в космос улетите.

А если останетесь на земле, тогда можете и на санках покататься, и на самокате, и ещё на чём-нибудь… Это уж вы сами придумайте!

Буква «Ты»

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только, самая последняя буква – «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует её рассмотреть и сказал:

– А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

– Ты?

– Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я»!

– Буква ты?

– Да не «ты», а «я»!

Она еще больше удивилась и говорит:

– Я и говорю: ты.

– Да не я, а буква «я»!

– Не ты, а буква ты?

– Ох, Иринушка, Иринушка! Наверное, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: «я»?

– Нет, – говорит, – почему не понимаю? Я понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Это не ты, а это буква так называется: «ты».

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь? Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я – это не я, ты – не ты, она – не она и что вообще «я» – это только буква.

– Ну, вот что, – сказал я наконец, – ну, давай, скажи как будто про себя: я! Понимаешь? Про себя. Как ты про себя говоришь.

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

– Говорить?

– Ну, ну… Конечно.

Вижу – молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

– Ну, что же ты?

– Я сказала.

– А я не слышал, что ты сказала.

– Ты же мне велел про себя говорить. Вот я потихоньку и говорю.

– Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шёпотом – на ухо мне:

– Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса посматривала на меня и жалобно сопела. Ей, наверно, было стыдно, что она такая бестолковая. Но и мне тоже было стыдно, что я – большой человек – не могу научить маленького человека правильно читать такую простую букву, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

– Это кто?

Она говорит:

– Это я.

– Ну вот… Понимаешь? А это буква «я»!

Она говорит:

– Понимаю…

А у самой уж, вижу, и губы дрожат, и носик сморщился – вот-вот заплачет.

– Что же ты, – я спрашиваю, – понимаешь?

– Понимаю, – говорит, – что это я.

– Правильно! Молодец! А это вот буква «я». Ясно?

– Ясно, – говорит. – Это буква ты.

– Да не ты, а я!

– Не я, а ты.

– Не я, а буква «я»!

– Не ты, а буква «ты».

– Не буква «ты», Господи Боже мой, а буква «я»!

– Не буква «я», Господи Боже мой, а буква «ты»!

Я опять вскочил и опять забегал по комнате.

– Нет такой буквы! – закричал я. – Пойми ты, бестолковая девчонка! Нет и не может быть такой буквы! Есть буква «я». Понимаешь? Я! Буква «я»! Изволь повторять за мной: я! я! я!..

– Ты, ты, ты, – пролепетала она, едва разжимая губы. Потом уронила голову на стол и заплакала. Да так громко и так жалобно, что весь мой гнев сразу остыл. Мне стало жалко её.

– Хорошо, – сказал я. – Как видно, мы с тобой и в самом деле немного заработались. Возьми свои книги и тетрадки и можешь идти гулять. На сегодня – хватит.

Она кое-как запихала в сумочку своё барахлишко и, ни слова мне не сказав, спотыкаясь и всхлипывая, вышла из комнаты.

А я, оставшись один, задумался: что же делать? Как же мы в конце концов перешагнём через эту проклятую букву «я»?

«Ладно, – решил я. – Забудем о ней. Ну её. Начнём следующий урок прямо с чтения. Может быть, так лучше будет».

И на другой день, когда Иринушка, весёлая и раскрасневшаяся после игры, пришла на урок, я не стал ей напоминать о вчерашнем, а просто посадил её за букварь, открыл первую попавшуюся страницу и сказал:

– А ну, сударыня, давайте-ка, почитайте мне что-нибудь.

Она, как всегда перед чтением, поёрзала на стуле, вздохнула, уткнулась и пальцем и носиком в страницу и, пошевелив губами, бегло и не переводя дыхания, прочла:

– Тыкову дали тыблоко.

От удивления я даже на стуле подскочил:

– Что такое? Какому Тыкову? Какое тыблоко? Что ещё за тыблоко?

Посмотрел в букварь, а там чёрным по белому написано:

«Якову дали яблоко».

Вам смешно? Я тоже, конечно, посмеялся. А потом говорю:

– Яблоко, Иринушка! Яблоко, а не тыблоко!

Она удивилась и говорит:

– Яблоко? Так значит, это буква «я»?

Я уже хотел сказать: «Ну конечно, «я»! А потом спохватился и думаю:

«Нет, голубушка! Знаем мы вас. Если я скажу «я» – значит – опять пошло-поехало? Нет, уж сейчас мы на эту удочку не попадёмся».

И я сказал:

– Да, правильно. Это буква «ты».

Конечно, не очень-то хорошо говорить неправду. Даже очень нехорошо говорить неправду. Но что же поделаешь! Если бы я сказал «я», а не «ты», кто знает, чем бы всё это кончилось. И, может быть, бедная Иринушка так всю жизнь и говорила бы – вместо «яблоко» – тыблоко, вместо «ярмарка» – тырмарка, вместо «якорь» – тыкорь и вместо «язык» – тызык. А Иринушка, слава богу, выросла уже большая, выговаривает все буквы правильно, как полагается, и пишет мне письма без одной ошибки.

АУ

Старшая сестра учила младшую читать. Оленька выучила все буквы, а читать не может, не получается. Никак не складываются буквы вместе.

В книге написано: «АУ».

– Что тут написано, Оленька?

– Не знаю.

– Это какая буква?

– А.

– Молодец! А эта?

– У.

– А вместе?

– Не знаю.

– Ну, как же не знаешь?! Это А, а это У. А если их сложить, что получится?

– Не знаю.

– А ты подумай.

– Я думаю.

– Ну и что?

– Не знаю.

– Ну вот что, – сказала старшая сестра. – Представь, что ты заблудилась в лесу. Как ты тогда станешь кричать?

Оленька подумала и говорит:

– Если я в лесу заблужусь, я буду кричать: «Мама!»

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968)

Константин Георгиевич Паустовский родился 31 мая 1892 года в Москве. Его отец был служащим в управлении железной дороги, мать – дочь служащего на сахарном заводе. Семья Паустовского несколько раз переезжала с места на место, пока не обосновалась в Киеве. В семье будущего писателя любили искусство: много пели, играли на рояле, часто посещали театр.

Учился Константин Паустовский в Киевской классической гимназии, у него были хорошие учителя, знавшие и любившие русскую словесность, историю и психологию. Паустовский много читал, увлекся сочинением стихов. Обучаясь в последнем классе гимназии, Паустовский напечатал свой первый рассказ в киевском литературном журнале.

Во время Первой мировой войны работал вожатым на московском трамвае, работал на санитарном поезде, развозя раненых из Москвы по глубоким тыловым городам. Во время Великой Отечественной войны Константин Георгиевич был военным корреспондентом на Южном фронте и одновременно продолжал писать. В послевоенные годы он много путешествовал по Европе, впечатления от этих поездок легли в основу множества его произведений.

Кот-ворюга

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось, наконец, установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста. Это был кот, потерявший всякую совесть, кот – бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал всё: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбежались куры и склевали весь наш запас червей. Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля всё равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота. Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронёсся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан[35] с окунями. Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; на нём было десять жирных окуней, пойманных на Прорве. Это было уже не воровство, а грабёж средь бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на берёзу. Мы начали трясти берёзу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл. Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с берёзы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу. Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нём только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озёр. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях. Чтобы пройти к берегу озёр, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи жёлтой цветочной пылью. Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожжённые солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота. Но, наконец, кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления. Прошёл час, два, три… Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Лёнька, сын деревенского сапожника. Лёнька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить из-под дома кота. Лёнька взял шёлковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днём плотицу и закинул её через лаз в подполье. Вой прекратился. Мы услышали хруст и хищное щёлканье – кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мёртвой хваткой. Лёнька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Лёнька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу. Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза. Лёнька схватил кота за шиворот и поднял над землёй. Мы впервые его рассмотрели как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

– Что же нам с ним делать?

– Выдрать! – сказал я.

– Не поможет, – сказал Лёнька. – У него с детства характер такой.

Кот ждал, зажмурив глаза. Тогда Рувим неожиданно сказал:

– Надо его накормить как следует!

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали

ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану. Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звёзды зелёными нахальными глазами. После умывания он долго фыркал и тёрся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрёт себе шерсть на затылке. Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать. На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок. Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склёвывать из тарелок гречневую кашу. Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол. Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный «Горлачом». Кот нёсся за ним на трёх лапах, а четвёртой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу. После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошёл. С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с писком и толкотнёй прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он тёрся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти. Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

Евгений Андреевич Пермяк (1902–1982)

Евгений Пермяк – псевдоним Евгения Андреевича Виссова. Он родился 31 октября 1902 года в Перми. В честь этого города писатель своей настоящей фамилии предпочёл псевдоним Пермяк.

Отец Евгения Виссова, мелкий почтовый служащий, скончался от чахотки, когда сыну было три года. Матери было нелегко одной воспитывать сына, поэтому большая часть его детских лет прошла в Воткинске, в обществе бабушки, деда и сестры матери, окруживших мальчика заботой, теплотой и вниманием. В Воткинске Женя учился в церковно-приходской школе, прогимназии и гимназии, где наряду с образовательными

дисциплинами велось и производственное обучение. Виссов освоил пять ремёсел: столярное, слесарное, сапожное, кузнечное и токарное. Там же, в Воткинске, молодой человек взялся за перо. Его первые рабселькоровские заметки и стихи были подписаны псевдонимом «мастер Непряхин».

Про нос и язык

У Кати было два глаза, два уха, две руки, две ноги, а язык один и нос тоже один.

– Скажи, бабушка, – просит Катя, – почему это у меня всего по два, а язык один и нос один.

– А потому, милая внучка, – отвечает бабушка, – чтобы ты больше видела, больше слушала, больше делала, больше ходила и меньше болтала и любопытный свой нос куда не надо не совала.

Вот, оказывается, почему языков и носов бывает только по одному.

Ясно?

Для чего руки нужны

Петя с дедушкой большими друзьями были. Обо всём разговаривали.

Спросил как-то дедушка внука:

– А для чего, Петенька, людям руки нужны?

– Чтобы в мячик играть, – ответил Петя.

– А ещё для чего? – спросил дед.

– Чтобы ложку держать.

– А ещё?

– Чтобы кошку гладить.

– А ещё?

– Чтобы камешки в речку бросать…

Весь вечер отвечал Петя дедушке. Правильно отвечал. Только по своим рукам обо всех других судил, а не по маминым, не по папиным, не по трудовым, рабочим рукам, которыми вся жизнь, весь белый свет держится.

Пичугин мост

По пути в школу ребята любили разговаривать о подвигах.

– Хорошо бы, – говорит один, – на пожаре ребёнка спасти!

– Даже самую большую щуку поймать – и то хорошо, – мечтает второй. – Сразу про тебя узнают.

– Лучше всего на Луну полететь, – говорит третий мальчик. – Тогда уж во всех странах будут знать.

А Сёма Пичугин ни о чём таком не думал. Он рос мальчиком тихим и молчаливым.

Как и все ребята, Сёма любил ходить в школу короткой дорогой через речку Быстрянку. Эта маленькая речка текла в крутых бережках, и перескакивать через неё было очень трудно. В прошлом году один школьник не доскочил до того берега и сорвался. В больнице даже лежал. А этой зимой две девочки переходили речку по первому льду и оступились. Повымокли. И тоже крику всякого было много.

Ребятам запретили ходить короткой дорогой. А как длинной пойдёшь, когда короткая есть!

Вот и задумал Сёма Пичугин старую ветлу с этого берега на тот уронить. Топор у него был хороший. Дедушкой точенный. И стал он рубить им ветлу.

Нелёгким оказалось это дело. Уж очень была толста ветла. Вдвоём не обхватишь. Только на второй день рухнуло дерево. Рухнуло и легло через речку.

Теперь нужно было обрубить у ветлы ветви. Они путались под ногами и мешали ходить. Но когда обрубил их Сёма, ходить стало ещё труднее. Держаться не за что. Того гляди, упадёшь. Особенно если снег.

Решил Сёма приладить перильца из жердей.

Дед помог.

Хороший мостишко получился. Теперь не только ребята, но и все другие жители стали ходить из села в село короткой дорогой. Чуть кто в обход пойдёт, ему обязательно скажут:

– Да куда ты идёшь за семь вёрст киселя хлебать! Иди прямиком через Пичугин мост.

Так и стали его называть Сёминой фамилией – Пичугин мост. Когда же ветла прогнила и ходить по ней стало опасно, колхоз настоящий мосток перекинул. Из хороших брёвен. А название мосту осталось прежнее – Пичугин.

Вскоре и этот мост заменили. Стали спрямлять шоссейную дорогу. Прошла дорога через речку Быстрянку, по той самой короткой тропинке, по которой ребята бегали в школу.

Большой мост возвели. С чугунными перилами. Такому можно было дать громкое название. Бетонный, скажем… Или какое-нибудь ещё. А его все по-старому называют – Пичугин мост. И никому даже в голову не приходит, что этот мост можно назвать как-то по-другому.

Вот оно как в жизни случается.

Михаил Михайлович Пришвин (1873–1954)

Михаил Пришвин родился в купеческой семье (отец умер, когда мальчику было семь лет). Окончив сельскую школу, будущий писатель поступил в Елецкую классическую гимназию, однако не закончил её, так как был исключён за дерзость учителю. После этого Пришвин переезжает к дяде в Тюмень, где и заканчивает шесть классов Тюменского реального училища. С 1983 года Пришвин – студент химико-агрономического отделения Рижского политехникума.

Во время Первой мировой войны писатель идёт на фронт в качестве санитара и военного корреспондента. После Октябрьской революции совмещает краеведческую работу с работой агронома и учителя – преподаёт в бывшей Елецкой гимназии, из которой был исключён в детстве, и в школе второй ступени в селе Алексино Дорогобужского района. Кроме того, служит инструктором народного образования, организовывает музей усадебного быта в бывшем имении Барышникова, принимает участие в организации музея в городе Дорогобуже.

Берестяная трубочка

Я нашёл удивительную берестяную трубочку. Когда человек вырежет себе кусок бересты на берёзе, остальная береста около пореза начинает свёртываться в трубочку. Трубочка высохнет, туго свернётся. Их бывает на берёзах так много, что и внимания не обращаешь.

Но сегодня мне захотелось посмотреть, нет ли чего в такой трубочке.

И вот в первой же трубочке я нашёл хороший орех, так плотно прихваченный, что с трудом удалось палочкой его вытолкнуть.

Вокруг берёзы не было орешника. Как же он туда попал?

«Наверно, белка его туда спрятала, делая зимние свои запасы, – подумал я. – Она знала, что трубка будет всё плотнее и плотнее свёртываться и всё крепче прихватывать орех, чтоб не выпал».

Но после я догадался, что это не белка, а птица ореховка воткнула орех, может быть украв из гнезда белки.

Разглядывая свою берестяную трубочку, я сделал ещё одно открытие: под прикрытием ореха поселился – кто бы мог подумать? – паучишка и всю внутренность трубочки затянул своей паутинкой.

Ёж

Раз шёл я по берегу нашего ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, свернулся и затукал: тук-тук-тук. Очень похоже было, как если бы вдали шёл автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога – он страшно фыркнул и поддал своими иголками в сапог.

– А, ты так со мной! – сказал я и кончиком сапога спихнул его в ручей. Мгновенно ёж развернулся в воде и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, скатил ею ежа в свою шляпу и понёс домой.

Мышей у меня было много. Я слышал – ёжик их ловит и решил: пусть он живёт у меня и ловит мышей.

Так положил я этот колючий комок посреди пола и сел писать, а сам уголком глаза всё смотрю на ежа. Недолго он лежал неподвижно: как только я затих у стола, ёжик развернулся, огляделся, туда попробовал идти, сюда, выбрал себе наконец место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажёг лампу, и – здравствуйте! – ёжик выбежал из-под кровати. Он, конечно, подумал на лампу, что это луна взошла в лесу: при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. И так он пустился бегать по комнате, представляя, что это лесная полянка. <…>

Стало совсем как в лесу: и луна, и облако, а ноги мои были как стволы деревьев и, наверно, очень нравились ёжику: он так и шнырял между ними, понюхивая и почёсывая иголками задники моих сапог.

Прочитав газету, я уронил её на пол, перешёл на кровать и уснул. Сплю я всегда очень чутко. Слышу – какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажёг свечку и только заметил, как ёж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посредине комнаты. Так я и оставил гореть свечу и сам не сплю, раздумывая: «Зачем это ёжику газета понадобилась?» Скоро мой жилец выбежал из-под кровати – и прямо к газете; завертелся возле неё, шумел, шумел и наконец ухитрился: надел себе как-то на колючки уголок газеты и потащил её, огромную, в угол.

Тут я и понял его: газета ему была как в лесу сухая листва, он тащил её себе для гнезда. И оказалось, правда: в скором времени ёж весь обернулся газетой и сделал себе из неё настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу-луну.

Я спрашиваю:

– Что тебе ещё надо?

Ёжик не испугался.

– Пить хочешь?

Я встал. Ёжик не бежит.

Взял я тарелку, поставил на пол, принёс ведро с водой, и то налью воды в тарелку, то опять вылью в ведро, и так шумлю, будто это ручеёк подплёскивает.

– Ну, иди, иди, – говорю. – Видишь, я для тебя и луну устроил, <…> и вот тебе вода.

Смотрю: будто двинулся вперёд. А я тоже немного подвинул к нему своё озеро. Он двинется – и я двину, да так и сошлись.

– Пей, – говорю окончательно.

Он залакал. А я так легонько по колючкам рукой провёл, будто погладил, и всё приговариваю:

– Хороший ты малый, хороший!

Напился ёж, я говорю:

– Давай спать.

Лёг и задул свечу. Вот не знаю, сколько я спал, слышу: опять у меня в комнате работа. Зажигаю свечу – и что же вы думаете? Ёжик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, сложил его там и за другим бежит в угол, а в углу стоял мешок с яблоками и завалился. Вот ёж подбежал, свернулся около яблок, дёрнулся и опять бежит – на колючках другое яблоко тащит в гнездо.

Так вот и устроился у меня жить ёжик. А сейчас я, как чай пить, непременно его к себе на стол и то молока ему налью в блюдечко – выпьет, то булочки дам – съест.

Ребята и утята

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро на свободу. Весной это озеро далеко разливалось и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотистом лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы и ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд. Вот тут и увидели ребята и зашвыряли шапками. Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении. Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

– Что вы будете делать с утятами? – строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

– Пустим.

– Вот то-то «пустим»! – сказал я очень сердито. – Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

– А вон сидит! – хором ответили ребята. И указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

– Живо, – приказал я ребятам, – идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже и обрадовались моему приказанию, прямо и побежали с утятами на холм. Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята – пять штук, и так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шапку и, помахав ею, крикнул:

– Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

– Что вы смеётесь, глупыши? – сказал я ребятам. – Думаете, так-то легко попасть утятам в озеро? Снимайте живо все шапки, кричите «до свиданья»!

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух, все разом закричали ребята:

– До свиданья, утята!

Лисичкин хлеб

Однажды я проходил в лесу целый день и под вечер вернулся домой с богатой добычей. Снял я с плеч тяжёлую сумку и стал своё добро выкладывать на стол.

– Это что за птица? – спросила Зиночка.

– Терентий, – ответил я.

И рассказал ей про тетерева: как он живёт в лесу, как бормочет весной, как берёзовые почки клюёт, ягодки осенью в болотах собирает, зимой греется от ветра под снегом. Рассказал ей тоже про рябчика, показал ей, что серенький, с хохолком, и посвистел в дудочку по-рябчиному и ей дал посвистеть. Ещё я высыпал на стол много белых грибов, и красных, и чёрных. Ещё у меня была в кармане кровавая ягода костяника, и голубая черника, и красная брусника. Ещё я принёс с собой ароматный комочек сосновой смолы, дал понюхать девочке и сказал, что этой смолкой деревья лечатся.

– Кто же их там лечит? – спросила Зиночка.

– Сами лечатся, – ответил я. – Придёт, бывает, охотник, захочется ему отдохнуть, он и воткнёт топор в дерево и на топор сумку повесит, а сам ляжет под деревом. Поспит, отдохнёт. Вынет из дерева топор, сумку наденет, уйдёт. А из ранки от топора из дерева побежит эта ароматная смолка и ранку эту затянет.

Тоже, нарочно для Зиночки, принёс я разных чудесных трав по листику, по корешку, по цветочку: кукушкины слёзки, валерьянка, петров крест, заячья капуста. И как раз под заячьей капустой лежал у меня кусок чёрного хлеба: со мной это постоянно бывает, что, когда не возьму хлеба в лес – голодно, а возьму – забуду съесть и назад принесу.

А Зиночка, когда увидала у меня под заячьей капустой чёрный хлеб, так и обомлела:

– Откуда же это в лесу взялся хлеб?

– Что же тут удивительного? Ведь есть же там капуста…

– Заячья…

– А хлеб – лисичкин. Отведай.

Осторожно попробовала и начала есть.

– Хороший лисичкин хлеб.

И съела весь мой чёрный хлеб дочиста. Так и пошло у нас. Зиночка, копуля такая, часто и белый-то хлеб не берёт, а как я из лесу лисичкин хлеб принесу, съест всегда его весь и похвалит:

– Лисичкин хлеб куда лучше нашего!

Георгий Алексеевич Скребицкий (1903–1964)

Георгий Скребицкий родился в 1903 году в Москве. Его детские годы прошли в провинциальном городке Чернь Тульской губернии. В семье, где рос мальчик, очень любили природу. В 1921 году Скребицкий заканчивает Чернскую школу 2-й ступени и едет учиться в Москву, где в 1925 году заканчивает литературное отделение в Институте слова. Затем поступает в Московский Высший лесотехнический институт. Таким образом в одном человеке объединились две любимые профессии.

Книги писателя-натуралиста всегда пользовались большой популярностью и в нашей, и во многих зарубежных странах, были переведены на многие иностранные языки – болгарский, немецкий, албанский, венгерский, словацкий, чешский, польский и другие.

Передышка

I

От деревни до ближайшего леса дорога шла через широкое поле. Идёшь по нему в летний день – солнце печёт, жара. Кажется, конца-краю нет этому полю.

Но как раз на половине пути, у самой дороги, росла зелёная развесистая берёза.

Кто бы из леса в деревню или обратно ни шёл, обязательно сядет и отдохнёт в прохладной тени под старым деревом.

И так это славно бывало: кругом всё поле даже блестит от солнца, а под густой берёзой свежо, прохладно. Над головой зелёные листья шумят, будто зовут присесть и передохнуть немножко.

Вот и прозвали эту берёзу местные жители «Передышкой».

Ранней весной только пригреет получше солнце, а Передышка уже зазеленела, стоит среди поля нарядная, сплошь усыпанная клейкими молодыми листочками.

А осенью Передышка становилась вся жёлтая. Подует ветер, и полетят золотые листья.

Целые стаи перелётных птиц садились передохнуть на берёзу.

И так уж, бывало, заведено, из года в год, много лет: человек ли идёт из леса в деревню, птица ли откуда-то издали прилетит – для всех берёза посреди поля служит местом отдыха.

Но вот однажды осенью возвращались ребята домой с вязанками хвороста. Дошли они до берёзки и, как полагается, отдохнуть уселись.

Кругом по-осеннему неприютно: поле пустое, серое, давно уже с него хлеб убрали, только сухое жнивьё жёсткой колючей щёткой торчит. А у самой дороги картофельные гряды темнеют. Ботва на них почернела, дожди да ветры прибили её к самой земле.

Посидели ребята немного под деревом, а потом кто-то из них предложил: «Давайте костёр разведём, погреемся и картошку в золе испечём».

Сказано – сделано.

Наломали сухих палочек из хвороста, стали костёр разводить, а он не горит: ветром огонь задувает.

– Постойте! – кричит один мальчуган. – Тащите-ка сучья к берёзе. Вон у самых корней будто печурка, там уж костёр не задует.

Так и устроили.

С тех пор ребята приладились между корнями берёзы костёр разводить, картошку печь. И огонь разжигать было очень удобно: надерут коры с той же берёзы, она жарко горит, в один миг костёр разгорается.

Всю кору с дерева поободрали. А между корнями выжгли

большую чёрную дырку – настоящую печь.

II

Наступила зима. Ребята перестали ходить в лес.

Всё кругом: и поля, и леса – засыпал снег. Посреди белого поля виднелась одна только берёза. Её ветви обледенели, покрылись инеем. И когда утром солнце вставало, берёза казалась нежно-розовой, будто нарисованной тонкой кистью на синем фоне морозного неба. Только внизу, у самых корней, по-прежнему чернела обугленная дыра. Но и она теперь не очень была заметна – снаружи её слегка припорошил снег.

Но вот и зима прошла. Потекли ручьи. Запестрели в поле проталины, всё кругом зацвело, зазеленело.

И только одна Передышка в эту весну не покрылась зелёной листвой. Она стояла голая, потемневшая. Ветер обломал у неё сухие ветви и оставил лишь крючковатые толстые сучья.

«Засохла наша берёзка, не будет теперь Передышки», – говорили в деревне.

А потом однажды приехали на дрогах люди с топором и пилою, свалили сухое дерево и увезли на дрова.

Остался от Передышки один только пень, а внизу под ним – чёрная обугленная дыра.

III

Шёл как-то лесник из деревни к себе в сторожку, и ребята с ним тоже пошли в лес по ягоды. Дошли до середины поля. Жарко, а укрыться от солнца негде, один пень у дороги торчит.

Поглядел на него лесник, рукой махнул.

– У кого же это, – говорит, – хватило совести Передышку сгубить? Выжгли дыру у самых корней да ещё всю кору со ствола ободрали…

Стыдно стало ребятам. Вот ведь они что по незнанию наделали. Переглянулись между собой и рассказали обо всём леснику.

Тот покачал головой.

– Ну, – говорит, – что было, того не воротишь, а теперь надо вашу вину исправлять.

Ребята обрадовались. Только как же её исправить?

– А вот как, – сказал старик. – Осенью приходите ко мне в сторожку. Выкопаем мы молодых кустов да берёзок, всю дорогу

ими обсадим.

Так и решили. Было это лет десять назад.

А теперь от деревни до леса вся дорога деревьями и кустами обсажена. А посредине пути торчит старый широкий пень.

В этом месте по-прежнему все садятся передохнуть. Сидят кто на пне, а кто просто так, на земле, под тенью густых молодых берёзок. И это место зовётся по-прежнему – Передышка.

Николай Иванович Сладков (1920–1996)

Николай Иванович Сладков родился в 1920 году в Москве, но всю жизнь прожил в Ленинграде, в Царском Селе. Здесь, неподалёку от его дома, было много старых лесопарков. С детства он любил природу и очень ею интересовался. Со второго класса начал вести дневники, куда записывал свои первые впечатления и наблюдения. С Виталием Валентиновичем Бианки – замечательным писателем, ставшим его учителем, другом и единомышленником – он познакомился, будучи юннатом. Вместе с Бианки он много лет готовил радиопередачу «Вести из леса», отвечал на многочисленные письма слушателей.

Всему своё время

Надоела зима Сороке. Вот бы лето сейчас!

– Эй, Свиристель, ты бы лету обрадовался?

– Спрашиваешь ещё? – Свиристель отвечает. – Перебиваюсь с рябины на калину, оскомина на языке!

А Сорока уже Косача спрашивает. Жалуется и Косач:

– Сплю в снегу, на обед одна каша берёзовая! Брови красные – отморозил!

Сорока к Медведю стучится: как, мол, зиму зимуешь?

– Так себе! – Миша ворчит. – С боку на бок. На правом боку лежу – малина мерещится, на левом – мёд липовый.

– Понятно! – Сорока стрекочет. – Всем зима надоела! Чтоб ты, зима, провалилась!

И зима провалилась…

Ахнуть не успели – лето вокруг! Теплынь, цветы, листья. Веселись, лесной народ!

А лесной народ закручинился…

– Растерялся я что-то, Сорока! – Свиристель говорит. – В какое ты меня поставила положение? Я к вам с севера по рябину примчался, а у вас листья одни. С другой стороны, я летом на севере должен быть, а я тут торчу! Голова кругом. И есть нечего…

– Натворила Сорока дел! – шипит сердито Косач. – Что за

чушь? Куда весну подевала? Весной я песни пою и танцы танцую. Самое развесёлое времечко! А летом только линять, перья терять. Что за чушь?

– Так вы же сами о лете мечтали! – вскрикивала Сорока.

– Мало ли что! – Медведь говорит. – Мечтали мы о лете с мёдом да с малиной. А где они, если ты через весну перепрыгнула? Ни малина, ни липа зацвести не успели, – стало быть, ни малины, ни мёда липового не будет! Поворачивайся хвостом – я его тебе сейчас выщиплю!

Ух как рассердилась Сорока! Вильнула, подпрыгнула, на ёлку взлетела и крикнула:

– Провалитесь вы вместе с летом!

И провалилось нежданное лето. И снова в лесу зима. Снова Свиристель рябину клюёт… Но терпят. Настоящую весну ждут.

Почему год круглый

– Потому год круглый, – сказало Солнце, – что Земля вокруг меня мчится по кругу. Как полный круг сделает, так и год.

– И совсем не потому! – проскрипел Дуб. – Год потому круглый, что за год на всех деревьях годовое кольцо нарастает. Как год, так новое кольцо. А кольцо – тоже круг!

– Нет, друзья, – прошептала Ёлка, – ведь всем известно, что мы, ёлки, круглый год зелёные. А как же мы могли бы быть зелёными, если бы год-то не был круглым.

Хитрющий зайчишка

В жизни не видал такого хитрого зайца!

Да и что сказать: не будь он так хитёр, давно бы попал орлу в когти или кому – нибудь из хищных зверей в зубы.

Лисиц, волков, рысей здесь множество, и они переловили всех зайцев на этом склоне горы. Остался один – Рваные Ушки.

Уши нарвал ему беркут – горный орёл – за неосторожность. С тех пор зайчишка и стал таким умным.

Беркут был молодой, неопытный. Старый орёл падает прямо на спину зайцу и ломает ему хребет. Молодой догонял зайчишку – и проловил. Вцепился когтями в длинные заячьи уши.

Заяц на бегу вырвал свои уши из страшных орлиных когтей и – шмыг под камни.

Эти камни на склоне лежали грядкой, образуя собой как бы длинную трубу или нору: зайчишке под ней есть где пролезть, а лисе или орлу – никак.

Беркут сел перед входом, сунул в нору шею, а крылья его не пускают. Пришлось отказаться от добычи. Улетел другого зайца ловить – поглупее.

Зайцы не устраивают себе постоянных логовищ, как кролики. Кормятся они ночью.

Начнёт светать – заяц поскачет, след свой запетляет, запутает, махнёт с него в сторону и заляжет на весь день где – нибудь под камнем или кустиком.

Да не спасли эти хитрости, давно известные всем любителям зайчатины, других зайцев на этом открытом, безлесном склоне горы. Уцелел, говорю, один этот хитрющий зайчишка.

А почему уцелел? Потому что, вопреки всем заячьим обычаям, избрал себе постоянным логовом вот эту самую гряду камней, которая спасла его уже однажды от молодого беркута.

Не раз с тех пор охотились за ним и старые, опытные беркуты. Но зайчишка не отходил далеко от своих камней.

Нырк! – и спрятался под ними.

Пробовали ловить его и волки. Да куда им – таким здоровым – то – подлезть под камни. В кровь себе горбину стёрли, а пришлось отступиться.

Пробовала ловить его и страшная рысь – большая пятнистая кошка с маленькой головой и гибким, как у змеи, телом. Во все дыры между камнями совала свой нос. Всюду под камнями вкусно пахло зайчатиной, но ни раздвинуть камни, ни проскользнуть между ними она не могла.

На беду заячью, жили на той горе, как уже сказано, и лисицы.

Уж лисицы – то – самые хитрые звери и зайцев ловить – великие мастера.

Зиму зайчишка Рваные Ушки перезимовал у себя в камнях благополучно.

А весной, как стаял снег, увидали его лисицы: лис и лиска. Они в эту пору года дружно живут, детей выводят. Ну и, конечно, взялись за него вдвоём.

Зайчишка лежал на склоне – пузечко на солнце грел. А сам по сторонам косился: не грозит ли откуда опасность?

Лис к нему ну подкрадываться на согнутых лапках. Да не тут – то было!

Заметил зайчишка, вскочил… Лис за ним как кинется!

А Рваные Ушки прыг, скок – и дома.

Лис стал у входа в зайчишкину нору и ждёт.

Рваные Ушки так делал: уйдёт тот, кто его ловит, – он подождёт немножко и выйдет наружу. Тут – то лис его и хотел схватить.

Но Рваные Ушки так испугался лиса, что пробежал всю

длинную трубу, всю свою нору под камнями и выскочил с другой стороны каменной гряды. Так он не раз спасался от волков и рыси. Для них хороша была эта хитрость, а вот для лисиц – не очень – то!

Лис только ещё начал подкрадываться к зайчишке, а лиска уже со всех ног бежала к другому концу каменной гряды. Прибежала и стоит у выхода из норы, караулит.

Зайчишке с его умишком где уж про такое догадаться! Он и выскочил из норы – прямо на лиску!

Лиска в это время уже облизывалась: мечтала, как сейчас сладкой зайчатинкой полакомится.

И хорошо, что облизывалась: не успела она язык убрать, зайчишка верть налево кругом – и нырк назад в нору!

Тявкнула лиска с досады, а ничего не поделаешь: сама виновата. Остаётся только теперь обоим охотникам – лису и лиске – спрятаться и терпеливо дожидаться, когда зайчишка с той или другой стороны каменной гряды выскочит. Правильную осаду держать.

Вот и сидят лисицы: лис – у входа, лиска – у выхода; ждут.

А зайчишка Рваные Ушки, не будь глуп, взял да высунул голову из дырки между камнями посередине гряды. Поглядел он в одну сторону – там лис караулит, за камень прячется. Поглядел в другую – там лиска за кустом сидит, караулит.

Видят и лисицы: высунутся вдруг посреди гряды длинные заячьи уши с чёрным пятнышком на конце, крутнёт ими заяц в одну сторону, крутнёт в другую – и опять уши спрячутся.

Поняли: надо снимать осаду. Видно, там у зайчишки между камнями трава растёт. Закусывает он ею. Его и измором не возьмёшь.

И ушли лисицы восвояси.

Вот до чего хитрющий зайчишка: двух лисиц провёл и цел остался!

Свиристели

Сидели свиристели и – свиристели. Как же не свиристеть, если они свиристели! Кряква крякает, кукушка кукует, а свиристель – свиристит. Приятной такой серебристой трелькой.

И на вид свиристели приятные: дымчато-розоватые, с острым хохолком, с красными и жёлтыми крапинами на крыльях. Красивые, доверчивые и… загадочные!

Гнездятся где-то в тайге, мало кто видел их гнёзда. К нам прилетают только на зиму, клюют рябину в садах и парках. И тогда такие они, свиристели, доверчивые, что сразу всем ясно:

там, где они гнездились, людей не видели. И не научились бояться их.

…И не будем их к этому приучать!

Поэзия

Яков Лазаревич Аким (1923–2013)

Яков Лазаревич Аким родился 15 декабря 1923 года в городе Галич. Это маленький городок недалеко от Костромы. Когда Акиму было 10 лет, семья переехала в Москву. В мае 1941 году Яков Аким окончил девятый класс и поехал вожатым в пионерский лагерь, где его и застала война. Осенью следующего года, после учёбы в военной школе связистов, он ушёл на фронт.

Писать стихи Яков Аким начал уже после войны, когда родилась дочка. Его активно поддержал Самуил Маршак. В 1950 году Аким начинает печататься в детских журналах «Пионер», «Мурзилка», «Дружные ребята».

Жадина

Кто держит
Конфету свою
В кулаке,
Чтоб съесть её
Тайно от всех
В уголке;
Кто, выйдя во двор,
Никому из соседей
Не даст
Прокатиться
На велосипеде;

Кто мелом,
Резинкой,
Любою безделицей
В классе
Ни с кем
Ни за что
Не поделится —
Имя тому
Подходящее дадено,
Даже не имя,
А прозвище
ЖАДИНА!

Жадину
Я ни о чём
Не прошу.
В гости я
Жадину
Не приглашу.

Не выйдет из жадины
Друга хорошего,
Даже приятелем
Не назовёшь его.

Поэтому —
Честно, ребята, скажу —
С жадинами
Я никогда

Не дружу!

Неумейка

Слыхали?
Сегодня
В подъезде
Восьмом
Ходил почтальон
С необычным
Письмом.
Конверт
Как конверт,
А на нём
По линейке
Написано чётко:
ВРУЧИТЬ НЕУМЕЙКЕ.
На первый этаж
Письмоносец
Зашёл,
Увидел, как Вову
Сажали
За стол.
Со сказкою
Вове
Вливали бульон.

– Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.
За ложку
Схватился
Испуганный
Вова.
А мама ответила:
– Нету такого!
В квартире
Над ними
Жил мальчик
Андрюшка.
По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.
Услышав про адрес,
Смутился
Андрейка:
– Не думайте, дядя,
Что я – Неумейка!
Я, дядя,
Ещё не окончил
Игру.
Вот выстрою
Домик —
И всё уберу.
Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.
Сестрёнка ему
Надевала
Чулок,
А Слава скучал
И глядел
В потолок.
Сказал почтальон:
– Неплохая семейка!
Не здесь ли живёт
Гражданин
Неумейка?
Но Слава,

Услышав
Обидное слово,
Чулок натянул
И воскликнул:
– Да что вы!
Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это —
Ну… просто
Сестрёнку учу.
Идёт письмоносец
В другую
Квартиру —
И видит
На кухне
Такую картину:
Тарелки
Помыты
И сложены в груду,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.
Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
– Беда!
Простите,
Я снова
Попал не туда.
Спустился
Во двор
Письмоносец
И вскоре
Чуть-чуть не упал
На трёхлетнего
Борю —
Цветы
Поливал он
Из маленькой
Лейки.
И здесь
Не нашёл
Почтальон
Неумейки!
Присел

Почтальон
Отдохнуть
И опять
Отправился в путь
Неумейку искать.
…Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?
Два слова
В конверте
Письма заказного:

ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ! —
Обидных два слова.
И я вас прошу:
Постарайтесь,
Ребята,
Чтоб это письмо
Не нашло адресата.

Митины каникулы

Тише,
Не шумите!
Каникулы
У Мити!
Никто его не будит,
Никто не подтолкнёт.
– Пусть, – сказала бабушка, —
Ребёнок отдохнёт.

Около двенадцати
Без лишней канители
Митя, неумытый,
Позавтракал
В постели.
С кровати перегнувшись,
Как в лодке
Через борт,
Достал он с пола
Книжку

Про горнолыжный
Спорт.
Перелистал картинки,
Зевнул,
Ещё зевнул
И как-то незаметно
За книгою
Уснул.

Тише,
Не шумите!
Каникулы
У Мити!
На улице стемнело.
Зажгли в квартире свет.
– Митя, – шепчет бабушка, —
Проснись, дружок, обед!

Глаза продрал
Наш Митя,
Оделся, сел за стол
И говорит:
– Смотрите,
Когда же день прошёл?

…Друзья,
С такого Мити
Примера

Не берите!

В школу

Сегодня
Маленький народ
Встречает новый
Школьный год.
С утра по тротуарам,
По улице любой
Идут ребята
Парами,
Цепочкою,
Гурьбой.

Кто тащит
На занятия
Приёмник-самоделку,
Кто бабочек
Засушенных,
А кто – живую белку.

Вот с братом-первоклассником
Сестра шагает рядом.
Девочке поручено
Смотреть
За младшим братом.

Да он и сам
Ещё не раз
К своей сестрёнке
В пятый класс
Заглянет непременно
В большую перемену!

…Идут гурьбою
Школьники
С портфелями в руках,
Не тронуты тетрадки,
Чисто в дневниках.

Они к звонку торопятся
И весело галдят.
А взрослые
Из окон
С улыбкою глядят.

У нас в почёте
Всякий труд —
Трудиться
Школьники

Идут!

«Я маленьким был…»

Я маленьким был,

Хотя и давно.
Помню, как с мамой
Ходил в кино,
Как во дворе
Мы играли в прятки,
Как лошадей рисовал
В тетрадке.
Помню пожар
На соседнем углу,
Помню, как дворник
Искал метлу.

Но как я ревел,
Приходя к врачу,
Не помню.
И вспоминать не хочу.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)

Константин Дмитриевич Бальмонт родился 3 (15) июня 1867 года в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии. Отец выслужился до председателя уездной земской управы. Мать была образованной женщиной, она и ввела сына в мир музыки, словесности, истории.

В 1876 году Бальмонт поступил в подготовительный класс Шуйской гимназии. Сначала мальчик делал успехи, но вскоре ученье ему наскучило, и успеваемость снизилась, зато проснулась любовь к чтению. Французские и немецкие произведения он читал в подлиннике. Под впечатлением от прочитанного он в возрасте десяти лет сам начал писать стихи. Продолжил своё образование во Владимирской гимназии, затем в Москве в университете и Демидовском лицее в Ярославле. В 1887 году за участие в студенческих волнениях был исключён из Московского университета и сослан в Шую. Высшего образования так и не получил, но благодаря своему трудолюбию и любознательности стал одним из самых эрудированных и культурных людей своего времени. Бальмонт ежегодно прочитывал огромное количество книг, изучил, по разным сведениям, от 14 до 16 языков, кроме литературы и искусства увлекался историей, этнографией, химией.

К зиме

Лес совсем уж стал сквозистый,
Редки в нём листы.
Скоро будет снег пушистый
Падать с высоты.
Опушит нам окна наши,
В детской и везде.
Загорятся звёзды краше,
Лёд прильнёт к воде.
На коньках начнём кататься
Мы на звонком льду.
Будет смех наш раздаваться
В парке на пруду.
А в затишье комнат – прятки,
В чёт и нечет – счёт.
А потом настанут Святки,
Снова Новый год.

Осень

Поспевает брусника,
Стали дни холоднее.
И от птичьего крика
В сердце только грустнее.

Стаи птиц улетают
Прочь, за синее море.
Все деревья блистают
В разноцветном уборе.

Солнце реже смеётся,
Нет в цветках благовонья.
Скоро осень проснётся

И заплачет спросонья.

Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998)

Валентин Дмитриевич Берестов родился 1 апреля 1928 года в городе Мещовске Калужской области в семье учителя. Читать будущий поэт научился в четыре года. Стихи он писал с детства. Во время войны, в эвакуации в Ташкенте, познакомился с К.И. Чуковским и А.А. Ахматовой, которые поддержали его увлечение

литературой и сочинительством.

Прежде чем стать писателем, Берестов окончил исторический факультет МГУ, затем аспирантуру. Став археологом, много бывал в экспедициях.

Перед первым сентября

Часовщик хороший, миленький,
Почини ты нам будильники!
Тот, кто принят в первый класс,
Должен знать, который час.

Первое сентября

Нежарким солнышком согреты,
Леса ещё листвой одеты.
У первоклассников букеты.
День хоть и грустный, но весёлый.
Грустишь ты:
– До свиданья, лето!
И радуешься:
– Здравствуй, школа!

В школу

Под столбом лежит ледышка.
У ледышки передышка.
Подойду к столбу и там
Вновь ледышку наподдам.
И она опять умчится.
Это я иду учиться!

Читалочка

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
– Прочти, пожалуйста, прочти!
Не надо умолять сестрицу:
– Ну, почитай ещё страницу!

Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И прочитать!

Петушки

Петушки распетушились,
Но подраться не решились.
Если очень петушиться,
Можно пёрышек лишиться.
Если пёрышек лишиться,
Нечем будет петушиться.

Где право, где лево

Стоял ученик
На развилке дорог,
Где право,
Где лево,
Понять он не мог.
Но вдруг ученик
В голове почесал
Той самой рукою,
Которой писал,
И мячик кидал,
И страницы листал,
И ложку держал,
И полы подметал.
– Победа! – раздался
Ликующий крик:
Где право,
Где лево,
Узнал ученик.

Заяц-барабанщик

За уши зайца
Несут к барабану.
Заяц ворчит:

– Барабанить не стану!
Нет настроения,
Нет обстановки,
Нет подготовки,
Не вижу морковки.

Александр Александрович Блок (1880–1921)

Александр Блок родился 16 ноября 1880 года в Санкт-Петербурге. В девять лет будущего поэта отдали в гимназию. В младших классах у него не было друзей, в старших он сдружился с двумя одноклассниками – Гуном и Виктором Греком. В 1898 году окончил гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета. Через три года перевёлся на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, которое окончил в 1906 году.

Первые стихи Блок написал в пять лет. А в 10 лет Александр Блок написал два номера журнала «Корабль». С 1894-го по 1897 год он вместе с братьями выпускал рукописный журнал «Вестник». В 16 лет Блок увлёкся театром. В Петербурге он записался в театральный кружок. Однако после первого успеха ролей в театре ему больше не давали.

Ветхая избушка

Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.
Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег…
Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются
Голоса кругом…
В снежном доме будет
Резвая игра…
Пальчики застудят, —
По домам пора!
Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна —

Ан уж дом растаял,
На дворе – весна!

Ворона

Вот ворона на крыше покатой
Так с зимы и осталась лохматой…
А уж в воздухе – вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны…
Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:
Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой
Прошлогодние мокрые стружки…
Это всё у вороны – игрушки,
И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

Зайчик

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки…
Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На жёлтые листочки.
Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.
Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть…
Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать…
Только б потеплее,

Только бы посуше…
Очень неприятно
По воде ступать.

На лугу

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.
Весна идёт сторонкой,
Да где ж она сама?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна…

Снег да снег

Снег да снег. Всю избу занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только чёрные, чёрные стены…

И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вот в окошке сидят с самоваром;

Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюдце;
Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.

Притаились, ребята, глядят,
Как играет с котятами кошка…
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в лукошко…

Прочь от дома на снежный простор
На салазках они покатили.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмёт, вот ухватит в охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

Юрий Владимирский (1909–1931)

Юрий Владимирский (настоящее имя – Юрий Дмитриевич Владимиров) родился в 1909 году в петербургской дворянской семье. Его первая книга «Ниночкины покупки» была издана в 1928 году. Поэт дружил и работал с Д. Хармсом, Л. Пантелеевым. При жизни опубликовал ещё шесть книг для детей. Два сборника изданы посмертно. Владимирский умер от туберкулёза в возрасте двадцати двух лет.

Чудаки

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков:
Один пятак – на кушак,
Другой пятак – на колпак,
А третий пятак – так.
По пути на базар чудаки
Перепутали все пятаки:
Который пятак – на кушак,
Который пятак – на колпак,
А который пятак – так.
Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки.
– Извините, но с нами беда:
Мы забыли – который – куда:
Который пятак – на кушак,
Который пятак – на колпак,

А который пятак – так.

Ниночкины покупки

Мама сказала Нине:
– Нина, купи в магазине:
Фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги – вот.
Нина сказала:
– Несусь!
Бежит и твердит наизусть:
– Фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги в кармане – вот.
Народу в лавке масса,
Большая очередь в кассе,
Перед Ниной – шесть человек,
А Нине нужен чек
На фунт мяса,
Бутылку кваса,
Сахарный песок,
Спичечный коробок,
Масло и компот.
Деньги – вот.
Наконец очередь Нинки.
Нина твердит без запинки:
– Дайте фунт кваса,
Бутылку мяса,
Спичечный песок,
Сахарный коробок,
Масло и компот.
Деньги – вот.
Кассир говорит в ответ:
– Такого, простите, нет!
Как же вам взвесить квасу,
Не лезет в бутылку мясо…

На масло и компот
Чек – вот!
А про сахарный коробок
И спичечный песок
Никогда не слыхал я лично, —
Верно, товар заграничный…

Сергей Александрович Есенин (1895–1925)

Великий русский поэт Сергей Александрович Есенин родился в селе Константинове Рязанской губернии. Вскоре отец Есенина уехал в Москву, устроился работать там приказчиком, поэтому Есенина отдали на воспитание в семью деда по матери. У деда было трое взрослых неженатых сыновей. Сергей Есенин позже вспоминал: «Мои дяди были озорными братьями. Когда мне было три с половиной года, они посадили меня на лошадь без седла и пустили в галоп. Ещё меня учили плавать: сажали в лодку, плыли на середину озера и бросали в воду. Когда мне исполнилось восемь лет, я заменял одному своему дяде охотничью собаку, плавал по воде за подстреленными утками».

«Поёт зима – аукает…»

Поёт зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далёкую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с рёвом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится всё сильней.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мёрзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

Берёза

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки

Новым серебром.

Черёмуха

Черёмуха душистая
С весною расцвела
И ветки золотистые,
Что кудри, завила.
Кругом роса медвяная
Сползает по коре,
Под нею зелень пряная
Сияет в серебре.
А рядом, у проталинки,

В траве, между корней,
Бежит, струится маленький
Серебряный ручей.
Черёмуха душистая
Развесившись, стоит,
А зелень золотистая
На солнышке горит.
Ручей волной гремучею
Все ветки обдаёт
И вкрадчиво под кручею
Ей песенки поёт.

«Заметает пурга…»

Заметает пурга
Белый путь,
Хочет в мягких снегах
Потонуть.

Ветер резвый уснул
На пути;
Ни проехать в лесу,
Ни пройти.

Забежала коляда[36]
На село,
В руки белые взяла
Помело.

Гей вы, нелюди-люди,
Народ,
Выходите с дороги
Вперёд!

Испугалась пурга
На снегах,
Побежала скорей
На луга.

Ветер тоже спросонок
Вскочил
Да и шапку с кудрей
Уронил.

Утром ворон к берёзыньке
Стук…
И повесил ту шапку
На сук.

Юрий Иосифович Коринец (1923–1989)

Родился 14 января 1923 года в семье юриста и дипломата Иосифа Коринца и немки Эммы Нагель. Учился в спецшколе с углублённым изучением немецкого языка. Во время Великой Отечественной войны был призван на фронт. В 1948 году окончил Ташкентское художественное училище им. П. Бенькова, позже – Литературный институт им. М. Горького. Жил в Москве. Публиковаться начал в 1949 году. Некоторые свои книги иллюстрировал сам.

Лапки

Как у старой бабки
Жили-были лапки.

Встанет бабка утром рано,
Выйдет в погреб за сметаной —

Лапки вслед за ней бегут.
Всюду бабку стерегут.

Сядет бабушка вязать —
Лапки рядом с ней опять:

Схватят бабушкин клубок
И закатят в уголок…
Надоели бабке
Озорные лапки!

Видит бабка – у ворот
Умывают лапки рот.
Стала бабка ждать гостей,
Суп сварила из костей.

Ждёт гостей, а их всё нет.
Стынет бабушкин обед.

Глядь, а лапки из кастрюли
Кость большую утянули.

Вот тебе и лапки!
Нет покоя бабке.
Отчего ж тогда стара
Их не гонит со двора?

Оттого, что ночью лапки
Верно служат старой бабке.
Если лапки ночью вскочат,
Когти острые поточат,

По полу пройдутся —
Все мыши разбегутся!
Нет мышей у бабки.
Вот какие лапки!

Как я искал свой день

Однажды летом —
Чур меня! —
Проснулся я
Средь бела дня.

В уме был вроде здравом,
А левый взял башмак —
Башмак стал сразу правым!
Нет, что-то здесь не так…

Тогда за самоваром
Пошёл я босиком —
Себя за самоваром
Побаловать чайком.

А самовар мне в брюхо
Швыряет горсть углей,
Да как мне рявкнет в ухо:
– В себя воды налей!

И сразу же из дыма
Вверх поползла труба.
Я на пол сел…

Глядь, мимо
Бежит моя изба.

А за избою следом
Бежали свет, и тень,
И завтрак за обедом…
И так удрал весь день.

Остался я во мраке
Один среди двора.
Как вдруг из-под собаки
Полезла конура.

Я сам бежать пустился —
На запад,
На восток…
Но как я ни крутился,
Я дня найти не смог.

Тогда, дождавшись утра,
Я с правой встал ноги.
И сразу очень мудро
Обул я башмаки.

Потом кровать заправил.
Набрал в печи углей.
И самовар поставил,
И стало веселей!

Я чай пил.
Ел варенье.
А дым шёл из трубы.
В хорошем настроенье
Я вышел из избы.

Вставало солнце. Лужи
Сияли во дворе.
И было всё снаружи.
А пёс мой – в конуре.

Он тявкнул голосисто.
И, взяв с собою пса,
Я по тропе росистой
Отправился в леса.

Вернулись мы к обеду.
Я много каши съел.
Потом зашёл к соседу.
Потом работать сел.

Писал до поздней ночи —
Куда девалась лень!
Я много, между прочим,
Успел за этот день.

Отныне я с зарёю встаю —
И только так!
И правою ногою
Влезаю в свой башмак!

Таинственный дом

Этим летом в лесу над прудом
Я набрёл на таинственный дом.

Дом глядел на дорогу с пригорка.
А жила в этом доме семья:
Дед, да бабка, да внук их Егорка,
Да неделю гостил у них я.

В доме странные вещи случались,
Хоть волшебники нам не встречались.

Правда, в подполе мышка жила —
Не она ли колдуньей была?
Да жила ещё кошка Ерошка —
Не она ль колдовала немножко?

Да за печкой сверчок проживал —
Может быть, это он колдовал?

Да корова… Но честное слово —
Не была же колдуньей корова!

А случались там странные вещи:
Оживали железные вещи,
И железные, и деревянные…

Прямо скажем, что случаи странные!

Как-то бабушка вышла с утра
(В поле выгнать корову пора),

А уж двери в сарае не спят,
Так и ходят на петлях, скрипят,
И корова ушла за ворота…
Не иначе хозяйничал кто-то.

Заявляет спросонья Егор:
– Я сарай закрывал на запор.
Дед ответил:
– Молчи, лежебока!
Поздно вечером спал ты глубоко.
Выходил я последним на двор,
Я сарай закрывал на запор.

– Я вставала, сарай запирала! —
Бабка деду сердито сказала.

Не хотелось вступать в этот спор,
Я сарай закрывал на запор:
Было поздно, храпели все в доме,
И корова спала на соломе…

А один раз – вот случай чудной! —
Убежал грузовик заводной.

Обыскали мы вместе с Егором
Дом,
И сад,
И овраг под забором.
Мы искали машину
В кадушке,
В чемодане,
В ботинке,
В подушке,
В огороде,
В лесу,
На крылечке,
А нашли за поленом
На печке!

Не иначе её в уголок
Сам усатый сверчок уволок,
До рассвета на ней прокатался
И, конечно, доволен остался.

Ну, а как вам такое понравится?
На рыбалку решил я отправиться.
Вышел в сени забрать свои удочки —
Нету удочек! Где мои удочки?

– В этом странного нету ничуточки,
Это кошка припрятала удочки:
Просто ей захотелось рыбки, —
Объяснил мне Егор без улыбки.

Да, случались печальные вещи…
А бывали дела и похлеще!

Был у деда в сарае верстак —
Дед был в плотницком деле мастак:
Мастерил он с утра для колхоза
Лодки, лавки, кадушки, колёса.

Как-то вечером – век не забуду! —
Дед спустился тропинкою к пруду,
Встал на кочку, глаза протирает:
По воде матерьял удирает —
Доски дедовы под парусами
Отплывают от берега сами!

А один раз —
Представьте себе! —
Я нашёл свою шляпу
В трубе!

А один раз у нас
Коромысло
За окном на берёзе
Повисло —
В этом вовсе уж не было смысла!

Рядом с нами
Стояли дома,
И вещей в них

Такая же тьма.
Рядом с нами
В одной деревушке
Жили точно такие
Старушки,
И такие же старички,
И такие же точно
Сверчки,
И такие же точно
Мальчишки,
И такие же
Кошки,
И мышки,
И такие же точно
Коровы,
И такие же гости,
Как я.

Но у них не бывало
Такого,
Не случалось такого,
Друзья!

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)

Владимир Маяковский родился в селе Багдади в Грузии в семье лесничего и кубанской казачки. После того, как его отец умер от заражения крови (укололся иголкой, сшивая бумаги), Маяковский терпеть не мог булавок и заколок, эта фобия осталась у него на всю жизнь. После похорон отца Маяковский вместе с матерью и сёстрами переехал в Москву, где поступил в IV класс 5-й классической гимназии, где учился в одном классе с братом Бориса Пастернака Шурой. Во время учёбы он общался со студентами-большевиками. Трижды подвергался арестам, в 1909 году был заключён в одиночную камеру Бутырской тюрьмы. Именно в тюрьме Маяковский начал писать стихи. Выйдя на свободу, Маяковский решает «делать социалистическое искусство».

История Власа – лентяя и лоботряса (в сокращении)

Влас Прогулкин – милый мальчик,
спать ложился, взяв журнальчик.

Всё в журнале интересно.
– Дочитаю весь, хоть тресну! —

Ни отец его, ни мать
не могли заставить спать.

Засыпает на рассвете,
скомкав ёрзаньем кровать,
в час, когда другие дети
бодро начали вставать.

Когда другая детвора
чаёвничает, вставши,
отец орёт ему: – Пора! —
Он – одеяло на́ уши.

Разошлись другие в школы, —
Влас у крана полуголый —
не дремалось в школе чтоб,
моет нос и мочит лоб.

Без чаю и без калача
выходит, еле волочась.
Пошагал и встал разиней:
вывеска на магазине.
Грамота на то и есть!
Надо вывеску прочесть!

Прочёл… Пошёл.
Минуты с три —
опять застрял
у двух витрин.

Как-никак,
а к школьным зданиям
пришёл с огромным опозданьем.

Дверь на ключ.
Толкнулся Влас —
не пускают Власа
в класс!

Этак ждать расчёта нету.

«Сыграну-ка я в монету!»
Проиграв один пятак,
не оставил дела так…

Словом, не заметил сам,
как промчались три часа.
Что же делать – вывод ясен:
возвратился восвояси!

Пришёл в грустях, чтоб видели
соседи и родители.
Те к сыночку:
– Что за вид? —
– Очень голова болит.
Так трещала, что не мог
даже высидеть урок!..

Словом, вырос этот Влас —
настоящий лоботряс…

Дети, не будьте
такими, как Влас!
Радостно книгу возьмите
и – в класс!

Вооружись учебником-книгой!
С детства мозги развивай и двигай!
Помни про школу – только с ней
станешь строителем радостных дней!

Что такое хорошо и что такое плохо?

Крошка сын к отцу пришёл,
и спросила кроха:
– Что такое хорошо
и что такое плохо? —

У меня секретов нет,
– слушайте, детишки, —
папы этого ответ
помещаю в книжке.

– Если ветер крыши рвёт,

если град загрохал, —
каждый знает – это вот
для прогулок плохо.

Дождь покапал и прошёл.
Солнце в целом свете.
Это – очень хорошо
и большим и детям.

Если сын черне́е ночи,
грязь лежит на рожице, —
ясно, это плохо очень
для ребячьей кожицы.

Если мальчик любит мыло
и зубной порошок,
этот мальчик очень милый,
поступает хорошо.

Если бьёт дрянной драчун
слабого мальчишку,
я такого не хочу
даже вставить в книжку.

Этот вот кричит: – Не трожь
тех, кто меньше ростом! —
Этот мальчик так хорош,
загляденье просто!

Если ты порвал подряд
книжицу и мячик,
октябрята говорят:
плоховатый мальчик.

Если мальчик любит труд,
тычет в книжку пальчик,
про такого пишут тут:
он хороший мальчик.

От вороны карапуз
убежал, заохав.
Мальчик этот просто трус.
Это очень плохо.

Этот, хоть и сам с вершок,
спорит с грозной птицей.
Храбрый мальчик, хорошо,
в жизни пригодится.

Этот в грязь полези рад,
что грязна рубаха.
Про такого говорят:
он плохой, неряха.

Этот чистит валенки,
моет сам галоши.
Он хотя и маленький,
но вполне хороший.

Помни это каждый сын.
Знай, любой ребёнок:
вырастет из сына свин,
если сын – свинёнок.

Мальчик радостный пошёл,
и решила кроха:
«Буду делать хорошо,
и не буду – плохо».

Эмма Эфраимовна Мошковская (1926–1981)

Эмма Эфраимовна Мошковская родилась 15 апреля 1926 года. Окончила музыкально-педагогическое училище имени Гнесиных, работала в Архангельской филармонии. В начале поэтического пути её поддержал Самуил Маршак. В 1962 году выпустила первый сборник стихов для детей «Дядя Шар», за которым последовали более 20 сборников стихов и сказок для дошкольного и младшего школьного возраста. Занималась переводами, писала стихи и рассказы.

Решительное решение

Я – в горе и в отчаянье.
Никак мне не понять:
ДАЮ я обещание,
И мне же ВЫПОЛНЯТЬ?!
– Но это очень трудно, —

шепчу я очень грустно. —
Но это очень много! —
кричу я очень строго. —
И где же
разделение
труда?
Да?!
Такое
положение
хочу я поменять.
Решаю я
решение
решительно
принять.
Я говорю:
– Внимание!
Прошу меня понять:
ДАЮ я обещание,
ИЗВОЛЬТЕ ВЫПОЛНЯТЬ!..

«Не надо больше ссориться…»

Не надо больше ссориться!
А то и мяч не ловится,
И книжка не читается,
И дождик начинается.

«Можно всему-всему научиться…»

Можно всему-всему научиться.
И научиться,
Как не учиться.
Но надо учиться,
Как надо учиться!
А то неизвестно, что может
Случиться!

Весенняя арифметика

Вычитаем!

Начинаем
изо всех ручьёв и рек
вычитать и лёд и снег.
Если вычесть снег и лёд,
будет птичий перелёт!
Сложим солнышко с дождём
и немного подождём…
И получим
травы.
Разве мы не правы?

Какие бывают подарки

В подарок
можно дудеть.

Подарок
можно надеть.

Подарки вкусные есть.
Мне шоколадка нравится:
можно подарок съесть,
золотая бумажка останется.

Подарок
может взлететь.
В клетке сидеть
и петь.

Подарок
может ползти.
Плыть.
Плавниками грести.

Но каждый, наверное, хочет
подарок,
который ходит!
Который хвостом виляет!
И лает…

Каждый желает!

Ирина Михайловна Пивоварова (1939–1986)

Ирина Пивоварова родилась 3 марта 1939 года в Москве. Её отец был хорошим врачом, который всегда мечтал, чтобы дочь продолжила его дело. Однако Пивоваровой не было близко врачебное дело, она любила поэзию и прекрасно рисовала. Поэтому едва окончив школу, она поступила в Московский текстильный институт на факультет прикладного искусства. Несколько лет Ирина работала на «Мосфильме» и зарекомендовала себя как великолепный художник по костюмам. Но вдруг она начала писать маленькие рассказы. Некоторые из них попали в журнал «Весёлые картинки». После этого дети с нетерпением ждали новых произведений. Им нравилось всё, что она писала: стихи, рассказы, повести.

Ученик

Я тороплюсь,
Я в школу мчусь.
Ура!
Я школьник!
Я учусь!

…И вот мой класс,
Мой первый «А».
Я в нём два дня
Учился.

Узнал я столько
За два дня!
Даю вам слово, —
Из меня
Учёный
Получился.

Школьное окно

На перемене
Первый класс
Проветрим
Мы с тобой!
Звенит звонок.

Окно открой!
Скорей окно открой!..

И воробей
На всём лету
Чирикнет что-то вам.
И пробежится
Ветерок
По вашим букварям…

Влетит листок
Осиновый,
Заглянет куст
Рябиновый…

И донесётся
Гул машин,
Часов вокзальных
Бой,
И чей-то смех,
И песенка…
Скорей окно открой!

Вежливый ослик

Был ослик
Очень вежливый,
Воспитанный он был.
Всем улыбался,
Кланялся
И «здравствуй»
Говорил.
Потом
Он отходил на шаг
И говорил:
– Тюлень – тюфяк,
А заяц – трус,
А лев – дурак,
А слон – обжора
И толстяк…
Ни разу доброго
Словца
Он не сказал

Ни про кого, —
И я прошу тебя,
Дружок,
Не будь похожим
На него!

Нина Саконвская (1896–1951)

Настоящее имя – Антонина Павловна Соколовская. Родилась 22 июня 1896 года в деревне Мысовая, близ Красноярска. Свою юность провела в Баку. Училась в Московской консерватории. Преподавала музыку в школе. В 1927 году опубликовала книгу для детей «Книжка эта про четыре цвета».

Мы с мамой

В новом сером доме,
На верху на самом,
Где звезда в окошко
Светит, как маяк, —
В этом новом доме
Я живу и мама,
Ласковая, смелая,
Весёлая моя.
Кто её обгонит
На коньках и лыжах?
Кто умеет легче
Плавать и грести?
Кто скорей отыщет
Самый рыжий рыжик?
Лучше этой мамы
В мире не найти!..
Мне в апреле десять,
Мама старше втрое;
У неё морщинка
Меж бровей легла.
Если провинишься,
Мама хмурит брови.
Если отличишься,
Мама весела…
Раннею весною
По лесной опушке
Вот с такою мамой

Хорошо идти!
Ландыши кивают,
Квакают лягушки,
Ручеёк прохладный
Вьётся на пути.
Он журчит невнятно
Про весёлых дочек,
Про любимых дочек
И любимых мам.
И бежит всё дальше.
И как будто хочет
Рассказать об этом
Всем своим друзьям.

Андрей Алексеевич Усачёв (род. в 1958 г.)

Андрей Усачёв родился 5 июля 1958 года в Москве. Учился в Московском институте электронной техники, но после четвёртого курса перешёл на филологический факультет Тверского государственного университета. Прежде чем стать профессиональным писателем, сменил немало работ: был дворником, сторожем, охранником, музыкантом в ресторане, редактором журнала «Весёлые картинки».

Стая и стадо

Чем отличается стадо от стаи?
Стадо пасётся.
А стая – летает.

Стая гусей улетает на юг.
А стадо гусей ковыляет на луг.

В этом отличие стаи от стада.
Это запомнить как следует надо!

Шуршащая песня

Шуршат осенние кусты.
Шуршат на дереве листы.
Шуршит камыш, и дождь шуршит.

И мышь, шурша, в нору спешит.

А там тихо-онечко шуршат
Шесть шустрых маленьких мышат…

Но все вокруг возмущены:
– Как расшуршались шалуны!

Шуршат на малышей кусты.
Шуршат им с дерева листы.
Шуршит рассерженный камыш.
И дождь шуршит, и мама-мышь.
Весь лес шуршит им: «Шалуны!
Не нарушайте тишины!»

Но их не слышат шесть мышат:
Давно мышата не шуршат.
Они легли пораньше спать,

Чтоб не мешать большим шуршать.

Часы

Часы идут за днями дни.
Часы бегут за веком век…
– Куда торопитесь, Часы? —
Спросил однажды человек.

Часы ужасно удивились.
Задумались.

Остановились.

Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)

Марина Цветаева родилась 26 сентября (8 октября н.с.) 1892 года в Москве в культурной и образованной семье. Отец, Иван Владимирович, профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед, стал в дальнейшем директором Румянцевского музея и основателем Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Мать происходила из обрусевшей польско-немецкой

семьи, была талантливой пианисткой.

Будущая поэтесса сначала училась в Москве, продолжила обучение в Швейцарии и Германии. В шестнадцать лет уехала в Париж, чтобы прослушать в Сорбонне краткий курс истории старофранцузской литературы. Стихи начала писать с шести лет (не только по-русски, но и по-французски и по-немецки), печататься с шестнадцати, а два года спустя тайком от семьи выпустила свой первый сборник, о котором одобрительно отзывались уже известные Брюсов, Гумилев и Волошин.

Скучные игры

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть – надоело!

Не поднимаясь со стула,
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть – надоело!

Так

«Почему ты плачешь?» – «Так». —
«Плакать «так» смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!
Если плачешь, есть причина.
Я отец, и я не враг.
Почему ты плачешь?» – «Так». —
«Ну какой же ты мужчина?
Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
Почему ты плачешь?» – «Так».

Саша Чёрный (1880–1932)

Саша Чёрный (настоящее имя – Александр Михайлович Гликберг) родился 1 (13) октября 1880 года в многодетной

еврейской семье в Одессе. В семье было двое детей с именем Саша. Блондина называли Саша Белый, а брюнета – Саша Чёрный. Чтобы дать ребёнку возможность поступить в гимназию, родители крестили его. В гимназии Александр проучился недолго, за плохие отметки мальчика жестоко наказывали. Чёрный сбежал из дома, стал нищим-попрошайкой. О его горестной судьбе написали в газете, и житомирский чиновник К.К. Роше, растроганный этой историей, взял мальчика к себе.

В 1905 году переезжает в Петербург, где активно публикует в журналах сатирические стихи и прозу. Корней Чуковский писал, что «…получив свежий номер журнала, читатель, прежде всего, искал в нём стихи Саши Чёрного».

Храбрецы

У пруда по мягкой травке
Ходит маленький Васюк.
Ходит – смотрит: здесь паук,
Там дерутся две козявки,
Под скамейкой красный гриб,
На мостках сидят лягушки,
А в воде так много рыб
Мельче самой мелкой мушки.
Надо всё пересмотреть,
Перетрогать, повертеть…
Ведь лягушки не кусают?
Пусть попробуют… Узнают!

А лягушки на мостках
Не спускают глаз с мальчишки:
Страшный, толстый…
Прут в руках,
Ярко-красные штанишки…
Из-под шапочки крючком

Вьётся, пляшет чубик рыжий…
Сам к мосткам бочком, бочком,
Подбирается всё ближе.
Ведь мальчишки не кусают?
Пусть попробует… Узнает!

Волк

Вся деревня спит в снегу.
Ни гугу.
Месяц скрылся на ночлег.
Вьётся снег.
Ребятишки все на льду,
На пруду.
Дружно саночки визжат —
Едем в ряд!
Кто – в запряжке, кто – седок.
Ветер в бок.
Растянулся наш обоз
До берёз.
Вдруг кричит передовой:
«Черти, стой!»
Стали санки, хохот смолк.
«Братцы, волк!..»
Ух, как брызнули назад!
Словно град.
Врассыпную все с пруда —
Кто куда.
Где же волк? Да это пёс —
Наш Барбос!
Хохот, грохот, смех и толк:

«Ай да волк!»

Живая азбука

Буквам очень надоело
В толстых книжках спать да спать…
В полночь – кучей угорелой
Слезли с полки на кровать.
А с кровати – на пол сразу,
Посмотрели – люди спят —
И затеяли проказу,
Превесёлый маскарад.
А – стал аистом, Ц – цаплей,
Е – ежом… Прекрасный бал!
Я не спал и всё до капли
Подсмотрел и записал…
Утром в дверь стучит художник
(Толстый, с чёрной бородой,
И румяный, как пирожник) —

Это был приятель мой.
Прочитал он, взял бумагу,
Вынул семь карандашей
И сейчас же всю ватагу
Срисовал для малышей.

А
Астра в садике цветёт —
Аист, вам пора в поход!

Б
Бык весь день мычит и ест.
Белка держит хвост, как шест.

В
Ворон может жить сто лет.
Волк овце – плохой сосед.

Г
Гусь шагает, как солдат.
Груша зреет – Гриша рад.

Д
Дятел в дуб всё тук да тук…
Дуб скрипит: «Что там за стук?»

Е
Ёж под ёлкой удивлён:
Ёлка с иглами – и он.

Ж
Жаба ждёт, раздув живот, —
Жук летит ей прямо в рот.

З
Зяблик в роще засвистал,
Заяц струсил и удрал.

И
Ива клонит ветви в пруд.
Индюки всегда орут.

К
Крыса мчится через мост.

Кот за ней, задравши хвост.

Л
Лебедь – родственник гуся,
Лошадь – зебре, лещ – ершам.

М
Мышь глядит на потолок:
«Муха, свалишься, дружок!»

Н
Норка ловит рыб в волне.
Носорог храпит во сне.

О
Ослик влез в чертополох.
Обезьянки ищут блох.

П
Пчёлка трудится весь день,
Петушку и клюнуть лень.

Р
Рыжик прячет в мох колпак.
Рак был негр, а стал, как мак.

С
Слон ужасно заболел —
Сливу с косточкою съел.

Т
Тигр свирепей всех зверей,
Таракан же всех добрей.

У
Утка – опытный нырок.
Ужик любит холодок.

Ф
Фиги сладки, как желе.
Филин днём сидит в дупле.

Х
Хрущ – весёлый майский жук.

Хмель ползёт на шест без рук.

Ц
Цыпка вышла из яйца.
Цапля спит у деревца.

Ч
Червячок влез на цветок,
Чиж слетел – и клюнул в бок!

Ш
Шимпанзе грызёт бисквит.
Шпиц от зависти дрожит.

Щ
Щур[37] ест пчёл по сотне в день.
Щука-злюка скрылась в тень.

Э
Эфиопы варят суп.
Эскимос зашит в пять шуб.

Ю
Юнга моет свой корабль.
Юра клеит дирижабль.

Я
Ястреб – ловкий птицелов.
Ягуар – гроза лесов.

Ъ, Ь, Ы
Твёрдый знак и мягкий знак,
Ы и Ять[38] – остались так.

Корней Иванович Чуковский (1882–1969)

Корней Иванович Чуковский (настоящее имя – Николай Васильевич Корнейчуков) родился 19 (31) марта 1882 года в Санкт-Петербурге. Детство и юность прошли в Одессе. Некоторое время он проучился в гимназии, затем занимался самообразованием, изучил английский язык. С 1901 года Чуковский начинает писать статьи в «Одесских новостях». Затем в 1903 году он был отправлен корреспондентом в Лондон, где

основательно ознакомился с английской литературой. В 1906 году Корней Иванович приезжает в финское местечко Куоккала, где знакомится с художником Репиным и писателем Короленко. Здесь он прожил около 10 лет.

Федорино горе

1

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.

За лопатою метла
Вдоль по улице пошла.

Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.
Испугалася коза,
Растопырила глаза:

«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

2

Но, как чёрная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.

И помчалися по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи, держи!»

И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит…

Утюги бегут покрякивают,
Через лужи, через лужи перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
На стаканы – дзынь! – натыкаются,
И стаканы – дзынь! – разбиваются.

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? куда? куда? куда? куда?»

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Из окошка вывалился стол
И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл…

А на нём, а на нём,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит
И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтеся!»

И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

3

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитеся домой!»

Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»

А фарфоровые блюдца

Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть.
Чтоб посуду воротить:

«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?
Вы в канаву упадёте,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитеся домой!»

Но тарелки вьются-вьются,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадём,
А к Федоре не пойдём!»

4

Мимо курица бежала
И посуду увидала:
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?!»

И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,
Запылила, закоптила,
Загубила нас она!»

«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было нелегко!»

«Да, – промолвил медный таз,—
Погляди-ка ты на нас:

Мы поломаны, побиты,
Мы помоями облиты.
Загляни-ка ты в кадушку —
И увидишь там лягушку.
Загляни-ка ты в ушат —
Тараканы там кишат,

Оттого-то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,
По болотам, по лугам,
А к неряхе-замарахе
Не воротимся!»

5

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.
А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.
Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушёл.
Сварила бы баба щи,
Да кастрюлю поди поищи!
И чашки ушли, и стаканы,
Остались одни тараканы.
Ой, горе Федоре,
Горе!

6

А посуда вперёд и вперёд
По полям, по болотам идёт.

И чайник шепнул утюгу:
«Я дальше идти не могу».

И заплакали блюдца:
«Не лучше ль вернуться?»

И зарыдало корыто:
«Увы, я разбито, разбито!»

Но блюдо сказало: «Гляди,
Кто это там позади?»

И видят: за ними из тёмного бора
Идёт-ковыляет Федора.
Но чудо случилося с ней:
Стала Федора добрей.
Тихо за ними идёт
И тихую песню поёт:

«Ой вы, бедные сиротки мои,
Утюги и сковородки мои!
Вы подите-ка, немытые, домой,
Я водою вас умою ключевой.
Я почищу вас песочком,
Окачу вас кипяточком,
И вы будете опять,
Словно солнышко, сиять,
А поганых тараканов я повыведу,
Прусаков и пауков я повымету!»

И сказала скалка:
«Мне Федору жалко».

И сказала чашка:
«Ах, она бедняжка!»

И сказали блюдца:
«Надо бы вернуться!»

И сказали утюги:
«Мы Федоре не враги!»

7

Долго, долго целовала
И ласкала их она,
Поливала, умывала.
Полоскала их она.

«Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать.
Буду, буду я посуду
И любить и уважать!»

Засмеялися кастрюли,
Самовару подмигнули:
«Ну, Федора, так и быть,
Рады мы тебя простить!»

Полетели,
Зазвенели
Да к Федоре прямо в печь!
Стали жарить, стали печь, —
Будут, будут у Федоры и блины и пироги!

А метла-то, а метла – весела —
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.

И обрадовались блюдца:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют и смеются —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
«Я Федорушку прощаю,
Сладким чаем угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!»

Путаница

Замяукали котята:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

А за ними и утята:

«Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Свинки замяукали:
Мяу, мяу!

Кошечки захрюкали:
Хрю, хрю, хрю!

Уточки заквакали:
Ква, ква, ква!

Курочки закрякали:
Кря, кря, кря!

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
Му-у-у!

Прибежал медведь
И давай реветь:
Ку-ка-ре-ку!

Только заинька
Был паинька:
Не мяукал
И не хрюкал —
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных
Уговаривал:
«Кому велено чирикать —
Не мурлыкайте!

Кому велено мурлыкать —
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам под облаком!»

Но весёлые зверята —
Поросята, медвежата —
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,

Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Море пламенем горит,
Выбежал из моря кит:
«Эй, пожарные, бегите!
Помогите, помогите!»

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами, и блинами,
И сушёными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат – не потушат,
Заливают – не зальют.

Тут бабочка прилетала,
Крылышками помахала,
Стало море потухать —
И потухло.

Вот обрадовались звери!
Засмеялись и запели,
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять

По-гусиному кричать:
Га-га-га!

Кошки замурлыкали:
Мур-мур-мур!

Птицы зачирикали:
Чик-чирик!

Лошади заржали:
И-и-и!

Мухи зажужжали:
Ж-ж-ж!

Лягушата квакают:
Ква-ква-ква!

А утята крякают:
Кря-кря-кря!

Поросята хрюкают:
Хрю-хрю-хрю!
Мурочку баюкают
Милую мою:
Баюшки-баю!
Баюшки-баю!

Радость

Рады, рады, рады
Светлые берёзы,
И на них от радости
Вырастают розы.

Рады, рады, рады
Тёмные осины,
И на них от радости
Растут апельсины.

То не дождь пошёл из облака
И не град,
То посыпался из облака

Виноград.

И вороны над полями
Вдруг запели соловьями.

И ручьи из-под земли
Сладким мёдом потекли.

Куры стали павами,
Лысые – кудрявыми.

Даже мельница – и та
Заплясала у моста.

Так бегите же за мною
На зелёные луга,
Где над синею рекою
Встала радуга-дуга.

Мы на радугу
Вска-ра-б-каемся,
Поиграем в облаках
И оттуда вниз по радуге
На салазках, на коньках!

Барабек (Английская песенка)

КАК НУЖНО ДРАЗНИТЬ ОБЖОРУ

Робин Бобин Барабек
Скушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
И телегу, и дугу,
И метлу, и кочергу,
Скушал церковь, скушал дом,
И кузницу с кузнецом,
А потом и говорит:
«У меня живот болит!»

Зарубежные сказки

Ганс Христиан Андерсен (1805–1875)

Ганс Христиан Андерсен родился 2 апреля 1805 года в городе Оденсе на острове Фюн. Отец Андерсена был бедным башмачником, мать была прачкой из бедной семьи. С детства мальчик рос мечтателем и сочинителем, часто устраивал домашние спектакли. Отец Андерсена очень рано умер, и мальчику пришлось работать, чтобы помогать матери кормить семью. Он был подмастерьем у ткача, затем у портного, потом Андерсен работал на сигаретной фабрике. В раннем детстве Ганс Христиан был замкнутым ребёнком, любимой игрой которого был кукольный театр. Первая книга Андерсена популярностью не пользовалась, её никто не покупал, и она пошла на обёртку. Но это его не сломило, и Андерсен продолжил писать. В 1835 году выходят его «Сказки», их популярность быстро растёт. Что интересно, сам Андерсен их не любил, не считал серьёзными произведениями.

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то двадцать пять оловянных солдатиков, родных братьев по матери – старой оловянной ложке, ружьё на плече, голова прямо, красный с синим мундир – ну, прелесть что за солдаты! Первые слова, которые они услышали, когда открыли их домик-коробку, были: «Ах, оловянные солдатики!» Это закричал, хлопая в ладоши, маленький мальчик, которому подарили оловянных солдатиков в день его рождения. И он сейчас же принялся расставлять их на столе. Все солдатики были совершенно одинаковы, кроме одного, который был с одной ногой. Его отливали последним, и олова немножко не хватило, но он стоял на своей ноге так же твёрдо, как другие на двух; и он-то как раз и оказался самым замечательным из всех.

На столе, где очутились солдатики, было много разных игрушек, но больше всего бросался в глаза дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было видеть дворцовые покои; перед самым дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали и любовались своим отражением восковые лебеди. Всё это было чудо как мило, но милее всего была барышня, стоявшая на самом пороге дворца. Она тоже была вырезана из бумаги и одета в юбочку из тончайшего батиста; через плечо у неё шла узенькая голубая ленточка в виде шарфа, а на груди сверкала розетка величиною с лицо самой барышни. Барышня стояла на одной

ножке, вытянув руки, – она была танцовщицей, – а другую ногу подняла так высоко, что наш солдатик её и не увидел, и подумал, что красавица тоже одноногая, как он.

«Вот бы мне такую жену! – подумал он. – Только она, как видно, из знатных, живёт во дворце, а у меня только и есть, что коробка, да и то в ней нас набито двадцать пять штук, ей там не место! Но познакомиться всё же не мешает».

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе; отсюда ему отлично было видно прелестную танцовщицу, которая всё стояла на одной ноге, не теряя равновесия.

Поздно вечером всех других оловянных солдатиков уложили в коробку, и все люди в доме легли спать. Теперь игрушки сами стали играть в гости, в войну и в бал. Оловянные солдатики принялись стучать в стенки коробки – они тоже хотели играть, да не могли приподнять крышки. Щелкунчик кувыркался, грифель писал по доске; поднялся такой шум и гам, что проснулась канарейка и тоже заговорила, да ещё стихами! Не трогались с места только танцовщица и оловянный солдатик: она по-прежнему держалась на вытянутом носке, простирая руки вперёд, он бодро стоял и не сводил с неё глаз.

Пробило двенадцать. Щёлк! – табакерка раскрылась.

Там не было табаку, а сидел маленький чёрный тролль; табакерка-то была с фокусом!

– Оловянный солдатик, – сказал тролль, – нечего тебе заглядываться!

Оловянный солдатик будто и не слыхал.

– Ну постой же! – сказал тролль.

Утром дети встали, и оловянного солдатика поставили на окно.

Вдруг – по милости ли тролля или от сквозняка – окно распахнулось, и наш солдатик полетел головой вниз с третьего этажа, – только в ушах засвистело! Минута – и он уже стоял на мостовой кверху ногой: голова его в каске и ружьё застряли между камнями мостовой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали на поиски, но сколько ни старались, найти солдатика не могли; они чуть не наступали на него ногами и всё-таки не замечали его. Закричи он им: «Я тут!» – они, конечно, сейчас же нашли бы его, но он считал неприличным кричать на улице, он ведь носил мундир!

Начал накрапывать дождик; сильнее, сильнее, наконец хлынул ливень. Когда опять прояснилось, пришли двое уличных мальчишек.

– Гляди! – сказал один. – Вон оловянный солдатик! Отправим его в плавание!

И они сделали из газетной бумаги лодочку, посадили туда оловянного солдатика и пустили в канавку. Сами мальчишки бежали рядом и хлопали в ладошки. Ну и ну! Вот так волны ходили по канавке! Течение так и несло, – немудрено после такого ливня!

Лодочку бросало и вертело во все стороны, так что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко: ружьё на плече, голова прямо, грудь вперёд!

Лодку понесло под длинные мостки: стало так темно, точно солдатик опять попал в коробку.

«Куда меня несёт? – думал он. – Да, это всё шутки гадкого тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та красавица – по мне, будь хоть вдвое темнее!»

В эту минуту из-под мостков выскочила большая крыса.

– Паспорт есть? – спросила она. – Давай паспорт!

Но оловянный солдатик молчал и ещё крепче сжимал ружьё. Лодку несло, а крыса плыла за ней вдогонку. У! Как она скрежетала зубами и кричала плывущим навстречу щепкам и соломинкам:

– Держи, держи его! Он не внёс пошлины, не показал паспорта!

Но течение несло лодку всё быстрее и быстрее, и оловянный солдатик уже увидел впереди свет, как вдруг услышал такой страшный шум, что струсил бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика вода из канавки устремилась в большой канал! Это было для солдатика так же страшно, как для нас нестись на лодке к большому водопаду.

Но солдатика несло всё дальше, остановиться было нельзя. Лодка с солдатиком скользнула вниз; бедняга держался по-прежнему стойко и даже глазом не моргнул. Лодка завертелась… Раз, два – наполнилась водой до краёв и стала тонуть. Оловянный солдатик очутился по горло в воде; дальше больше… вода покрыла его с головой! Тут он подумал о своей красавице: не видать ему больше. В ушах у него звучало:

Вперёд стремись, о воин,
И смерть спокойно встреть!

Бумага разорвалась, и оловянный солдатик пошёл было ко дну, но в ту же минуту его проглотила рыба. Какая темнота! Хуже, чем под мостками, да ещё страх как тесно! Но оловянный солдатик держался стойко и лежал, вытянувшись во всю длину, крепко прижимая к себе ружьё.

Рыба металась туда и сюда, выделывала самые удивительные

скачки, но вдруг замерла, точно в неё ударила молния. Блеснул свет и кто-то закричал: «Оловянный солдатик!» Дело в том, что рыбу поймали, свезли на рынок, потом она попала на кухню, и кухарка распорола ей брюхо большим ножом. Кухарка взяла оловянного солдатика двумя пальцами за талию и понесла в комнату, куда сбежались посмотреть на замечательного путешественника все домашние. Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и – чего-чего не бывает на свете! – он оказался в той же комнате, увидал тех же детей, те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она по-прежнему стояла на одной ножке, высоко подняв другую. Вот так стойкость! Оловянный солдатик был тронут и чуть не заплакал оловом, но это было бы неприлично, и он удержался. Он смотрел на неё, она на него, но они не обмолвились ни словом.

Вдруг один из мальчиков схватил оловянного солдатика и ни с того ни с сего швырнул его прямо в печку. Наверно, это всё тролль подстроил! Оловянный солдатик стоял охваченный пламенем: ему было ужасно жарко, от огня или любви – он и сам не знал. Краски с него совсем слезли, он весь полинял; кто знает от чего – от дороги или от горя? Он смотрел на танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но ещё держался стойко, с ружьём на плече. Вдруг дверь в комнате распахнулась, ветер подхватил танцовщицу, и она, как сильфида[39], порхнула прямо в печку к оловянному солдатику, вспыхнула разом и – конец! А оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек. На другой день горничная выгребала из печки золу и нашла маленькое оловянное сердечко; от танцовщицы же осталась одна розетка, да и та вся обгорела и почернела, как уголь.

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие? До этого он никак добраться не мог; так и вернулся домой ни с чем и очень горевал, – уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки башмаков и

вытекала из пяток, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» – подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а ещё сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром её спросили, как она почивала.

– Ах, очень дурно! – сказала принцесса. – Я почти глаз не сомкнула! Бог знает, что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, – такою деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берёт за себя настоящую принцессу! А горошину отдали в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл.

Знай, что история эта истинная!

Дюймовочка

Жила-была женщина; очень ей хотелось иметь ребёнка, да где его взять? И вот она отправилась к одной старой колдунье и сказала ей:

– Мне так хочется иметь ребёночка; не скажешь ли ты, где мне его достать?

– Отчего же! – сказала колдунья. – Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не из тех, что крестьяне сеют в поле или бросают курам; посади-ка его в цветочный горшок – увидишь, что будет!

– Спасибо! – сказала женщина и дала колдунье двенадцать скиллингов[40]; потом пошла домой, посадила ячменное зерно в цветочный горшок, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок вроде тюльпана, но лепестки его были ещё плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой славный цветок! – сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

Что-то щёлкнуло, и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная, маленькая, всего с дюйм ростом, её и прозвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупка грецкого ореха была её колыбелькою, голубые фиалки – матрацем, а лепесток розы – одеяльцем; в эту колыбельку её укладывали на ночь, а днём она играла на столе. На стол женщина поставила тарелку с водою, а на края тарелки положила венок из цветов; длинные стебли цветов купались в воде, у самого же края плавал большой лепесток тюльпана. На нём Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую; вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Всё это было прелесть как мило! Дюймовочка умела и петь, и такого нежного, красивого голоска никто ещё не слыхивал!

Раз ночью, когда она лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая жаба, мокрая, безобразная! Она вспрыгнула прямо на стол, где спала под розовым лепестком Дюймовочка.

– Вот и жена моему сынку! – сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река; у самого берега было топко и вязко; здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном. У! Какой он был тоже гадкий, противный! Точь-в-точь мамаша.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог он сказать, когда увидал прелестную крошку в ореховой скорлупке.

– Тише ты! Она ещё проснётся, пожалуй, да убежит от нас, – сказала старуха жаба. – Она ведь легче лебединого пуха! Высадим-ка её посередине реки на широкий лист кувшинки – это ведь целый остров для такой крошки, оттуда она не сбежит, а мы пока приберём там, внизу, наше гнёздышко. Вам ведь в нём жить да поживать.

В реке росло множество кувшинок; их широкие зелёные листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был дальше всего от берега; к этому-то листу подплыла жаба и поставила туда ореховую скорлупу с девочкой.

Бедная крошка проснулась рано утром, увидала, куда она попала, и горько заплакала: со всех сторон была вода, и ей никак нельзя было перебраться на сушу!

А старая жаба сидела внизу, в тине, и убирала своё жилище тростником и жёлтыми кувшинками – надо же было приукрасить всё для молодой невестки! Потом она поплыла со своим безобразным сынком к листу, где сидела Дюймовочка, чтобы взять прежде всего её хорошенькую кроватку и поставить в спальне невесты. Старая жаба очень низко присела в воде перед девочкой и сказала:

– Вот мой сынок, твой будущий муж! Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – только и мог сказать сынок.

Они взяли хорошенькую кроватку и уплыли с ней, а девочка осталась одна-одинёшенька на зелёном листе и горько-горько плакала, – ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выйти замуж за её противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали под водой, верно, видели жабу с сынком и слышали, что она говорила, потому что все повысунули из воды головки, чтобы поглядеть на крошку невесту. А как они увидели её, им стало ужасно жалко, что такой миленькой девочке приходится идти жить к старой жабе в тину. Не бывать же этому! Рыбки столпились внизу, у стебля, на котором держался лист, и живо перегрызли его своими зубами; листок с девочкой поплыл по течению, дальше, дальше… Теперь уж жабе ни за что было не догнать крошку!

Дюймовочка плыла мимо разных прелестных местечек, и маленькие птички, которые сидели в кустах, увидав её, пели:

– Какая хорошенькая девочка!

А листок всё плыл да плыл, и вот Дюймовочка попала за границу.

Красивый белый мотылёк всё время порхал вокруг неё и наконец уселся на листок – уж очень ему понравилась Дюймовочка! А она ужасно радовалась: гадкая жаба не могла теперь догнать её, а вокруг всё было так красиво! Солнце так и горело золотом на воде! Дюймовочка сняла с себя пояс, одним концом обвязала мотылька, а другой привязала к своему листку, и листок поплыл ещё быстрее.

Мимо летел майский жук, увидал девочку, обхватил её за тонкую талию лапкой и унёс на дерево, а зелёный листок поплыл дальше, и с ним мотылёк – он ведь был привязан и не мог освободиться.

Ах, как перепугалась бедняжка, когда жук схватил её и полетел с ней на дерево! Особенно ей жаль было хорошенького мотылёчка, которого она привязала к листку: ему придётся теперь умереть с голоду, если не удастся освободиться. Но майскому жуку и горя было мало.

Он уселся с крошкой на самый большой зелёный лист, покормил её сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая, хоть и совсем непохожа на майского жука.

Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они оглядывали девочку с головы до ног, и жучки-барышни шевелили усиками и говорили:

– У неё только две ножки! Жалко смотреть!

– Какая у неё тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво! – сказали в один голос все жуки женского пола.

Дюймовочка была премиленькая! Майскому жуку, который принёс её, она тоже очень понравилась сначала, а тут вдруг и он нашёл, что она безобразна, и не захотел больше держать её у себя – пусть идёт куда хочет. Он слетел с нею с дерева и посадил её на ромашку. Тут девочка принялась плакать о том, что она такая безобразная: даже майские жуки не захотели держать её у себя! А на самом-то деле она была прелестнейшим созданием: нежная, ясная, точно лепесток розы.

Целое лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Она сплела себе колыбельку и подвесила её под большой лопушиный лист – там дождик не мог достать её. Ела крошка сладкую цветочную пыльцу, а пила росу, которую каждое утро находила на листочках. Так прошли лето и осень; но вот дело пошло к зиме, длинной и холодной. Все певуньи птички разлетелись, кусты и цветы увяли, большой лопушиный лист, под которым жила Дюймовочка, пожелтел, весь засох и свернулся в трубочку. Сама крошка мёрзла от холода: платьице её всё разорвалось, а она была такая маленькая, нежная – замерзай, да и всё тут! Пошёл снег, и каждая снежинка была для неё то же, что для нас целая лопата снега; мы ведь большие, а она была всего-то с дюйм! Она завернулась было в сухой лист, но он совсем не грел, и бедняжка сама дрожала как лист.

Возле леса, куда она попала, лежало большое поле; хлеб давно был убран, одни голые, сухие стебельки торчали из мёрзлой земли; для Дюймовочки это был целый лес. Ух! Как она дрожала от холода! И вот пришла бедняжка к дверям полевой мыши; дверью была маленькая дырочка, прикрытая сухими стебельками и былинками. Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зёрнами; кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна – она два дня ничего не ела!

– Ах ты бедняжка! – сказала полевая мышь: она была, в сущности, добрая старуха. – Ступай сюда, погрейся да поешь со мною!

Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

– Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты да рассказывай мне сказки – я до них большая охотница.

И Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

– Скоро, пожалуй, у нас будут гости, – сказала как-то полевая мышь. – Мой сосед обычно навещает меня раз в неделю. Он живёт ещё куда лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в

чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя; но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Но девочке мало было дела до всего этого: ей вовсе не хотелось выйти замуж за соседа – ведь это был крот. Он в самом деле скоро пришёл в гости к полевой мыши. Правда, он носил чёрную бархатную шубку, был очень богат и учён; по словам полевой мыши, помещение у него было раз в двадцать просторнее, чем у неё, но он совсем не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно – он ведь никогда не видел их. Девочке пришлось петь, и она спела две песенки: «Майский жук, лети, лети» и «Бродит по лугам монах», да так мило, что крот прямо-таки в неё влюбился. Но он не сказал ни слова – он был такой степенный и солидный господин.

Крот недавно прорыл под землёй длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее сколько угодно. Крот просил только не пугаться мёртвой птицы, которая лежала там. Это была настоящая птица, с перьями, с клювом; она, должно быть, умерла недавно, в начале зимы, и была зарыта в землю как раз там, где крот прорыл свою галерею.

Крот взял в рот гнилушку – в темноте это ведь всё равно, что свечка, – и пошёл вперёд, освещая длинную тёмную галерею. Когда они дошли до места, где лежала мёртвая птица, крот проткнул своим широким носом в земляном потолке дыру, и в галерею пробился дневной свет. В самой середине галереи лежала мёртвая ласточка; хорошенькие крылья были крепко прижаты к телу, лапки и головка спрятаны в пёрышки; бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочке стало ужасно жаль её, она очень любила этих милых птичек, которые целое лето так чудесно пели ей песенки, но крот толкнул птичку своей короткой лапой и сказал:

– Небось не свистит больше! Вот горькая участь родиться пичужкой! Слава богу, что моим детям нечего бояться этого! Этакая птичка только и умеет чирикать – поневоле замёрзнешь зимой!

– Да, да, правда ваша, умные слова приятно слышать, – сказала полевая мышь. – Какой прок от этого чириканья? Что оно приносит птице? Холод и голод зимой? Много, нечего сказать!

Дюймовочка не сказала ничего, но когда крот с мышью повернулись к птице спиной, нагнулась к ней, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глазки. «Может быть, это та самая, которая так чудесно распевала летом! – подумала

девочка. – Сколько радости доставила ты мне, милая, хорошая птичка!»

Крот опять заткнул дыру в потолке и проводил дам обратно. Но девочке не спалось ночью. Она встала с постели, сплела из сухих былинок большой славный ковёр, снесла его в галерею и завернула в него мёртвую птичку; потом отыскала у полевой мыши пуху и обложила им всю ласточку, чтобы ей было потеплее лежать на холодной земле.

– Прощай, миленькая птичка, – сказала Дюймовочка. – Прощай! Спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда все деревья были такие зелёные, а солнышко так славно грело!

И она склонила голову на грудь птички, но вдруг испугалась – внутри что-то застучало. Это забилось сердечко птицы: она не умерла, а только окоченела от холода, теперь же согрелась и ожила.

Осенью ласточки улетают в тёплые края, а если которая запоздает, то от холода окоченеет, упадёт замертво на землю, и её засыплет холодным снегом.

Девочка вся задрожала от испуга – птица ведь была в сравнении с крошкой просто великаном, – но всё-таки собралась с духом, ещё больше закутала ласточку, потом сбегала принесла листок мяты, которым закрывалась вместо одеяла сама, и покрыла им голову птички.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птичка совсем уже ожила, только была ещё очень слаба и еле-еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку, которая стояла перед нею с кусочком гнилушки в руках, – другого фонаря у неё не было.

– Благодарю тебя, милая крошка! – сказала больная ласточка. – Я так славно согрелась. Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на сол-нышко.

– Ах, – сказала девочка, – теперь так холодно, идёт снег! Останься лучше в своей тёплой постельке, я буду ухаживать за тобой.

И Дюймовочка принесла птичке воды в цветочном лепестке. Ласточка попила и рассказала девочке, как поранила себе крыло о терновый куст и поэтому не смогла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Как упала на землю и… да больше она уж ничего не помнила и как попала сюда – не знала.

Всю зиму прожила тут ласточка, и Дюймовочка ухаживала за ней. Ни крот, ни полевая мышь ничего не знали об этом – они ведь совсем не любили птичек.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка

распрощалась с девочкой, и Дюймовочка ототкнула дыру, которую проделал крот.

Солнце так славно грело, и ласточка спросила, не хочет ли девочка отправиться вместе с ней, – пускай сядет к ней на спину, и они полетят в зелёный лес! Но Дюймовочка не захотела бросить полевую мышь – она ведь знала, что старуха очень огорчится.

– Нет, нельзя! – сказала девочка ласточке.

– Прощай, прощай, милая добрая крошка! – сказала ласточка и вылетела на солнышко.

Дюймовочка посмотрела ей вслед, и у неё даже слёзы навернулись на глазах, – уж очень полюбилась ей бедная птичка.

– Кви-вить, кви-вить! – прощебетала птичка и скрылась в зелёном лесу.

Девочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко, а хлебное поле так всё заросло высокими толстыми колосьями, что стало для бедной крошки дремучим лесом.

– Летом тебе придётся готовить себе приданое! – сказала ей полевая мышь. Оказалось, что скучный сосед в бархатной шубе посватался за девочку.

– Надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, а там выйдешь замуж за крота и подавно ни в чём нуждаться не будешь!

И девочке пришлось прясть по целым дням, а старуха мышь наняла четырёх пауков для тканья, и они работали день и ночь.

Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и всё только и болтал о том, что вот скоро лету будет конец, солнце перестанет так палить землю, – а то она совсем уж как камень стала, – и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот. Каждое утро на восходе солнышка и каждый вечер на закате Дюймовочка выходила на порог мышиной норки; иногда ветер раздвигал верхушки колосьев, и ей удавалось увидеть кусочек голубого неба. «Как светло, как хорошо там, на воле!» – думала девочка и вспоминала о ласточке; ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточки нигде не было видно: должно быть, она летала там, далеко-далеко, в зелёном лесу!

К осени Дюймовочка приготовила всё своё приданое.

– Через месяц твоя свадьба! – сказала девочке полевая мышь.

Но крошка заплакала и сказала, что не хочет выходить замуж за скучного крота.

– Пустяки! – сказала старуха мышь. – Только не капризничай, а то я укушу тебя – видишь, какой у меня белый зуб? У тебя будет чудеснейший муж. У самой королевы нет такой бархатной шубки, как у него! Да и в кухне и в погребе у него не пусто! Благодари

бога за такого мужа!

Наступил день свадьбы. Крот пришёл за девочкой. Теперь ей приходилось идти за ним в его нору, жить там, глубоко-глубоко под землёй, и никогда не выходить на солнце – крот ведь терпеть его не мог! А бедной крошке было так тяжело навсегда распроститься с красным солнышком! У полевой мыши она всё-таки могла хоть изредка любоваться на него.

И Дюймовочка вышла взглянуть на солнце в последний раз. Хлеб был уже убран с поля, и из земли опять торчали одни голые, засохшие стебли. Девочка отошла от дверей подальше и протянула к солнцу руки:

– Прощай, ясное солнышко, прощай!

Потом она обняла ручонками маленький красный цветочек, который рос тут, и сказала ему:

– Кланяйся от меня милой ласточке, если увидишь её!

– Кви-вить, кви-вить! – вдруг раздалось над её головой.

Дюймовочка подняла глаза и увидела ласточку, которая пролетала мимо. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась, а девочка заплакала и рассказала ласточке, как ей не хочется выходить замуж за противного крота и жить с ним глубоко под землёй, куда никогда не заглянет солнышко.

– Скоро придёт холодная зима, – сказала ласточка, – и я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Ты можешь сесть ко мне на спину – только привяжи себя покрепче поясом, – и мы улетим с тобой далеко от гадкого крота, далеко за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы! Полетим со мной, милая крошка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной, холодной яме.

– Да, да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка, села птичке на спину, упёрлась ножками в её распростёртые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Ласточка взвилась стрелой и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом. Тут было страсть как холодно; Дюймовочка вся зарылась в тёплые перья ласточки и только головку высунула, чтобы любоваться всеми прелестями, которые встречались в пути.

Но вот и тёплые края! Тут солнце сияло уже гораздо ярче, а около канав и изгородей рос зелёный и чёрный виноград. В лесах зрели лимоны и апельсины, пахло миртами и душистой мятой, а по дорожкам бегали прелестные ребятишки и ловили больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше и дальше, и чем дальше, тем было всё лучше. На берегу красивого голубого озера, посреди зелёных кудрявых деревьев, стоял старинный белый

мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились ласточкины гнёзда. В одном из них и жила ласточка, что принесла Дюймовочку.

– Вот мой дом! – сказала ласточка. – А ты выбери себе внизу какой-нибудь красивый цветок, я тебя посажу в него, и ты чудесно заживёшь!

– Вот было бы хорошо! – сказала крошка и захлопала в ладоши.

Внизу лежали большие куски мрамора – это свалилась верхушка одной колонны и разбилась на три куска, между ними росли крупные белые цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. Но вот диво! В самой чашечке цветка сидел маленький человечек, беленький и прозрачный, точно хрустальный. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки.

Это был эльф. В каждом цветке живёт эльф, мальчик или девочка, а тот, который сидел рядом с Дюймовочкой, был сам король эльфов.

– Ах, как он хорош! – шепнула Дюймовочка ласточке.

Маленький король совсем перепугался при виде ласточки. Он был такой крошечный, нежный, и она показалась ему просто чудовищем. Зато он очень обрадовался, увидав нашу крошку, – он никогда ещё не видывал такой хорошенькой девочки! И он снял свою золотую корону, надел её Дюймовочке на голову и спросил, как её зовут и хочет ли она быть его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Вот это так муж! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе! И девочка согласилась. Тогда из каждого цветка вылетели эльфы – мальчики и девочки – такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили к спинке девочки, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и пела им, как только умела. Но самой ей было очень грустно: она крепко полюбила девочку и хотела бы век не расставаться с ней.

– Тебя больше не будут звать Дюймовочкой! – сказал эльф. – Это некрасивое имя. А ты такая хорошенькая! Мы будем звать тебя Майей!

– Прощай, прощай! – прощебетала ласточка и опять полетела из тёплых краёв далеко, далеко – в Данию. Там у неё было маленькое гнездо, как раз над окном человека, большого мастера рассказывать сказки. Ему-то она и спела своё «кви-вить», а потом и мы узнали эту историю.

Шарль Перро (1628–1703)

Шарль Перро родился в семье парижского судьи Пьера Перро и был младшим из его семи детей. Большинству людей Перро известен как сказочник, а между тем он был поэтом, академиком Французской академии, автором знаменитых научных трудов. Тем не менее всемирную известность ему принесли именно замечательные сказки «Кот в сапогах», «Золушка», «Синяя Борода».

Кот в сапогах

Один мельник, умирая, оставил своим трём сыновьям наследство: мельницу, осла и Кота. С разделом недолго возились и обошлись без помощи суда, потому что судьи обобрали бы их до нитки.

Старший брат взял себе мельницу.

Второй – осла.

А младшему дали Кота.

Он был неутешен, что досталась ему такая дрянь.

– Братья, – говорил он, – могут честно зарабатывать себе кусок хлеба, а мне, несчастному, когда я съем своего Кота и сошью из его шкуры рукавицы, придётся умирать с голоду.

Только вдруг Кот, который слышал эти речи, но не подавал и виду, что их понял, и говорит спокойным, серьёзным тоном:

– Не горюй, хозяин, а дай ты мне лучше мешок да закажи мне пару сапог, чтобы не больно было ходить по кустам. И увидишь, что ты не так обделён, как думаешь.

Владелец Кота не слишком поверил его обещаниям, но, вспомнив, что Кот мастер на разные хитрости (чтобы ловить мышей, например, он мог подвешиваться за лапы или прикидываться мёртвым), подумал, что, может быть, Кот и в самом деле поможет ему в несчастье.

Когда Кот получил то, что он просил, он храбро надел сапоги, перекинул мешок через плечо, взял в передние лапки верёвочки, которыми мешок задёргивался, и пошёл в лесок, где водилось много кроликов. В мешок он положил отрубей и травы. Растянувшись, как мёртвый, Кот стал ждать, когда какой-нибудь молодой кролик, ещё не искушённый в житейских проделках, сунется в мешок покушать брошенную туда приманку.

Едва он улёгся, как уже мог праздновать победу. Молоденький глупый кролик вскочил в мешок, и Кот сейчас же и задёрнул верёвочки.

Радуясь своей добыче, он пошёл к королю и попросил аудиенции.

Кота впустили в покои его величества. Войдя туда, он отвесил королю низкий поклон и сказал:

– Государь, вот кролик. Господин маркиз Карабас (таким именем вздумалось Коту украсить своего хозяина) поручил мне поднести вам этого кролика в подарок.

– Скажи своему барину, – отвечал король, – что я благодарю его и очень доволен.

В другой раз Кот запрятался в пшеницу, опять со своим мешком, и, когда туда зашли две куропатки, задёрнув верёвочки, поймал их.

Потом он отнёс свою добычу королю, так же, как кролика. Король благосклонно принял и куропаток и приказал дать Коту на чай.

Таким образом Кот два или три месяца сряду носил королю дичь от имени своего хозяина. Вот однажды удалось ему узнать, что король собирается прокатиться по берегу реки с дочерью, самой хорошенькой принцессой на свете.

И говорит Кот хозяину:

– Если хочешь, послушайся моего совета и будешь тогда счастлив навеки. Ступай купаться, я укажу, в каком месте, а об остальном не заботься.

Маркиз Карабас послушался Кота, хоть и не понимал, для чего это нужно.

Вот плещется он в воде, а король едет мимо. Вдруг Кот как закричит:

– Помогите, помогите! Господин маркиз Карабас тонет!

Король высунулся из кареты на крик и, узнав Кота, который столько раз ему приносил дичь, приказал своим гвардейцам скорее бежать на помощь господину маркизу Карабасу.

Пока бедного маркиза вытаскивали из реки, Кот подошёл к карете и доложил королю, что в то время, как его барин купался, мошенники унесли его платье, хоть он, Кот, и кричал «караул» изо всей силы. (А плут сам же спрятал платье под большой камень.)

Король сейчас же приказал смотрителям своего гардероба принести господину маркизу Карабасу самый лучший костюм.

Потом король принял маркиза со всеми почестями. Платье, которое ему принесли, подчёркивало его прекрасную фигуру (он был хорош собою и строен), и королевской дочери он очень понравился. Не успел маркиз Карабас бросить ей два-три почтительных взгляда и один немножко нежный, как она уже в него влюбилась.

Король пригласил его сесть в карету и прокатиться вместе.

Кот, радуясь, что намерение его начинает приходить в исполнение, побежал вперёд. Попались ему крестьяне, косившие луг. Кот и говорит им:

– Эй вы, косари! Если вы да не скажете королю, что луг этот принадлежит господину маркизу Карабасу, смотрите у меня! Всех вас в порошок сотру!

Король действительно спросил косарей:

– Чей это луг?

– Господина маркиза Карабаса! – отвечали они во весь голос: угроза Кота их напугала.

– У вас хорошее состояние, – заметил король маркизу Карабасу.

– Да, государь, – ответил маркиз, – этот луг даёт мне весьма порядочный доход.

А Кот всё бежит впереди. Встречаются ему люди на жатве, он и говорит им:

– Эй вы, жнецы! Если вы да не скажете, что все эти хлеба принадлежат господину маркизу Карабасу, смотрите у меня: всех вас в порошок ис-толку!

Король, проезжая через несколько времени, пожелал знать, чьи это видны хлеба.

– Господина маркиза Карабаса! – отвечали жнецы.

И король порадовался этому вместе с маркизом.

А Кот всё бежал впереди кареты и всем, кого только ни встречал, наказывал одно и то же.

Король был изумлён громадностью состояния господина маркиза Карабаса.

Наконец Кот прибежал в прекрасный замок, принадлежавший Людоеду, который обладал невиданными богатствами, ибо все земли, через которые ехал король, составляли угодья этого замка.

Кот, который заранее узнал о том, кто такой Людоед и какие за ним водятся таланты, попросил позволения представиться ему, говоря, что он не смел пройти мимо замка, не явившись к нему на поклон.

Людоед принял его так вежливо, как только Людоед может, и пригласил садиться.

– Сказывают, – начал беседу Кот, – что вы можете, например, превратиться в льва или слона?

– Это правда, – басом отвечал Людоед, – а чтобы показать тебе моё искусство, вот смотри, я стану львом.

Кот так испугался, видя перед собою льва, что вмиг забежал на крышу – не без труда и не без опасности из-за своих сапог, ведь в сапогах очень неудобно ходить по черепице.

Когда Людоед принял человеческий образ, Кот спустился с крыши и признался, что он был в большом страхе.

– Сказывают ещё, – заговорил опять Кот, – но уж этому я не верю, – будто бы вы умеете обращаться и в самых маленьких зверьков, можете, например, превратиться в крысу или мышь? Откровенно скажу вам, я считаю это несбыточною вещью.

– Несбыточною? – заревел Людоед. – А вот увидишь.

И в ту же минуту он превратился в мышь, которая забегала по полу.

Кот как только её увидел, так сейчас же бросился на неё и съел.

Между тем король, заметив прекрасный замок Людоеда, пожелал в него войти.

Кот услышал стук экипажей по подъёмному мосту, кинулся навстречу и говорит королю:

– Милости просим, ваше величество, в замок господина маркиза Карабаса.

– Как, господин маркиз! – вскричал король. – И замок этот принадлежит вам? Ничего не может быть красивее двора и строений! Посмотрим комнаты, если позволите?

Маркиз подал молодой принцессе руку и последовал за королём, который шёл впереди. В большом зале их ожидала великолепная закуска, приготовленная Людоедом для своих приятелей, которые собирались навестить его в этот самый день, но не посмели войти, узнав, что в замке находится король.

Короля очаровали добрые качества господина маркиза Карабаса. Видя, каким маркиз обладает несметным богатством, король <…> говорит:

– Не хотите ли, господин маркиз, быть моим зятем?

Маркиз не раздумывая согласился на такую большую честь и в тот же самый день обвенчался с принцессою.

Кот зажил большим барином и уж больше не ловил мышей, разве иногда для развлечения.

Красная шапочка

Жила-была маленькая девочка. Была она скромная и добрая, послушная и работящая. Мать не могла нарадоваться, что у неё растёт такая помощница: дочка помогала ей по хозяйству, а когда вся работа была сделана, читала матери что-нибудь вслух.

Всем нравилась эта милая девочка, но больше всех её любила бабушка. Сшила она как-то из красного бархата шапочку и подарила её внучке на именины.

Новая шапочка была девочке очень к лицу, и за то, что с того

дня никакую другую она носить не хотела, люди прозвали её Красной Шапочкой.

Однажды мать решила испечь пирог.

Замесила она тесто, а Красная Шапочка нарвала яблок в саду. Пирог вышел на славу! Посмотрела на него мать да и говорит:

– Красная Шапочка, ступай-ка навести бабушку. Положу я тебе в корзинку кусок пирога и бутылку молока, отнесёшь это ей.

Обрадовалась Красная Шапочка, тут же собралась и отправилась к бабушке, которая жила на другом краю леса.

Мать вышла на крыльцо проводить девочку и стала её напутствовать:

– С чужими, дочка, не разговаривай, с дороги не сворачивай.

– Не беспокойся, – ответила Красная Шапочка, попрощалась с матерью и отправилась через лес к дому, где жила бабушка.

Шла Красная Шапочка по дороге, шла, да вдруг остановилась и подумала: «Какие красивые цветы здесь растут, а я и не смотрю вокруг, как звонко птицы поют, а я словно и не слышу! Как же хорошо здесь, в лесу!»

Действительно, сквозь деревья пробивались солнечные лучи, на полянках благоухали прекрасные цветы, над которыми порхали бабочки.

И Красная Шапочка решила:

«Принесу-ка я бабушке вместе с пирогом ещё и букет цветов. Ей, наверно, будет приятно. Ещё ведь рано, я к ней всегда успею».

И она свернула с дороги прямо в лесную чащу и стала собирать цветы. Сорвёт цветок и подумает: «А дальше вон растёт ещё покрасивей», – и к тому побежит; и так уходила она всё глубже и глубже в лес.

Идёт девочка по лесу, собирает цветы, поёт песенку, вдруг навстречу ей злющий волк.

А Красная Шапочка вовсе его и не испугалась.

– Здравствуй, Красная Шапочка! – сказал волк. – Куда это ты собралась так рано?

– К бабушке.

– А что у тебя в корзинке?

– Бутылка молока и пирог, мы с мамой его испекли, чтобы порадовать бабушку. Она больная да слабая, пусть поправляется.

– Красная Шапочка, а где живёт твоя бабушка?

– Чуть подальше в лесу, под тремя большими дубами стоит её домик.

– Счастливого пути тебе, Красная Шапочка, – пробормотал волк, а про себя подумал: «Славная девочка, лакомый был бы для меня кусочек; повкусней, пожалуй, чем старуха; но, чтоб схватить обеих, надо дело повести похитрей».

И он что есть духу помчался самой короткой дорогой к бабушкиному дому.

Идёт Красная Шапочка по лесу, никуда не торопится, а серый волк уже стучится к бабушке в дверь.

– Кто там?

– Это я, Красная Шапочка, принесла тебе пирог и бутылку молока, открой мне, – ответил волк тонким голоском.

– Нажми на щеколду[41], – крикнула бабушка, – я очень слаба, подняться не в силах.

Нажал волк на щеколду, дверь отворилась, и, ни слова не говоря, он подошёл прямо к бабушкиной постели и проглотил старушку.

Затем волк надел её платье, чепец, улёгся в постель и задёрнул полог.

А Красная Шапочка всё цветы собирала, и, когда она уже их набрала так много, что больше нести не могла, вспомнила она о бабушке и отправилась к ней.

Подошла Красная Шапочка к домику бабушки, а дверь открыта. Удивилась она, зашла внутрь и крикнула:

– Доброе утро! – Но ответа не было.

Тогда она подошла к постели, раздвинула полог, видит – лежит бабушка, надвинут чепец у неё на самое лицо, и выглядит она странно.

– Ой, бабушка, отчего у тебя такие большие уши? – спросила Красная Шапочка.

– Чтоб лучше тебя слышать!

– Ой, бабушка, а какие у тебя большие глаза!

– Это чтоб лучше тебя видеть!

– Ой, бабушка, а что это у тебя такие большие руки?

– Чтоб легче тебя обнять.

– Ох, бабушка, какой у тебя, однако, большой рот!

– Это чтоб легче было тебя проглотить!

Сказал это волк, вскочил с постели – и проглотил бедную Красную Шапочку.

Наелся волк и улёгся опять в постель, заснул и стал громко-прегромко храпеть.

Шёл мимо охотник.

Услышал он доносившиеся из домика какие-то странные звуки и насторожился: не может быть, чтобы старушка так громко храпела!

Подкрался он к окошку, заглянул внутрь – а там в кровати волк лежит.

– Вот ты где, серый разбойник! – сказал он. – Я уже давно тебя разыскиваю.

Хотел охотник сначала застрелить волка, да передумал. Вдруг тот съел бабушку, а её можно ещё спасти.

Взял охотник тогда ножницы и вспорол брюхо спящему волку. Выбрались оттуда Красная Шапочка и бабушка – обе живые и невредимые.

И были все трое очень и очень довольны. Охотник снял с волка шкуру и отнёс её домой. Бабушка скушала пирог, выпила молока, что принесла ей Красная Шапочка, и начала поправляться да сил набираться.

Красная Шапочка же поняла, что всегда нужно слушаться старших и в лесу никогда не сворачивать с дороги.

Джоэль Чандлер Харрис (1845–1908)

Джоэль Чандлер Харрис родился в очень бедной семье. В 13 лет ему пришлось оставить свой дом и уйти на заработки. Харрис поступил в ученики к плантатору. На плантации он впервые познакомился с негритянским фольклором. Дж. Харрис пишет юмористические рассказы по мотивам негритянских сказок, которые позже будут объединены в книги о дядюшке Римусе. Первые публикации обработанных сказок появились в 1879 году в атлантской газете. В 1880 году был опубликован первый сборник сказок дядюшки Римуса. В дальнейшем было опубликовано ещё три сборника сказок. Вместе с тем Харрис продолжал работать журналистом.

Сказка про лошадь Братца Кролика

Раз после ужина мальчик прибежал к старому негру, чтобы послушать ещё про Братца Кролика и его приятелей.

Дядюшка Римус был очень весел в этот день.

Только Джоэль сунул голову в дверь, он услышал песенку…

И мальчик тотчас вспомнил, как гнался за Кроликом Старый Лис.

– Дядюшка Римус, – спросил Джоэль, – а Кролик совсем удрал, когда отлепился от Чучелка?

– Что ты, дружок! Зачем ему было совсем удирать? Такой человек, как Братец Кролик, да вдруг удирать! Конечно, он посидел дома, пока не выскреб из шерсти смолу; день, другой посидел и опять за своё: скачет то здесь, то там как ни в чём не бывало.

Все соседи посмеивались над Кроликом:

– Ну-ка, ну-ка, Братец Кролик, расскажи, что случилось у тебя со Смоляным Чучелком?

Уж так-то ему это надоело. Вот зашёл он раз навестить свою соседку, Матушку Мидоус с дочками, а девчонки ну потешаться над ним, ну хохотать. Братец Кролик сидел спокойно, будто оглох.

– А кто это – Матушка Мидоус? – спросил мальчик.

– Не перебивай, дружок. Ну просто так говорится в сказке: Матушка Мидоус с дочками, а больше я ничего не знаю.

Слушал, слушал Кролик, как они потешались над ним, потом положил ногу на ногу, подмигнул девочкам и говорит:

– Милые вы мои, да ведь Братец Лис у моего папаши тридцать лет был верховой лошадью: может, и больше, но

тридцать – это наверное.

Так он сказал, и встал, и откланялся, и пошёл прочь медленным, важным шагом.

На другой день заглянул к Матушке Мидоус Братец Лис.

Только стал он вспоминать про Чучелко, Матушка Мидоус и скажи, что говорил тут Кролик.

– Вот как! – сказал Старый Лис. – Ну ладно. Я заставлю Братца Кролика разжевать и выплюнуть эти слова тут же, на этом самом месте.

С тем и ушёл.

Выбрался на большую дорогу, отряхнул росу с хвоста и пустился прямёхонько к дому Кролика. Но Кролик ждал его, и дверь была на запоре. Старый Лис постучался.

Никто не отзывается. Опять постучался. Опять никого. Тогда он постучался покрепче: блям! блям!

Тут Кролик откликнулся слабеньким голосом:

– Это ты, Братец Лис? Будь добр, сбегай за доктором. Поел я утром фасоли, уж так мне от неё стало худо! Пожалуйста, Братец Лис, беги быстрей!

– А я за тобой, Братец Кролик, – говорит Лис. – Нынче у Матушки Мидоус праздник будет, я обещал тебя привести.

– Куда мне! – говорит Кролик. – Я и встать не могу.

– Ну, далеко ли тут идти? – говорит Братец Лис.

– Да я слаб, не дойду.

– Ну, я понесу тебя.

– Как, Братец Лис?

– Ну, на руках, Братец Кролик.

– А если я свалюсь?

– Не свалишься.

– Ну ладно, так и быть, только ты на спине меня повези, Братец Лис.

– Хорошо, Братец Кролик.

– А седла-то нет у меня, Братец Лис.

– Ну, я достану седло, Братец Кролик.

– Как же я буду сидеть в седле без уздечки?

– Ну, я достану уздечку.

– Только тебе ещё нужны наглазники, Братец Лис, а то, чего доброго, испугаешься по дороге – я и вылечу из седла.

– Ладно, и наглазники будут, Братец Кролик.

– Ну, тогда хорошо, Братец Лис.

Старый Лис сказал, что довезёт Кролика почти до самого дома Матушки Мидоус, а там ему придётся слезть и дойти пешком. Кролик согласился, и Лис побежал за седлом и уздечкой.

Конечно, Кролик знал, что Лису верить нельзя, вот он и

решил перехитрить его.

Только успел Кролик шерсть причесать и усы закрутить, глядь – воротился Лис с седлом и уздечкой, смирный с виду, как пони в цирке. Подбежал к дверям, остановился, лапой землю скребёт, грызёт уздечку, совсем как лошадь.

Кролик сел в седло, и они поскакали. Старому Лису в наглазниках не видно, что делается сзади, но вдруг он чувствует – Кролик поднял ногу.

– Что ты там делаешь, Братец Кролик?

– Штаны поправлю, Братец Лис.

А всё это время Кролик привязывал шпоры. Как подъехали они близко к дому Матушки Мидоус, где Кролику надо было слезать, стал Лис останавливаться. Тут Кролик как всадит ему шпоры в бока и пошёл, и пошёл!..

Подъехали они к дому. Матушка Мидоус со всеми дочками сидела у порога. Братец Кролик проскакал мимо, прямо к коновязи, и привязал Лиса. А потом входит в дом, пожимает ручки девочкам, <…> а сам говорит:

– Разве я не рассказывал вам, что Братец Лис ещё моего папашу катал? Он потерял немножко резвость, но я натаскаю его снова за месяц-другой.

Тут Братец Кролик усмехнулся, а девочки – хохотать, а Матушка Мидоус знай похваливает лошадку Братца Лиса.

– И это всё, дядюшка Римус? – спросил мальчик.

– Всё не всё, да хватит. А то будет слишком много холста на пару штанов, – ответил поговоркою старый негр.

notes

Примечания

1

Овин – хозяйственная постройка, в которой сушили снопы перед молотьбой.

2

Сивый – цвет лошади: вороная с проседью.

З

Зипун – в старину верхняя одежда у крестьян из домотканого коричневого или чёрного сукна.

4

Ретивый – усердный, горячий, старательный.

5

Жать – срезать серпом растения с корня.

6

Лапоть – плетёная обувь.

7

Коромысло – деревянное приспособление для ручного ношения двух вёдер или других грузов.

8

Устье – широкое топочное отверстие русской печи.

9

Челночок – уменьш. – ласк. от чёлн – долблёная лодка.

10

Дока – мастер, искусник, некогда колдун.

11

Куль – большой мешок из рогожи – грубой хозяйственной ткани.

12

Лытки – (разг.) ноги; икры, голени.

13

Шкодливый – озорной.

Бурмистр – начальник города, села.

15

Задать жару – расправиться с кем-либо.

16

Просвирня – женщина, которая занимается выпечкой просвиры – белый круглый хлебец из крутого теста, употребляемый в православном богослужении.

17

Гусельцы – уменьш. – ласк. от гусли – русский народный струнный щипковый музыкальный инструмент.

18

Лобызать – (устар.) целовать.

19

Горница – комната, служившая для приёма гостей.

20

Лоханка – круглая или продолговатая посудина для мытья посуды и других хозяйственных нужд.

21

Перекладная – экипаж, запряжённый лошадьми, которые менялись на почтовых станциях; «на перекладных» путешествовали в России до проведения железных дорог.

22

Дупель – болотная птица с длинным тонким клювом.

23

Торный – гладкий, ровный (о дороге).

24

Пуделять – (охот. простореч.) стрелять мимо, делать промахи в стрельбе по чему-либо.

25

Аршин – устаревшая мера длины, равна 71 см.

26

Сажень – старорусская единица измерения расстояния. 1 сажень = 2,1 метра

Гуторить – (обл.) говорить, беседовать, болтать.

28

Зипун – в старину – верхняя одежда у крестьян.

Чупрун – чуб, спускающаяся на лоб прядь волос.

30

Облучок – часть саней.

31

Кушак – пояс, обычно широкий, из ткани.

32

Тороватый – великодушный, щедрый.

33

Салазки – маленькие санки для катания с гор или перевозки вручную небольших грузов.

34

Перекати-поле – степное растение, верхушка которого в сухом состоянии легко отламывается ветром от основания и перекатывается в виде большого клубка по полям.

35

Кукан – приспособление для сохранения и переноса выловленной рыбы.

36

Коляда – мифологический персонаж у славян, связанный весенним циклом плодородия.

37

Щур – птица семейства вьюрковых.

38

Ять – буква в дореволюционном русском алфавите.

39

Сильфида – в середневековых поверьях дух воздуха.

40

Скиллинг – денежная единица, ходившая в Дании, Швеции, Норвегии и Исландии.

41

Щеколда – род дверного засова – металлическая пластина с рычажком.